ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 2 (101) 2022

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.
Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836
Издаётся с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017
тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
Телетайп: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru
© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:
П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:
А. Н. Шаламова, канд. юрид. наук, доц., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:
О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России
А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России
О. П. Грибунов, д-р юридических наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России
А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области
В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета
И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета
И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета
В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия
С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Байкальского государственного университета
А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета
Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Юридического института Байкальского государственного университета
Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета
З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, первый проректор, проректор по науке и стратегическому развитию Центрально-Казахстанской академии
Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)
В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета
А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России
В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры административного и информационного права Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.
Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.
Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.
Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 29 июня 2022 г. Дата выхода в свет 30 июня 2022 г.
Цена свободная
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 35,0
Тираж 1000 экз.
Первый завод 75 экз. Заказ № 44
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK
OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 2 (101) 2022

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)
PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016
The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.
Since June 1997
The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
fax: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022

Editors

Chief Editor
P. A. Kapustuk, Candidate of Economic Sciences, Head of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor
A. N. Shalamova, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Editorial team
O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board
A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor,
Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation
O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation
A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region
V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University
I. V. Minikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University
I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University
V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice
S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the centerof the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer of the Baikal State University
A. L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University
E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
I. V. Smolkova, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Law Institute Baikal State University
D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology, Forensic Examinations and Legal Psychology of the Baikal State University
Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector for Science and Strategic Development of The Central Kazakhstan Academy
N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation
V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University
A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation
V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Information Law of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.
Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.
The republication is allowed after the Editorial board permission only.
Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 29th June 2022. Publication date 30th June 2022.
Price: free
Format 60 × 84/8
Conventional printed sheets 35,0. Issue 1000 copies
Fist issue 75 copies. Order No 44
Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Егоров А. А. Теория прав человека в трудах А.П. Куницына 9

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Шаламова А.Н. Социальная ответственность через призму идеи социального государства 19

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Деулин Д.В., Ким А.У. Направленность личности, склонной к совершению экономических преступлений 29
Звечаровский И.Э., Кандыбко Н.В. Об уголовно-правовом значении возмещения ущерба от преступления 41
Кобец П. Н. Совершенствование противодействия современным вызовам и угрозам в сфере информационной безопасности Российской Федерации, исходящих от международных террористических организаций 51
Малетина М. А. Проблемы уголовно-правовой оценки склонения к самоубийству или содействия совершению самоубийства при малозначительности деяния 65
Малыхина Т.А. О специфике детерминации современной рецидивной преступности в России 75
Никонов П. В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения 86
Рогова Е.В., Забавко Р.А., Ивушкина О.В. Межотраслевая дифференциация ответственности в контексте введения уголовного проступка 106
Уфимцев И.А. Уголовная ответственность за незаконную охоту, совершенную с применением транспортных средств в истории законодательства России 116

Уголовный процесс

Гапонова В. Н. К вопросу о задержании в уголовном судопроизводстве России 132
Лыга А. П. Соотношение публичных правовых и частных правовых интересов при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера 142

Судебная деятельность, прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность

Попова И. П. К вопросу о понятии правосудия 159

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

К 100-летнему юбилею Рафаила Самуиловича Белкина

Грибунов О.П. Концептуальные основы криминалистики в научном труде Р.С. Белкина «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики» 173

Железняк И. Н. Проблемы цифровизации негласного сотрудничества граждан с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность 181
Пермяков А.Л. Система и механизм расследования преступления 193
Самоделкин А.С., Тимофеев С.В. Современные методы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием wифровых технологий 206

Административное право; административный процесс

Беженцев А.А. Кодификация законодательства об административной ответственности: современная концепция 216
Новичкова Е. Е., Пестов Р. А. О сроках в производстве по делу об административном правонарушении 228
Труфанов М. Е., Добров А. Н. Дефинитивные, организационные и процедурные компоненты современного регистрационного производства 241
Ракитский В. В. Перспективы развития института административной ответственности в сфере дорожного движения 251
Шадрина Л. В. Принудительное возвращение иностранных граждан и лиц без гражданства в государство гражданской принадлежности или постоянного проживания: сравнительно правовой анализ 260

Информация для авторов 275

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Egorov A. A. Theory of human rights in the works of A.P. Kunitsyn 9

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Shalamova A. N. Social responsibility through the prism of the idea of a welfare state 19

Criminal law and criminology; criminal executive law

Deulin D. V., Kim A. U. The direction of a person intended to commit economic crimes 29
Zvecharovsky I. E., Kandybko N. V. On the criminal-legal significance of compensation for damage from a crime 41
Kobets P. N. Improving counteraction to modern challenges and threats in the field of information security of the Russian Federation emanating from international terrorist organizations 51
Maletina M. A. Problems of criminal legal assessment of incitement to suicide when the act is insignificant 65
Malykhina T. A. On the specifics of the determination of modern recidivism in Russia 75
Nikonov P. V. Criminal legal policy in the field of counteraction to corruption crimes related to giving and receiving bribe and other types of illegal remuneration 86
Rogova E. V., Zabavko R. A., Ivushkina O. V. Inter-branch differentiation of responsibility in the context of the introduction of a criminal offense 106
Ufimtsev I. A. Criminal liability for illegal hunting committed with the use of vehicles in the history of Russian legislation 116

Criminal proceeding

Gaponova V. N. To the question of detention in criminal judicial proceedings in Russia 132
Lyga A. P. Correlation of public legal and private legal interests in the application of measures of criminal procedural coercion property character 142

Judicial activity; prosecutorial activities; human rights and law enforcement

Popova I. P. On the question of the concept of justice 159

Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

To the 100th anniversary of Raphael Samuilovich Belkin
Gribunov O. P. Conceptual foundations of criminalistics based on work of R. S. Belkin «Criminalistics: today's problems. Topical issues of Russian criminalistics» 173

Zheleznyak I. N. The problems of digitalization of the tacit cooperation of citizens with the bodies carrying out operational investigative activities 181
Permyakov A. L. System and mechanism of crime investigation..... 193
Samodelkin A. S., **Timofeev S. V.** Modern methods of detecting and discovering crimes committed with the use digital technologies 206

Administrative law; administrative process

Bezhentsev A. A. Codification of legislation on administrative responsibility: a modern concept 216
Novichkova E. E., Pestov R. A. On terms in proceedings on the case of administrative infringement 228
Trufanov M. E., Dobrov A. N. Definitional, organizational and procedural components of modern registration proceedings 241
Rakitskii V. V. Prospects for the development of the institute of administrative responsibility in the field of traffic 251
Shadrina L. V. Forced return of foreign citizens and stateless persons to the state of citizenship or permanent residence: a comparative legal analysis 260

Information for authors 275

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 9—18.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no.2 (101). P.9—18.

12.00.01. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Научная статья
УДК 340.1
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.23.59.001

ТЕОРИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ТРУДАХ А.П. КУНИЦЫНА

Егоров Александр Александрович
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Российская Федерация, Москва, egorov.a90@mail.ru

Введение: В отечественной юридической литературе давно назрела потребность в комплексном политико-правовом исследовании теории прав человека в рамках учений о происхождении государства и права. В последние годы наметились тенденции по изучению государственно-правовых воззрений классиков отечественной теоретико-правовой мысли с учетом современного уровня развития знаний и принципа историзма. Благодаря этому обстоятельству некоторые концепции получают «второе дыхание», конструктивно доказывая состоятельность своих положений. В данном контексте следует обратиться к идеям выдающегося представителя отечественной школы естественного права А.П. Куницына, акцентировав внимание на понимании им прав человека, как в целом, так и в контекстах его гражданско-правовой и семейно-правовой доктрин.

Материалы и методы: эмпирическую основу исследования составили первоисточники в виде трудов А.П. Куницына, а также соответствующая исследовательская литература. Методологическая основа исследования проявилась в комплексном использовании диалектического, историко-правового, структурно-правового и формально-юридического методов.

Результаты исследования: уточнены положения как авторской теории прав человека в целом, так и в сферах гражданского и семейного, раскрыто их конкретно-историческое содержание и новаторство по сравнению с наработками А.Н. Радищева.

Выводы и заключения: раскрыты понятие и виды первоначальных и производных прав человека, понятие и виды правомочий собственника, требования к правомерности договора, правовая природа, основания заключения и расторжения брака, а также взаимоотношения родителей и детей.

Ключевые слова: право, первоначальные права, производные права, обида, собственность, договор, брак.

Для цитирования: Егоров А.А. Теория прав человека в трудах А.П. Куницына // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. —2022. —№ 2 (101). — С. 9—18.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.23.59.001

© Егоров А. А., 2022

**12.00.01. Theory and history of law and the State;
history of the teachings of law and the State.**

THEORY OF HUMAN RIGHTS IN THE WORKS OF A.P. KUNITSYN

Original article

Alexander A. Egorov
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russian Federation, Moscow, egorov.a90@mail.ru

Introduction: In the domestic legal literature, there has long been a need for a comprehensive political and legal study of the theory of human rights within the framework of the teachings on the origin of the state and law. In recent years, there have been trends in the study of the state-legal views of the classics of Russian theoretical and legal thought, taking into account the current level of knowledge development and the principle of historicism. Due to this circumstance, some concepts get a «second wind», constructively proving the validity of their provisions. In this context, it is necessary to turn to the ideas of the outstanding representative of the national school of natural law A.P. Kunitsyn, focusing on his understanding of human rights, both in general and in the context of his civil and family legal doctrines.

Materials and methods: the empirical basis of the study was made up of primary sources in the form of the works of A.P. Kunitsyn, as well as relevant research literature. The methodological basis of the research was manifested in the complex use of dialectical, historical-legal, structural-legal and formal-legal methods.

The results of the study: the provisions of both the author's theory of human rights in general and in the spheres of civil and family are clarified, their concrete historical content and innovation are revealed in comparison with the developments of A.N. Radishchev.

Findings and Conclusions: the concept and types of initial and derivative human rights, the concept and types of the rights of the owner, the requirements for the legality of the contract, the legal nature, the grounds for the conclusion and dissolution of marriage, as well as the relationship between parents and children are disclosed.

Key words: *law, original rights, derivative rights, grievance, property, contract, marriage.*

For citation: Egorov A. A. Teorija prav cheloveka v trudah A.P. Kunicyna [Theory of human rights in the works of A.P. Kunitsyn]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 9—18 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.23.59.001

Исторический период конца XVIII — начала XIX веков в нашей стране был ознаменован процессами разложения феодального строя и развития капиталистиче-

ского уклада. Помещичий класс, руководствуясь вековыми устоями феодализма, всеми силами и средствами стремился сохранить и упрочить свое привилегированное положение, результатом чего стало поступательное ухудшение положения крепостных крестьян, составлявших треть населения Российской империи. Эта ситуация приводила к тому, что в стране вспыхивали народные восстания, жестоко подавляемые царскими войсками. Неудачи, сопутствующие крестьянским волнениям были вполне объяснимы. Необходимо понимать, что основная масса населения была угнетаема, безграмотна и не могла выдвинуть из своей среды революционных идеологов. Таким образом, стихийное революционное движение остро нуждалось в теоретико-мировоззренческом осмыслении и направлении.

Первые идеологи революционной борьбы были в основном представителями дворянского класса и отчасти «разночинцами». Выдающееся место среди них занимает А.Н. Радищев, творческое наследие которого стало предтечей не только декабристского движения, но и выхода на авансцену еще одного выдающегося отечественного мыслителя, представителя школы естественного права Александра Петровича Куницына (1783 — 1840). Упоминание имени родоначальника революционных идей в отечественной науке в данном контексте отнюдь не случайно.

Согласно принципу историзма, вклад ученого (мыслителя) в развитие той или иной проблематики характеризуется и оценивается посредством сопоставления наработок предшествующего и последующего этапов развития науки (мысли). В этом смысле недопустимо рассматривать правовое мировоззрение А.П. Куницына сугубо сквозь призму достижений современной юридической науки. Для определения степени разработанности его идей необходимо их сопоставление с ключевыми постулатами правовой доктрины А.Н. Радищева. Сходство этих выдающихся ученых очевидно, так как они относились к числу наиболее образованных людей своего времени и отстаивали поистине прогрессивные идеи: решающая роль общества в историческом развитии; свобода и равенство людей от рождения; право народа на восстание; наделение крестьян землей; обеспечение правовой защитой всего населения и т.п. Вместе с тем, обусловленная конкретно-историческими условиями концептуальная взаимосвязь правовых воззрений А.Н. Радищева и А.П. Куницына не ставит между ними знак равенства.

По справедливому замечанию Ф.Н. Смирнова, А.П. Куницын не был революционером и, выступая за демократические преобразования, большие надежды возлагал на реформы, хотя из его основного труда «Право естественное» можно было сделать революционные выводы [1, с. 7 — 8]. Несомненно, одной из наиболее интересных сторон его многогранного наследия следует признать теорию прав человека. Вместе с тем, развивая мысль от общего к частному, сначала следует понять общие положения его правовой концепции.

Признавая умозрительную часть правоведения в России еще недостаточно сформированной, А.П. Куницын отмечал наличие множества затруднений в формулировании и использовании учебных слов и выражений [2, с. 1]. По справедливому замечанию Л.С. Гимишян, учение А.П. Куницына о праве представляет собой сердце-

вину его естественно-правовой философии и является наиболее трудным для восприятия. Вместе с тем, именно правовые воззрения выделяют этого ученого среди иных отечественных представителей естественно-правового направления [2, с. 126]. Необходимо осветить вопрос образования права. В этом контексте следует упомянуть различные позиции ученых.

Так, например, Л. Цветаев отстаивал мысль, согласно которой образование права связано с появлением первых людей. Этот обстоятельство обусловило супружество, рождение детей и появление имущества, что способствовало появлению законов [3, с. 40]. В свою очередь первый русский профессор права С.Е. Десницкий, обобщив большой фактический материал, пришел к выводу, что до появления государственных законов отношения между людьми регулировались нормами обычного права. Появление норм официального права он связывал с переходом общества к «коммерческому состоянию» и возникновением государства [4, с. 250 — 258]. А.П. Куницын представил процесс появления права более подробно, хотя сходство его подхода с идеей С.Е. Десницкого очевидно.

Возникновение права А.П. Куницын связывал с появлением собственности на движимые вещи и объединением людей в семьи. Именно приобретение постоянной собственности обусловливало стремление к ее умножению и защите от посягательств посредством укрепления союзов людей [5, с. 97]. Сформулировав представление о процессе образования права, мыслитель исследовал и его понятие.

Согласно концепции А.П. Куницына, право представляет собой собирательное понятие, охватывающее собой как объективное, так и субъективное понимание последнего. Под правом он понимал следующее: «собрание законов», обеспечивающие внешнюю свободу; «качество лица», имеющего возможность действовать свободно, не посягая при этом на права других лиц; «качество действия», которое подразумевало саму совместимость свободы конкретного человека со свободой окружающих [6, с. 216]. Таким образом, очевиден тот факт, что само появление права и его понятие А.П. Куницын неразрывно связывал со свободой человека, которая проявлялась в ее нормативном закреплении и поведении индивида, которое не нарушает интересы окружающих. Это положение в самом общем виде было известно его предшественнику А.Н. Радищеву, который полагал, что предоставление законом права одному человеку одновременно налагает на другого соответствующую обязанность [7, с. 7]. А.П. Куницын выстроил весьма прогрессивную для своего времени систему естественных прав человека, которые он подразделял на первоначальные и производные. Если первые берут свое начало в самой природе человека и основываются на его врожденных качествах, то вторые приобретаются человеком в процессе его жизнедеятельности посредством реализации первых. Первоначальные права ученый дифференцировал на следующие виды: право существовать, право действовать и право достигать благополучия.

Право существования или право на жизнь А.П. Куницын раскрывает в двух аспектах посредством выделения физической жизни и нравственной жизни, которая основана на познавательных способностях [6, с. 242]. Как мы видим, речь идет

не только о самой физической возможности существования, но и о нематериальном аспекте человеческой жизнедеятельности. А.Н. Радищев в свою очередь упоминал сохранность граждан наряду с нравами, верой, вольностью и защитой имения лишь в контексте перечня предметов закона [7, с. 13]. Следовательно, предшественник А.П. Куницына подразумевал только самое общее представление о необходимости обеспечить сохранность физического существования человека. Кроме того, он предусматривал возможность защитить себя в случае нападения.

А.П. Куницын был уверен в том, что в случаях, когда сохранение жизни человека возможно лишь посредством «умерщвления несправедливого нападателя», закон разума признает справедливым сохранение жизни невиновного человека через «пожертвование жизни виновного» [2, с. 148]. Это право, по его мнению, является безусловным и не подлежит ограничению. Следует отметить, что А.Н. Радищев также сформулировал прообраз права необходимой обороны, распространив его лишь на случаи причинения смерти помещикам своими крепостными как реакции на посягательство господина на жизнь зависимого человека [8, с. 275]. Как мы видим, его подход носит ярко выраженный антифеодальный характер. Однако правильность его общеметодологического подхода сомнений не вызывает. Сам факт существования человека без сомнения предполагает наличие у него права совершать те или иные действия, которые А.П. Куницын подразделял на внутренние и внешние.

Внутренние действия находят свое воплощение в способности мыслить и желать. Признавая за каждым человеком стремление к познанию истины, А.П. Куницын был убежден в том, что никого нельзя принуждать признавать что-либо истинным вопреки собственным убеждениям [6, с. 235]. На свободе мысли основана и свобода человека управлять своими желаниями, если они не причиняют окружающим вреда. В свою очередь совершение внешних действий А.П. Куницын ассоциировал с правом «производить деяния» по собственному «произволу» и «усмотрению» [6, с. 235]. Признавая вслед за А.Н. Радищевым «чувственную природу человека», стремящегося на подсознательном уровне действовать правомерно, он предусмотрел необходимость ограничивать свободу человека.

А.П. Куницын полагал, что проявления свободы человека имеют следующие ограничения: «свобода других лиц»; «количество, принадлежащих ему прав»; «физические и нравственные силы, потребные для употребления права» [6, с. 236]. Именно эти обстоятельства по мысли ученого позволяют оценить конкретное деяние как «правое» или «неправое». Данный постулат следует признать непосредственным продолжением концепции правового поведения А.Н. Радищева, который полагал, что понятием «право» характеризуется все то, что законы «предписывают исполнять» или «дозволяют совершать». «Неправом» или обидой выступают поступки, совершение которых «законами запрещается» [7, с. 11]. В контексте раскрытия воззрений А.П. Куницына на феномен прав человека следует упомянуть выделяемые им классификации обид.

Первая классификация базируется на непосредственном объекте противоправного деяния. Посягательство на первоначальные права образует обиду «суще-

ственную». Нарушение же производных прав следует понимать как обиду «случайную» [6, с. 236]. А.Н. Радищев напрямую не предложил классификации прав человека на первоначальные и производные, сформулировав при этом категорию «вольность личная», состоящую в наличии у каждого человека права свободно распоряжаться своей жизнью, здоровьем, частями тела и добрым именем [7, с. 13]. Таким образом, А.П. Куницын более четко сформулировал представление о категориях прав человека.

Вторая градация обид зиждется на количественном критерии лиц, права которых нарушены. А.П. Куницын выделил следующие виды: «общая обида» (нарушение прав всех членов общества); «частная обида» (нарушение прав многих лиц или сословия); «особенная обида» (нарушение права одного лица) [4, с. 236]. Анализируя эту классификацию, сложно сказать, выделял ли он посягательства против интересов государственной власти. Вместе с тем налицо стремление защитить интересы не только всего общества или отдельного человека, но и права сословий.

Наконец А.П. Куницын предложил классифицировать обиды в зависимости от «качества деяния» правонарушителя: «положительная обида» («исполнение деяния», нарушающего права другого человека); «отрицательная обида» (нарушение права другого человека посредством «оставления известного деяния») [6, с. 236]. В данном случае прослеживается стремление защитить права человека не только от противоправных действий, но и от виновного бездействия. Еще одним первоначальным правом человека является право достигать благополучия.

А.П. Куницын был убежден в том, что чувственная природа человека определяется стремлением к приятному и отвращению от неприятного [6, с. 230]. Признавая понятие благополучия относительным, мыслитель полагал, что, несмотря на общность чувственной природы людей, неизбежно возникают разногласия. По мнению А.П. Куницына, человек может заблуждаться в выборе средств и действий, необходимых для достижения благополучия, однако, никто другой не может управлять им в этом процессе, так как в противном случае будет нарушена свобода человека [6, с. 238]. Представляется, что право достигать благополучия наиболее рельефно преломляется в феномене производных прав, одним из которых является право собственности.

А.П. Куницын понимал собственность как право исключительного употребления вещи при отсутствии нарушения прав других лиц [6, с. 243]. Следует отметить, что в современной ему юридической литературе содержались и другие определения. Например, Ф. Шмальц полагал, что право собственности — это неотъемлемая возможность, состоящая в употреблении какой-либо телесной вещи с одновременным исключением всех остальных людей от употребления этой вещью [9, с. 78 — 79]. В свою очередь А. Кранихфельд считал, что право собственности основано на совокупности прав владения, пользования и распоряжения имуществом [10, с. 74 — 75]. В трудах А.Н. Радищева собственнику предписывается три правомочия: «владение», «употребление» и «отчуждение» [11, с. 203]. А.П. Куницын предложил свой подход к определению правомочий собственника, состоящий в праве владения, праве сущности и праве распоряжения.

Под правом владения понималась способность человека «удерживать» вещь и «сохранять ее у себя», что давало владельцу возможность не допускать других лиц к употреблению этой вещи и влиянию на нее. Право на сущность подразумевало у владельца возможность преобразовать вещь, изменить ее, возмездно или безвозмездно передать другому лицу или употребить вещь. Наконец право пользования состоит в том, что владелец может использовать вещь как средство для достижения своих целей [6, с. 238]. Как мы видим, А.П. Куницын предложил достаточно прогрессивный подход для определения правомочий собственника имущества. Несомненное значение для его теории прав человека имеют также вопросы договорного права. Еще А.Н. Радищев сформулировал категоричное требование, состоящее в том, что в договор не могут включаться незаконные условия, противоречащие «благочинию» и «порядку общественному». В противном случае данный договор является ничтожным [11, с. 181, 188]. А.П. Куницын более прогрессивно переосмыслил и конкретизировал этот запрет.

Основой для заключения договора, по мысли А.П. Куницына является свободное согласие сторон, заключающиеся в одновременном наличии следующих обстоятельств: стороны находятся в «полном употреблении разума», т.е. осознают происходящее и руководят своим поведением; стороны имеют одинаковое представление о предмете договора; стороны способны четко выражать друг другу свою волю; наличие у сторон физической и «нравственной возможности» исполнить договор [6, с. 256]. Таким образом, в контексте соблюдения и защиты прав человека А.П. Куницын сформулировал своеобразные условия правомерности при заключении договора. Необходимо затронуть и вопросы семейного права, сопоставив их с наработками его предшественника А.Н. Радищева.

Признавая супружество союзом двух разнополых лиц, заключенным для совместного проживания посредством брачного договора, А.П. Куницын сформулировал ряд условий для заключения брака: свободное согласие обоих лиц; наличие нравственных и физических возможностей исполнить брачный договор (мыслитель считал недействительными браки, в которых хотя бы один из супругов состоит в другом браке) [6, с. 287]. В свою очередь А.Н. Радищев понимал брак как добровольный союз двух граждан, соглашение или договор [8, с. 217]. Он предусмотрел требование взаимного согласия супругов и добавил требование о соразмерности в возрасте для лиц, вступающих в брак [8, с. 217]. Вместе с тем, позиция А.П. Куницына представляется более прогрессивной, так как он отдельно оговаривает саму возможность для супругов заключить брак и совершенно правильно указывает на недопустимость нахождения хотя бы одного из них в ранее заключенном браке. Кроме того, помимо брака А.П. Куницын предусмотрел еще и временное сожительство.

По его мнению, это т.н. «наложничество», которое хотя и не запрещено законом все же противоречит нравственным постулатам, так как превращает человека в «раба своего вожделения» [6, с. 288]. Недопустимым он признавал и заключение браков между близкими родственниками ввиду наличия у них «особой нравственной любви», которая противоречит обязанностям супругов [6, с. 288]. Как мы видим,

наработки А.П. Куницына в этом вопросе настолько прогрессивны, что некоторые из них практически в неизменном виде получили своего законодательное закрепление и сегодня. В свою очередь он выделял также основания прекращения брака: смерть одного из супругов; нарушение супружеской верности; появление у одного из супругов опасной или заразной болезни; взаимное согласие супругов при отсутствии нарушения прав третьих лиц [4, с. 288]. Особое внимание он уделил отношениям родителей и детей.

Признавая наличие родительской власти, А.П. Куницын полагал, что она должна проявляться в заботе о сохранении здоровья и жизни детей, а также в совершенствовании их телесных и умственных способностей [2, с. 140]. Родители не могут относиться к детям как к своей собственности, однако вправе применять наказания в воспитательных целях. Родительская власть заканчивается, когда дети в состоянии самостоятельно трудиться и располагать своим поведением по собственному усмотрению. Эти постулаты следует сопоставить с идеями А.Н. Радищева.

А.Н. Радищев полагал, что родители обязаны кормить и обучать детей, помогать им, применять наказания за проступки до достижения ими совершеннолетия. Дети же обязаны «всем сердцем» почитать родителей [8, с. 112]. Как мы видим сходство их идей не вызывает сомнения, однако, А.П. Куницын более четко оговаривает правовой статус детей. Рассмотрев теорию прав человека в трудах А.П. Куницына, следует сделать некоторые обобщающие выводы:

— жизнь и научное творчество А.П. Куницына пришлись на период, когда в нашей стране система политических и правовых учреждений феодальной монархии находилась в противоречии с ростом капиталистического уклада, что обусловило резкую критику передовыми людьми России самодержавия и крепостничества;

— признавая свободу в качестве необходимого условия для существования права, А.П. Куницын особенно выделял право человека «производить деяния» и оставлять их «по собственному произволу и усмотрению»;

— феномен свободы мыслитель считал неотъемлемым условием существования личности, ученый закрепил своеобразные ограничения, которые не позволяли бы субъекту права выходить за пределы своих возможностей и нарушать интересы окружающих;

— выделяя первоначальные права человека, ученый наделял последними всех людей от рождения, полагая, что это некие вечные идеи разума, которые не нуждаются в обосновании;

— в рамках производных прав особенно выделялось право собственности и правомочия собственника, регламентация которых получила весьма прогрессивную форму;

— А.П. Куницын предложил достаточно четкие условия правомерности договора, акцентировав внимание не только на известных его предшественникам требованиях о взаимном согласии сторон и понимании ими предмета договора, но и на наличии возможности его исполнить;

— весьма четкую трактовку получили требования правомерности заключения и расторжения брака;

— мыслитель достаточно прогрессивно прописал сроки и пределы осуществления родительской власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов Ф.Н. Общественно-политические и правовые взгляды А.П. Куницына: Дис. ... канд. юрид. наук. М. 1965. — 259 с.

2. Гимишян Л.С. Государственно-правовые воззрения А.П. Куницына: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2004. — 203 с.

3. Цветаев Л. Начертание теории законов. М. 1816. — 378 с.

4. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. М. 1959. — 638 с.

5. Куницын А.П. Энциклопедия прав. Лицейские лекции // Красный Архив. — 1937. № 1(80). — с. 90 — 129.

6. Куницын А.П. Право естественное // Русские просветители. М. 1966. Т. 2. — с. 204 — 359.

7. Радищев А.Н. Опыт о законодавстве // Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 3. М. — Л.: Изд-во Академии Наук СССР. 1952. — 5 — 27 с.

8. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 1. М. — Л.: Изд-во Академии Наук СССР. 1938. — 250 — 400 с.

9. Шмальц Ф. Право естественное. СПб. 1820. — 120 с.

10. Кранихфельд А. Начертание Российского гражданского права в историческом развитии. — СПб.: В тип. III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии. 1843. — 327 с.

11. Радищев А.Н. Проект Гражданского Уложения // Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 3. М. — Л. 1952. — с. 171 — 245.

REFERENCES

1. Smirnov F.N. Socio-political and legal views of A.P. Kunitsyn: Dis. ... cand. jurid. M. 1965. 259 p.

2. Gimishyan L.S. A.P. Kunitsyn’s state-legal views: Dis. ... cand. jurid. sciences’. Saratov. 2004, 203 p.

3. Tsvetaev L. The outline of the theory of laws. M. 1816. — 378 p.

4. Desnitsky S.E. Legal reasoning about different concepts that peoples have about the ownership of estates in various states of community life // Legal works of progressive Russian thinkers. The second half of the XVIII century. M. 195.— 638 p.

5. Kunitsyn A.P. Encyclopedia of Rights. Lyceum lectures // Red Archive. — 1937. № 1(80). pp. 90 — 129.

6. Kunitsyn, A. P. Right natural // Russian enlightenment. M. 1966, Vol. 2. — pp. 204 — 359.

7. Radishchev A. N. Experience on the legislation // Complete works V 3 t. T. 3 M. — L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1952. pp. 5 — 27 .

8. Radishchev A.N. Journey from St. Petersburg to Moscow // Complete works in 3 vols. Vol. 1. M. — L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1938. pp. 250 — 400 .

9. Schmaltz F. Natural law. St. Petersburg, 1820, 120 p.

10. Kranichfeld A. The outline of Russian civil law in historical development. — SPb.: In the type. III Branches of the S.E.I.V. Chancellery. 1843, 327 p.

11. Radishchev A.N. Draft Civil Code // Complete works in 3 vols. Vol. 3. M. — L. 1952, pp. 171 — 245.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Александр Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права. Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
ORCID: 0000-0002-9867-0437
ResearcherID: U-5152-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorov Alexander Alexandrovich, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law. Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA), 125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9
ORCHID: 0000-0002-9867-0437
ResearcherID: U-5152-2021

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 08.11.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С.19—28.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 2 (101). P. 19—28.

**12.00.02. Конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право**

Научная статья
УДК 342.72/.73
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.43.35.002

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Шаламова Алиса Наильевна
Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, alisa.shalamova@yandex.ru

Введение: в статье отражены основные концептуальные положения социальной ответственности как правовой категории через призму идеи социального государства. В работе осуществлен анализ дефиниции социальности через конвергенцию сопряжения идеи социального государства с объективной реальностью правового регулирования и значимостью государственных институтов в жизни обычных граждан. В сфере реализации принципа социальной ответственности государства статья раскрывает основные направления деятельности государственных органов в сфере социального обеспечения и качественных критериев оценки государственного механизма в аспекте создания условий для гармоничного и всестороннего развития личности.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, а также международные акты и нормативный материал зарубежных государств, регулирующий сферу социального обеспечения. Методологическим фундаментом исследования выступает общий диалектический метод научного познания, а также методы дедукции, сравнительно-правовой метод, анализ, синтез и другой инструментарий, посредством которого можно познать правовое регулирование в проблематике социальной ответственности как непременного долженствования государственных институтов, бенефициаром которого выступают простые граждане государства.

Результаты исследования дают возможность пересмотреть государственную политику перераспределения ресурсов, осуществив дрейф из патерналистской парадигмы в социально-партнерскую сферу. В статье предпринята попытка выявить характерные свойства социальной ответственности как амбивалентного правового феномена.

Выводы и заключения: выявлены основные компоненты теоретического и практического концепта категории «социальная ответственность».

Ключевые слова: социальная ответственность, социальное государство, государственный патернализм, социальное партнерство.

© Шаламова А. Н., 2022

Для цитирования: Шаламова А. Н. Социальная ответственность через призму идеи социального государства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. —2022. № 2 (101). — С.19—28.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.43.35.002

12.00.02. Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Original article

SOCIAL RESPONSIBILITY THROUGH THE PRISM OF THE IDEA OF A WELFARE STATE

Alisa N. Shalamova
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, alisa.shalamova@yandex.ru

Introduction: the article reflects the main conceptual provisions of social responsibility as a legal category through the prism of the idea of a welfare state. The paper analyzes the definition of sociality through the convergence of the coupling of the idea of a social state with the objective reality of legal regulation and the importance of state institutions in the lives of ordinary citizens. In the sphere of implementation of the principle of social responsibility of the state, the article reveals the main activities of state bodies in the field of social security and qualitative criteria for assessing the state mechanism in the aspect of creating conditions for harmonious and comprehensive personal development.

Materials and Methods: the normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, as well as international acts and normative material of foreign states regulating the sphere of social security. The methodological foundation of the research is the general dialectical method of scientific cognition, as well as methods of deduction, comparative legal method, analysis, synthesis and other tools through which it is possible to learn legal regulation in the field of social responsibility as an indispensable duty of state institutions, the beneficiary of which are ordinary citizens of the state.

The result of the study: they provide an opportunity to revise the state policy of redistribution of resources, having carried out a drift from the paternalistic paradigm to the social partnership sphere. The article attempts to identify the characteristic properties of social responsibility as an ambivalent legal phenomenon.

Findings and conclusions: the main components of the theoretical and practical concept of the category «social responsibility» are identified.

Key words: social responsibility, social state, state paternalism, social partnership.

For citation: Shalamova A.N. Social'naja otvetstvennost' cherez prizmu idei social'nogo gosudarstva [Social responsibility through the prism of the idea of a social state]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 18—28 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.43.35.002

Анализируя природу социального государства, вдумчивый исследователь непременно сталкивается с проблематикой социальной ответственности, которая коренным образом сопряжена с такими категориями, как сущность государства, политическая жизнь страны, гражданское общество и его роль в структуре социальных связей. Так или иначе, в указанном аспекте исследователи уясняют дефиницию социальности, сопрягая указанную категорию с объективной реальностью правового регулирования и значимостью государственных институтов в жизни простых граждан. Именно указанные три понятия — социальность, социальная ответственность и государство — являются тем ключом к концептуальному уяснению идеи социального государства через призму социальной солидаризации.

Эволюция взглядов на проблематику идеи социального государства транслировала диспозитивный подход в плане отказа от благотворительности и тех, крайне субъективистских, воззрений на социальное государство, которое осуществляет заботу о своих гражданах. Тем не менее государство, провозгласившее себя социальным, выступает явлением индивидуально-определенным, детерминируемым в системе функционирования государственных институтов различного ранга, которые и призваны реализовывать идею социальной солидарности и взаимозависимости гражданина, государства и гражданского общества в плоскости социальной ответственности и основополагающих начал гуманизма.

Анализируя сущность социального государства, необходимо заострить внимание на двух аспектах:

— социально обусловленных обязанностях государства перед гражданином и обществом, которые базируются на диспозитивных началах;

— государстве, как основном интересанте в реализации программы исполнения обязательств перед обществом, которая основана на императивных принципах.

В рамках указанных выше амбивалентных позиций, затрагивающих сущность социального государства, можно узреть не только теоретические дефиниции в виде привычных юридических клише, транслирующих принцип социальной ответственности, но и ярко выраженную конкретику в виде нормативно-правового массива, который закрепляет права и обязанности субъектов конкретных правоотношений. Другими словами, государственные институты не только могут, но и должны осуществлять заботу о своих гражданах, т. к. только это и оправдывает факт существования государства как юридического феномена. Государство существует не для того, чтобы обеспечивать свои интересы, его главная цель — сделать жизнь своих граждан комфортней и безопасней.

Вместе с тем одним из концептуальных истоков социального государства выступает идея гуманизма как непременного атрибута демократической государственности, сущность которой расположена в плоскости движения к достойной жизни граждан, эффективным механизмам социальной защиты, концепции минимизации социальных рисков, полному раскрытию человеческого потенциала [1, с. 21—24].

Основной задачей здесь видится реальное стремление государства к воплощению в жизнь вышеуказанных принципов.

С позиции методологического синтеза принципиальных положений, затрагивающих идею социального государства, можно детерминировать его сущностную характеристику, которая выражается в закреплении функции социального обеспечения

за государственными институтами, в рамках которой реализуются принципы социальной ответственности публичной власти перед гражданами, с параллельной реализацией программы создания условий для роста экономики в целом.

Анализируя идею социального государства через призму международного права, можно назвать ряд позиций, которые могут определить то или иное государство как социальное. Во-первых, таковыми признается любое государство, которое реализует норму ст. 25 Всеобщей декларации прав человека. Во-вторых, социальным государством выступает то государство, которое нормирует обязанность публичной власти реализовывать программы социальной поддержки материально уязвимых категорий граждан. В-третьих, государство признается социальным в случае фактического обеспечения прав и свобод граждан, генерируя различные финансовые активы и иной инструментарий в целях достижения указанной цели. Вместе с тем государство, стремящееся быть социальным, определенным образом распределяет ресурсы, направленные на социальную поддержку граждан, которая, в свою очередь, зависит от материального благополучия конкретного физического лица или экономическое состояния предприятия или иного субъекта хозяйственной деятельности.

Подвергая анализу круг социальных обязательств государства, необходимо вычленить и те аспекты, которые оптимально влияют на оценку его эффективности в указанном направлении, а точнее: перечень государственных программ, объем финансирования сферы социального обеспечения, уровень коррупции, степень развития социального партнерства [2, с. 124].

Стоит отметить, что основным идейным стержнем социального государства выступает претворенный в жизнь принцип социального партнерства, который обладает собственным механизмом действия, прямо коррелирующимся с нормативным, субъективным и поведенческим аспектами.

Важно подчеркнуть, что нормативная составляющая идеологической основы социального государства расположена в плоскости правотворческой деятельности органов государства. В этой связи важную роль в реализации идей социального государства играет основной закон страны как фундамент всего нормативно-правового массива государства. Концепция социального государства транслируется именно в конституции, и в этом аспекте не только отечественная конституционная доктрина отстаивает указанную позицию, но и доктрины многих передовых демократических государств находятся в этой идеологической плоскости.

Тем не менее основной закон не предусматривает, в связи со своей фундаментальностью, детализации всех алгоритмов перераспределительного механизма и нюансов социальной политики государства, т. к. в конституции превалируют принципиальные положения, выступающие базой для обширного нормативного материала. Мало того, ключевая роль конституционного нормирования не расположена в плоскости облаченных в правовую форму деклараций, затрагивающих взаимные права и обязанности субъектов конституционных правоотношений, но их значимость функционально отнесена к тому, что конституция прямо влияет на всю нормативно-правовую базу государства, выступая точкой отсчета правового регулирования.

Примечательно, что нормативный материал, нормирующий сферу социального обеспечения, обычно не кодифицирован. Однако в случае наличия социальных кодексов,

можно увидеть то, что они крайне фрагментарны и не обладают свойствами детализированности, располагаясь в плоскости разнообразных инициатив в социальных и экономических кластерах. Мало того, социальные кодексы попадают в зависимость от иных нормативных инструментов, которые регулирую те или иные сферы жизни страны.

Анализируя международно-правовой механизм регламентирующий сферу социального обеспечения и направления, связанные с социальной ответственностью государства, следует указать на то, что он сконцентрирован прежде всего в Европейской социальной хартии 1961 г., Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Всеобщей декларация прав человека, Кодексе социального обеспечения 1990 г., Декларации о целях развития тысячелетия ООН 1999 г. и ряде других соглашений.

Вполне объяснимо и то, что международное право, как правовой феномен, обладает своей особой спецификой, ключевым свойством которой выступает отсутствие императивности в аспекте регулирования внутригосударственных правоотношений. В этой связи массив международных норм попадает в зависимость от их признания государствами-участниками соглашения, да и сама имплементация и её контроль также крайне затруднены по причине существования государственного суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела государств. Регулирование сферы социального обеспечения осложняется еще и тем, что юридически суверенное государство вправе вести независимую внутреннюю политику в экономическом кластере и сфере перераспределения ресурсов, а принципы, зафиксированные в международных соглашениях, выступают не более чем ориентирами, не обладая свойством прямого действия. Мало того, сам факт существования свободного рынка несет в себе детерминанту неравномерности экономического развития в сфере потребления, а нормы международного права так или иначе ориентированы на достаточно высокие стандарты в сфере социального обеспечения, которые часто не под силу реализовать в странах третьего мира, нередко обладающих стагнирующей или депрессивной экономикой.

Затронув проблему социальных стандартов, нельзя обойти вниманием категорию социальной солидарности, которая выступает наиболее действенным инструментом, способным разрешить проблему социального неравенства в плоскости потребления, и могущим быть имплицитно выраженным в закреплении минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума для различных возрастных категорий граждан.

Применительно к России проблема социального обеспечения населения и социально-экономической стандартизации находится в русле недостаточности финансирования. В связи с недостатком ресурсов уровень жизни российских граждан, в сравнении со странами Западной и даже Восточной Европы, остается на неудовлетворительном уровне. В этой связи сам аспект правотворчества попадает в зависимость от бюджетной составляющей, а нарастающее санкционное давление Запада и геополитическая напряженность все более ухудшают покупательную способность россиян. Следовательно, основной правотворческий упор, полагаем, нужно осуществлять в регулировании и финансировании определенных кластеров социальных отношений, которые отвечают за рост российской экономики и поддержание экономических инициатив граждан в сфере малого бизнеса и самозанятости. Это особенно актуально

в период пандемии коронавируса, когда многие предприятия сферы обслуживания получили существенный урон из-за самоизоляции граждан.

Примечательно, что сущность социальной ответственности достаточно амбивалентна и затрагивает не только обязательства государства в сфере социального обеспечения, но и спектр долженствований простых граждан, которые должны отойти от патерналистских позиций, уяснив, что «нередко в том, что ты беден, виноват только ты сам». В связи с уязвимостью отечественной экономики часто целые экономические кластеры оказываются в регрессе, а сама образовательная модель не подразумевает стабильное существование компетентной образовательной среды, которая бы позволила сохранять стабильные экономические знания без постоянного переобучения. В этой связи реформа отечественного образования и цифровизация российской экономики (которая невозможна без внедрения актуальных знаний в широкие слои населения) должны быть первичны на повестке правотворческих органов государства.

Тем не менее реформирование лишь системы образования явно недостаточно для того, чтобы сдвинуть правосознание россиян с патерналистских позиций и внедрить тезис о том, что государство не опекун, а партнер. Значимым здесь должно выступать то, что допустимы любые программы, которые могли бы повысить благосостояние населения посредством точечной адресной помощи и реорганизации сферы социального обеспечения в русле самопомощи, и партнерских отношений между личностью и государством. Недопустимыми, по мнению автора статьи, выступают лишь те программы, которые лишь имитируют стремление государства повысить благосостояние населения, т. к. это прямой путь к масштабной коррупционности не только в экономике, но и в обществе в целом.

В целом социальная ответственность граждан выражается в стремлении своими силами выйти из бедности и нищеты, притом что государственное долженствование здесь видится в осуществлении четкой политики экономической помощи населению посредством выстраивания партнерских отношений с гражданами. Ресурсы, которые выделяет государство в сфере социального обеспечения, должны не просто поднимать благосостояние граждан, они должны развивать саму личность, дабы она повышала свою экономическую ценность.

Исследуя концептуальную эволюцию реформистских идей и воззрений, затрагивающих проблематику социальной ответственности, так или иначе заостряем внимание на аспекте привлечения граждан к решению социально-экономических вопросов. Постулируя тезис о том, что интересы граждан выступают основным государственным ориентиром, нельзя забывать о существенном многообразии и формах выражения частного интереса. В связи с этим механизм народовластия направлен не только на выработку программ защиты малого и среднего бизнеса и поддержку малоимущих граждан, но и на обеспечение общественного, коллективного интереса, который выражается не столько в субъективных правах, сколько в обязанностях граждан в отношении общества и государства [3, с. 11].

Стоит подчеркнуть, что социальное государство обладает большим массивом разнообразных моделей. В частности, одни ученые осуществляют теоретическую и практическую корреляцию социального государства через призму нивелирования свободного рыночного хозяйствования, отстаивая принципы относительного равенства воз-

можностей, реализация которых в либеральной экономике часто затруднена в связи с тенденцией неравномерного её развития и неизбежного социального расслоения. В этой связи дрейф расширения полномочий государства в экономической сфере вступает процессом объективным и в некотором роде наделен положительными свойствами [4; 5; 6; 7].

Тем не менее либеральная экономика при всей своей противоречивости позволят осуществлять рост ВВП, в отличие от тех экономических систем, где доминирует административный способ управления, и государственные органы осуществляют масштабное регулирование экономических процессов. Само по себе имущественное расслоение — это процесс достаточно нормальный и обусловленный существующей моделью свободного рынка. В этой связи важным фактором для реализации идей социального государства должны выступать программы по борьбе с бедностью и динамика развития различных национальных экономик демонстрирует позитивные сдвиги в этом направлении.

Ведя речь о социальной ответственности государства то необходимыми позициями, которые бы способствовали реализации указанного принципа выступает качественный и количественный критерии. К качественным характеристикам принципа социальной ответственности государства относятся рост благосостояния населения и создание предпосылок для гармоничного развития личности. В этой связи количественный критерий указанного принципа расположен в русле следующих показателей: потребительских и бюджетных величинах; доходов и расходов граждан в аспекте их целевой направленности; характеристиках инвестиционных портфелей в сфере реализации социальных программ; размера ВВП; соотношения ВВП и заработных плат граждан различных экономических кластеров; уровне безработицы, в том числе латентной; смертности, в том числе суицидов; оттоке капиталов; миграционных потоках; ключевых позиций в сфере здравоохранения и образования [8, с. 36].

Тем не менее материальная составляющая не должна обладать бесспорным приоритетом в показателях социальности государства, по причине того, что даже развитые и благополучные в экономическом плане государства страдают от высоких показателей самоубийств и уровня насильственной преступности [9, с. 10].

В качестве примера можно привести статистику самоубийств в экономически развитых странах, таких как, например, Швейцария, где фиксируется более 20 самоубийств на 100 тыс. населения, в то время как экономически отсталые государства имеют более низкую динамику суицидов. В частности, в Парагвае менее 7 случаев суицида на 100 тыс. населения [10, с. 42].

Подобные показатели в сфере самоубийств наглядно демонстрируют то, что материальное благосостояние еще не означает полного раскрытия потенциала личности, который необходим для счастливой и полноценной жизни.

В концепте социального государства имеет место и проблематика государственного патернализма. В этом случае можно наблюдать негативную тенденцию в аспекте свобод личности, когда наблюдается вмешательство государства в сферу морально нравственных категорий, когда человек превращается в субъект государственной опеки.

Государственный патернализм делает излишним стремление человека лично решать свои экономические проблемы, параллельно развивая социальное иждивенчество в обществе.

Применительно к России идея государственного патернализма пронизывает практически все слои общества, поскольку она исторически взращена опытом царской России и СССР. Стоит отметить, что масштабное насаждение идеологии государственного патернализма мешает развиваться экономике и, в конечном счете, тормозит развитие личности как самостоятельной и самодостаточной единицы общества. Мало того, политика чрезмерного патернализма увеличивает объем социальных расходов, увеличивает налогообложение на доходы экономически успешных граждан, сокращает конкурентоспособность, увеличивает расходы на содержание государственного аппарата, снижает предпринимательскую активность. Кроме того, патернализм государства может спровоцировать негативную тенденцию, связанную с миграционными потоками, когда иностранные граждане приезжают в благополучную страну с целью социального иждивенчества [11, с. 52].

В заключение статьи необходимо подчеркнуть, что такая категория, как социальная ответственность, расположена в плоскости двух основных фигурантов — государства и личности. В плоскости социальной ответственности политика государственного патернализма бывает не столь эффективна как, например, реализация принципа социального партнерства, который предусматривает имплементацию политики социальной ответственности частного бизнеса и граждан в отношении коллективного интереса. Все эти аспекты социального ответственности сводятся к идее социальной солидарности и взаимных обязанностях личности, общества и государства. В свою очередь, тенденция масштабного социально-экономического регулирования со стороны государства может спровоцировать снижение экономического роста и возрастание социальной напряженности, в связи с невозможностью экономически активных граждан реализовать свой потенциал. Материальный аспект социального государства не является основным показателем его развития, т. к. сфера культуры и нравственности не менее важна в определении качества его развития. Сама концепция социального государства выражается в многоплановости моделей, которые прямо коррелируются с культурной, правовой, экономической составляющей страны и общества. Кроме того, идея социальной ответственности обладает амбивалентными свойствами, затрагивая не только доминанту государственных долженствований, но и кластер обязанностей граждан, без которых немыслима эффективная перераспределительная политика государства в сфере социального обеспечения граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Саудаханов М. В. Социальная солидарность как основа взаимной ответственности личности и государства / М. В. Саудаханов // Государственная служба и кадры. — 2021. — № 3. — С. 21—24.

2. Колесникова Н. А. Социальное партнерство в современной России / Н. А. Колесникова, Ю. А. Нестеров // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2018. — № 1 (7). — С. 119—128.

3. Грошев С. Н. Право собственности через призму идей Джона Локка. К вопросу о разнообразии форм собственности / С. Н. Грошев // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 1. — С. 11—13.

4. Кочеткова Л. Н. Социальное государство: опыт философского исследования / Л. Н. Кочеткова. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 160 с.

5. Калашников С. В. Функциональная теория социального государства / С. В. Калашников. — М.: Экономика, 2002. — 190 с.

6. Социальная экономика: теория и практика / Под ред. А. В. Бузгалина, К. В. Маркаряна. — М.: ТЕИС, 2009. — 315 с.

7. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние: научные записки и очерки / Науч. ред. О. Т. Богомолов. — М.: Институт экономических стратегий, 2008. — 440 с.

8. Шаламова А. Н. Социальное государство: теория и практика / А. Н. Шаламова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 31—38.

9. Квашис В. Е. Основные показатели и тенденции преступности в США / В. Е. Квашис // Виктимология. — 2019. — № 1 (19). — С. 9—13.

10. Гилинский Я. И. Самоубийство как социальный феномен / Я. И. Гилинский // Социологический журнал. — 2011. — № 2. — С. 39—48.

11. Бистрина М. Г. Миграционная политика Европейского союза / М. Г. Бистрина // PolitBook. — 2019. — № 1. — С. 49—60.

REFERENCES

1. Saudakhanov, M. V. Social solidarity as the basis of mutual responsibility of the individual and the state . Public service and personnel. 2021, no. 3. pp. 21–24.

2. Kolesnikova, N. A. Social partnership in modern Russia . The Socio-economic and humanitarian log Krasnoyarsk GAU. 2018. № 1 (7). pp. 119–128.

3. Groshev, S. N. The right of ownership through the prism of the ideas of John Locke. On the question of the diversity of forms of ownership. Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 1. pp. 11–13.

4. Kochetkova, L. N. The social state: the experience of philosophical research / L. N. Kochetkova. — M.: Book House «LIBROCOM», 2009. — 160 p.

5. Kalashnikov, S. V. Functional theory of the social state / S. V. Kalashnikov. — M.: Ekonomika, 2002. — 190 p.

6. Social Economics: theory and practice / Edited by A. V. Buzgalin, K. V. Markaryan. — M.: TEIS, 2009. — 315 p.

7. Economics and social environment: unconscious mutual influence: scientific notes and essays / Scientific ed. O. T. Bogomolov. — M.: Institute of Economic Strategies, 2008. — 440 p.

8. Shalamova, A. N. Social state: theory and practice / A. N. Shalamova // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — № 4(99). — pp. 31–38.

9. Kvashis, V. E. Main indicators and trends of crime in the USA / V. E. Kvashis // Victimology. — 2019. — № 1 (19). — pp. 9–13.

10. Gilinskiy, Y. I. Suicide as a social phenomenon / J. I. Gilinsky // Sociological journal. — 2011. — No. 2. — pp. 39-48.

11. Bistrina, M. G. Migration policy of the European Union / Bistrina, M. G. // PolitBook. — 2019. — No. 1. — pp. 49–60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Шаламова Алиса Наильевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0003-3818-9120

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Shalamova Alisa Nailyevna, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.
ORCID: 0000-0003-3818-9120

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 27.12.2021; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 27.12.2021; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С.29—40.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no.2 (101). P. 29—40.

**12.00.08 Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.70.96.003

НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ, СКЛОННОЙ К СОВЕРШЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Деулин Дмитрий Владимирович[1], Ким Алексей Учорович[2]
[1] Всероссийский научно-исследовательский институт, Российская Федерация, Москва, ddeulin@yandex.ru
[2] Всероссийский научно-исследовательский институт, Российская Федерация, Москва, Kim_alexey@inbox.ru

Введение: в рамках научной публикации рассматривается проблема направленности личности, склонной к совершению экономических преступлений. Авторы анализируют отечественные и зарубежные исследования, связанные с социально-психологическими причинами совершения экономических преступлений.

***Материалы и методы*:** нормативной правовой базой исследования выступили Уголовный кодекс Российской Федерации, а также формы статистической отчетности МВД России. Основными методами исследования выступают: контент-анализ научной литературы, статистический. Кроме того, методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

***Результаты исследования*:** позволяют сформулировать более точное понимание социально-психологического содержания мотивации лиц, склонных к совершению преступлений экономической направленности.

Выводы и заключения: авторы приходят к выводу о том, что направленность личности экономического преступника обусловливается рядом социально-экономических факторов. Материалы научной статьи будут интересны широкому кругу читателей. В целях профилактики экономической преступности основной рекомендацией является продолжение научных исследований, связанных с изучением личности экономического преступника.

© Деулин Д. В., Ким А.У, 2022

Ключевые слова: преступления экономической направленности, корысть, мотивация, преступления против собственности, коррупционные преступления, направленность личности.

Для цитирования: Деулин Д. В., Ким А. У. Направленность личности, склонной к совершению экономических преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. —№ 2 (101). — С.29—40.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.70.96.003

12.00.08 Criminal law and criminology; penal law

Original article

THE DIRECTION OF A PERSON INTENDED TO COMMIT ECONOMIC CRIMES

Dmitry V. Deulin[1], Alexey U. Kim [2]

[1] All-Russian Research Institute, Russian Federation, Moscow,

[2] All-Russian Research Institute, Russian Federation, Moscow,

[1] ddeulin@yandex.ru

[2]Kim_alexey@inbox.ru

Introduction: within the framework of a scientific publication, the problem of the orientation of a person prone to committing economic crimes is considered. The authors analyze domestic and foreign studies related to the socio-psychological causes of economic crimes.

Materials and Methods: the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the forms of statistical reporting of the Ministry of Internal Affairs of Russia, served as the regulatory legal framework for the study. The main research methods are: content analysis of scientific literature, statistical. In addition, the methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study: allow us to formulate a more accurate understanding of the socio-psychological content of the motivation of persons prone to committing economic crimes.

Findings and Conclusions: the authors come to the conclusion that the orientation of the personality of an economic criminal is determined by a number of socio-economic factors. The materials of the scientific article will be of interest to a wide range of readers. In order to prevent economic crime, the main recommendation is to continue scientific research related to the study of the personality of an economic criminal.

Keywords: economic crimes, self-interest, motivation, crimes against property, corruption crimes, personality orientation.

For citation: Deulin D.V., Kim A.U. Napravlennost' lichnosti, sklonnoj k sovershenij jekonomicheskih prestuplenij [Orientation of a person prone to committing economic crimes]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 29—40 (in Russ.)

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.70.96.003

Согласно статистическим данным, за период январь — декабрь 2021 года по сравнению с январем — декабрем 2020 года на 11,6 % увеличилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Говоря в целом о содержании понятия «преступления экономической направленности» стоит отметить, что в научном сообществе существует активная дискуссия. Вместе с тем, полагаем, можно опираться на мнение И. И. Рожкова, который считает, что «все преступления, обладающие такими родовыми характеристиками, как: нанесение ущерба функционирующей экономической структуре; выполнение преступных действий под видом законных хозяйственных операций; построение преступной деятельности на таких схемах информирования, как дезинформирование (ложь) и метадезинформирование (обман)» следует обозначить терминологическим словосочетанием «преступления экономической направленности» [1, с.60]. Более современная позиция сводится к тому, что преступления экономической направленности «объединены главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации [2], а также преступлениями, совершаемыми по экономическим мотивам в процессе осуществления законной и незаконной (за исключением криминальной) производственно-хозяйственной и (или) финансовой деятельности, под видом производственно-хозяйственной и (или) финансовой деятельности либо направленные против нормального осуществления такой деятельности» [3, с. 123]. В материалах статистической отчетности МВД в содержание категории «преступления экономической направленности» включается: «преступления коррупционной направленности»; «преступления в сфере компьютерной информации»; «нарушение авторских и смежных прав»; «преступления против собственности» и «преступления в сфере экономической деятельности».

Традиционно в рамках системы экономической преступности выделяют два объекта исследования:

— криминализированная экономическая деятельность, которая выражается деятельностью легальных объектов;

— криминальная экономическая деятельность (целенаправленная деятельность криминальных структур в сфере преступного бизнеса) [4, с. 5].

В рамках нашего исследования авторы опирались на статистический метод исследования, изучая статистические данные МВД за разные отчетные периоды. Всего

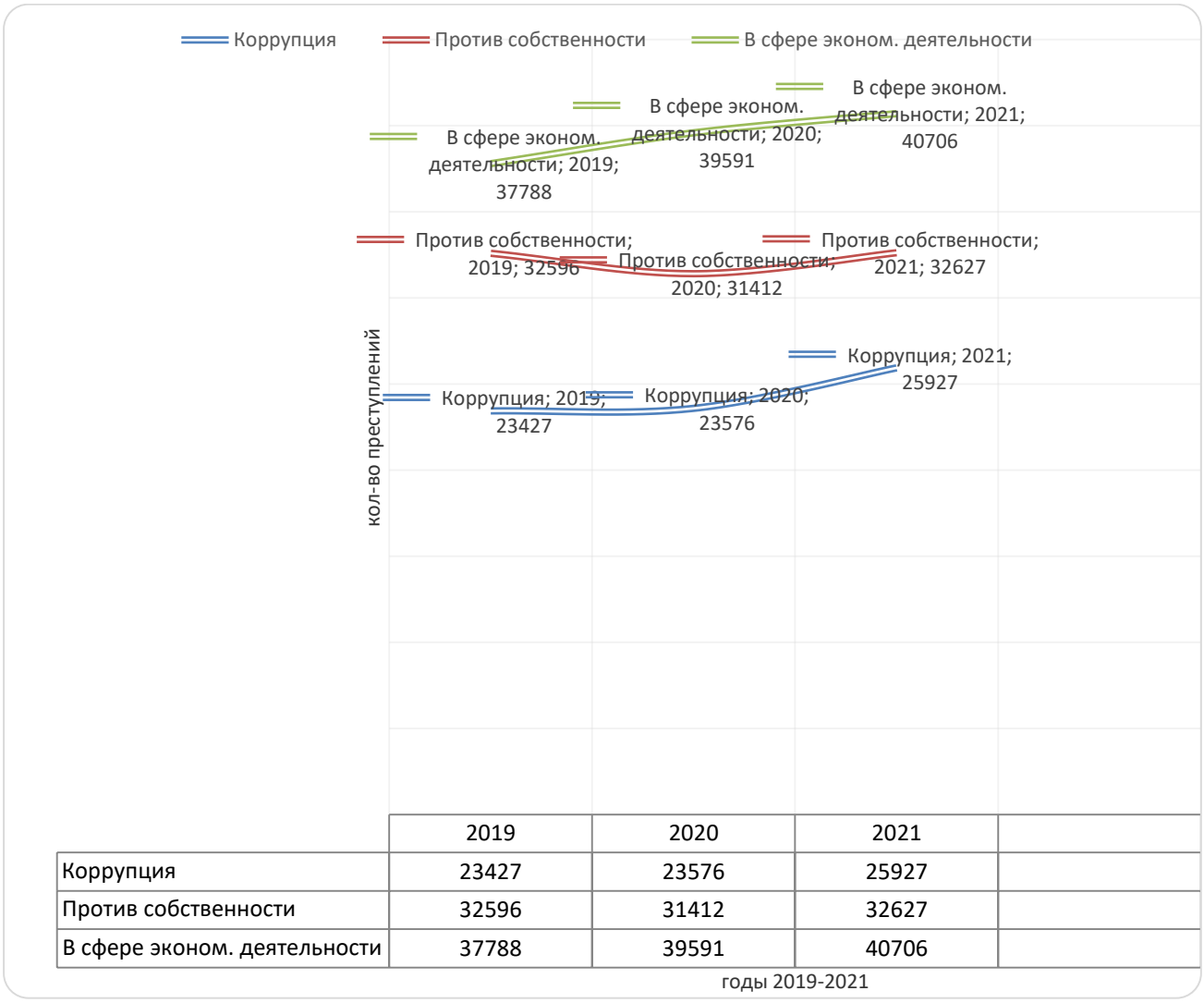
за 2021 год выявлено 117,7 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,9 %. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 641,9 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 57,8 %[1]. На основе этих данных в 2021 году наблюдаем негативную динамику экономической преступности. При этом важно отметить, что в рамках статистической отчетности МВД в категорию преступлений экономической направленности входят по возрастанию: коррупционной направленности — 25 тыс. 927; совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации — 18 тыс. 256; нарушение авторских и смежных прав — 317; против собственности (кража, мошенничество, присвоение или растрата) — 32 тыс. 627; в сфере экономической деятельности (незаконное предпринимательство; изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг; производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ; легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем) — 40 тыс. 706[2].

Анализ динамики преступлений экономической направленности по наиболее значимым трем категориям (коррупционной направленности, против собственности и в сфере экономической деятельности) свидетельствует о неуклонном «ползучем» росте, начиная с 2019 года такого рода преступлений (диаграмма 1). Особенно это выражено в категориях «коррупционной направленности» и «в сфере экономической деятельности».

В целом «экономическая преступность» представляет серьезную опасность для общества, поскольку представляет совокупность корыстным преступлений, совершаемых в сфере экономики лицами в процессе их профессиональной деятельности, в связи с этой деятельностью и посягающих на собственность и другие интересы потребителей, партнеров, конкурентов и государства, а также на порядок управления экономикой в различных отраслях хозяйства (Э. И. Петров, Р. Н. Марченко, Л. В. Баринова).

[1] Состояние преступности в России за январь—декабрь 2021 года // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL:https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/-/sb_21_12.pdf (дата обращения 12.04.2022).

[2] Там же, с. 42.



	2019	2020	2021	
Коррупция	23427	23576	25927	
Против собственности	32596	31412	32627	
В сфере эконом. деятельности	37788	39591	40706	

Диаграмма 1. Динамика преступлений экономической направленности за период 2019—2021 гг.

Полагаем, в рамках профилактики, раскрытия и расследования данной категории преступлений важную роль играет личность преступника и, в особенности — её направленность. Поднимая проблему направленности личности преступника, важно понимать, что под этим явлением понимают устойчивую устремленность, ориентированность мыслей, чувств, желаний, фантазий, поступков человека, которая является следствием доминирования определенных мотиваций [5, с. 534].

В отдельных работах делается акцент на индивидуально-психологических и социальных особенностях личности экономического преступника. На основе результатов исследования лиц, осуждённых за совершение экономических преступлений и отбывающих наказание в пенитенциарной системе, удалось выяснить, что большая часть из них когда-либо состояла в браке (95 %), у всех имелось высшее образование, отсутствие на специальных учетах у психиатра, воспитывались преимущественно в полных семьях (90 %), большинство не имеют выраженных патохарактерологических особенностей

(94 %). Общеобразовательный и культурный уровень экономических преступников на достаточно высоком уровне, обладают высоким жизненным опытом и социальной адаптивностью, имеют различные планы на будущее. Преобладающим мотивом является занятие бизнесом (коммерческая деятельность). Вместе с тем, в общей структуре личности рассматриваемых преступников присутствует «дефектная нравственность», где отсутствует чувство раскаяния за содеянное [4, с. 60—62]. Ответы на вопросы мотивации совершения преступлений экономической направленности необходимо искать в социально-экономическом укладе современного общества. Кроме того, проблема индивидуально-психологических особенностей личности, её направленности имеет важное значение, при раскрытии этих проблем. Так, например, в некоторых работах, обобщающих отечественные и зарубежные исследования, демонстративное потребление, и, по всей видимости, — склонность к корыстолюбию, мотовству, чрезмерному накоплению объясняется мотивами получения удовольствия от обладания богатством, тщеславием и стремлением к получению чувственных удовольствий; завистническим сравнением и инстинктом мастерства; желанием покрасоваться перед публикой и самоутвердиться; повышением самооценки, мотивами праздности и др. [6, с. 265]. Незаконная экономическая деятельность всегда связана с получением выгоды, а лицами, которые совершают подобного рода преступления, движет навязчивое желание обогатиться. Поэтому конечная цель — это выгодоприобретение от результатов своей преступной деятельности, олицетворяемых, как правило, либо непосредственно в денежном выражении, либо в его эквиваленте. Немаловажным является морально-нравственная или социальная зрелость личность в условиях развития экономических отношений. Известно, что доминирование в экономической и других сферах жизни групповых интересов общества и концентрация основных производственных фондов в руках относительно небольшого количества людей способствует формированию правового нигилизма и разрушению правосознания [7, с. 213—214]. Таким образом, экономическое расслоение общества по мнению некоторых исследователей также может стать катализатором экономической преступности.

Лица, совершающие экономические преступления могут получить три вида выгод: непосредственно приобретенные материальные интересы от преступления, политические интересы и психологическое удовлетворение. В процессе возникновения и развития всего преступного поведения оно включает в себя сложный психический процесс, такой как осознание, внутренняя мотивация, социализация, суждение и принятие решений [8, с. 4]. В современных научных исследованиях принято выделять экономическое сознание современного человека как некую системную составляющую, высший уровень психического отражения экономических отношений общественно развитым человеком [9, с. 21—22].

В отдельных публикациях отмечается существенное значение морально-нравственных качеств личности. Упад морали влечет разложение личности и, как одно из следствий, — преступная активность в экономической сфере. Кроме того, указывается на необходимость оказания психологической помощи, видимо для повышения морально-

нравственных качеств личности, усиление воспитательной роли общества [10, с.122—123]. В зарубежных исследованиях причины совершения преступлений экономической направленности, в частности коррупционные объясняются также проблемами ограниченной этичности, этическим угасанием и моральным соблазном [8, с. 5].

Также некоторые авторы при составлении психологического портрета личности экономического преступника предполагают, что это «белые воротнички» среднего возраста, преимущественно европеоидной расы со средним или высшим образованием [11, с.14]. Такой тип личности имеет тенденцию к снижению добросовестности, сговорчивости и самоконтроля. Анализируя личность экономического преступника как элемент оперативно-розыскной характеристики, некоторые авторы выделяют следующие, присущие ей черты: развитый интеллект, высокий или достаточный уровень образования и профессиональной подготовки; хорошее знание законодательство; наличие способности к сочетанию законных и противоправных методов и способов руководства при осуществлении своих должностных обязанностей; целевая жизненная установка на обогащение; повышенные жизненные стандарты; наличие атрибутов внешней респектабельности и добропорядочности; энергичность, значительное самомнение, самоуверенность, стремление к власти, цинизм в отношении других людей и др. [12, с. 341—343]. Анализ отечественных исследований показывает, что преступления экономической направленности имеют ярко выраженный «гендерный характер». Так, с точки зрения О. М. Ивановой совершение преступлений против собственности характерно, прежде всего, для мужчин, а для женщин свойственно совершение более «пассивных», но вместе с тем требующих определенного интеллектуального уровня преступлений в сфере экономической деятельности. Автор полагает, что такие особенные личностные качества женщины, как расчетливость, алчность, хитрость в союзе с политико-экономическими и социальными реформами, способствуют феминизации современной преступности [13, с. 109—110].

Э. Фромм в своих исследованиях сознания и поведения людей, вовлеченных в рыночные отношения, полагал, что когда превратности рынка выступают мерилом ценности человека, то чувства собственного достоинства и самоуважения разрушаются. Автор предлагает определенную социально-психологическую типологию личности. В связи с рассматриваемой нами проблемой важно заострить внимание на эксплуататорском и рыночном типах личности, предложенных автором. Безопасность первого типа личности основывается на стяжательстве и экономии. При этом траты такие лица воспринимают как непосредственную угрозу. Э. Фромм постулирует, что подобная скупость завладевает человеком полностью и распространяется как на деньги и материальные вещи, так и на чувства и мысли. Второй тип личности (рыночная ориентация) «сталкивается со своими собственными силами, как с товаром, отчужденным от него. Его престиж, положение, успех, известность другим как некоего определенного лица становятся замещением подлинного чувства идентичности» [14, с. 34]. У таких индивидуумов обнаруживается «большой энтузиазм к познанию и образованию, но вместе с тем скептическое и презрительное отношение к якобы непрактичному и беспомощному мышлению,

которое имеет дело только с истиной и не имеет меновой ценности на рынке». [14, с. 36] Отсюда возникает эта современная и крайняя форма практико-ориентированного обучения с игнорированием фундаментальной науки.

Современная система экономических отношений подразумевает формирование экономически активной личности и её движение в системе экономических отношений с опорой на социально-экономические условия и представления о смысле и целях жизни, жизненных принципах, ценностных идеалах и запретах, собственных притязаниях, ожиданиях и потенциальных возможностях как динамично развивающихся во времени психологических образованиях [15, с. 15—16]. По всей видимости, неправильное уяснение смыслополагания такой деятельности и выбора средств реализации экономической активности способствует извращению самой направленности такой деятельности, преодолению запретов, установленных законом и моралью. В многочисленных исследованиях мы отмечали, что причинами совершения экономических преступлений является патологизация мотивационно-потребностной сферы личности, трансформация направленности личности на приобретение материальных благ любой ценой [16, с. 275, 17, с. 69—70]. Вообще направленность личности в рамках экономической деятельности связано с изменениями в её системе побуждений, мотивов. В настоящая время наблюдается чрезмерная психологизация и политизация фактора денег. Это приводит к оформлению определенных личностных черт лиц, склонных к потребительской ориентации. Как отмечает О. С. Дейнека, для таких людей, «деньги становятся возможностью покупать даже любовь и уважение». С точки зрения автора, символическая картина денег может быть ориентиром экономического сознания, мотивом личности в целом в таком обществе, где главными ценностями становится гедонизм, комфорт, сила, власть и свобода [17, с. 374].

Совершение преступлений экономической направленности обуславливается экономическими мотивами: корыстью, жадностью, алчностью. Мы подробно рассматривали классификацию типов личности преступников с антисоциальной корыстной направленностью. Основными индивидуально-психологическими особенностями рассматриваемой категории лиц, совершающих преступления экономической направленности является жизнерадостность, склонность к нервным срывам, истерии, эмоциональным вспышкам. При усугублении возникают нозологические (психиатрические) формы экономического поведения, такие, например, как ониомания (непреодолимое желание что-либо покупать без необходимости) или меркантильный мессалинизм (проституция).

Подводя итог исследованию направленности личности как основному фактору склонности личности к совершению преступлений экономической направленности, следует отметить, что причины такого рода криминальной активности следует искать в истоках символизации денег как некой высшей ценности в обществе и недостаточности социальной и морально-нравственной зрелости современного человека, включенного в экономические отношения. Таким образом, систему основных негативных факторов, питающую криминальную направленность личности культивирует несовершенная эко-

номическая парадигма нашего общества, несправедливое распределение доходов населения, пауперизация (обнищание) значительной части российского общества и др.

Проблема профилактики, раскрытия и расследования экономических преступлений является комплексной и требует участия в ее решении специалистов из различных областей: социологов, юристов, экономистов, политиков, психологов и др. Кроме того, необходимым условием предотвращения экономической преступности является установление экономически справедливого общества для всех его членов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большой психологический словарь / [Авдеева Н. Н. и др.]; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — 4-е изд., расш. — М.: АСТ; СПб: Прайм-Еврознак, 2009. — 811 с.

2. Дейнека О. С. Символизация денег: опыт эмпирического исследовании // Проблемы экономической психологии. Т. 1 / А. В. Баранова, Г. М. Головина, А. С. Готлиб [и др.]; под ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. — М.: Институт психологии РАН, 2004. — 620 с. // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS [Электронный ресурс]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/45640.html (дата обращения: 20.04.2022).

3. Деулин Д. В. Экономическая акцентуация личности как проблема формирования корыстной мотивации преступлений // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 6. — С. 274—280.

4. Деулин Д. В. Экономическая преступность: социально-психологический аспект // Вестник экономической безопасности. — 2010. — № 9. — С. 67—70.

5. Журавлев А. Л., Самоопределение личности и группы в изменяющихся экономических условиях / А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко // Вестник РУДН. Психология и педагогика. — 2006. — № 1 (3). — С. 6—19.

6. Иванова О. М. Криминологические особенности личности преступника, совершившего преступления против собственности // Вестник Российского университета кооперации. — 2017. — № 4 (30). — С. 108—112.

7. Карпович О. Г. Экономическая преступность в России: теория и практика противодействия / О. Г. Карпович. — Москва : Юнити-Дана : Закон и право, 2017. — 200 с.: схем., табл., ил. — (Научные издания для юристов). — Режим доступа: по подписке[Электронный ресурс]. — URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=683140 (дата обращения: 05.05.2022.

8. Корытченкова Н. И. Экономическая психология : учебное пособие : [16+] / Н. И. Корытченкова, Н. К. Будницкая, Т. И. Кувшинова ; Кемеровский государственный университет. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2014. — 153 с.: ил. — Режим доступа: по подписке. — URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=278423 (дата обращения: 05.05.2022).

9. Криминология — XX век / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова [Электронный ресурс]. — URL: СПб., 2000. — 554 с.

10. Посыпанова О. С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей: моногр. / О. С. Посыпанова. — Саратов: Вузовское образование, 2019. — 341 с. // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS [Электронный ресурс]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/80372.html (дата обращения: 04.12.2021).

11. Расторопова О. В. Преступления экономической направленности: понятие, признаки, система / О. В. Расторопова, А. Д. Нечаев // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 2. — С. 121—124.

12. Рожков И. И. Родовая криминалистическая модель процесса раскрытия экономических преступлений и ее практическое использование: дис. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2001. — 176 с.

13. Цыганова Е. В. Нравственно-психологические причины совершения экономических преступлений / Е. В. Цыганова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2020. — № 25. — С. 120—124.

14. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Пер. с англ. — М.: АСТ, 2006. — 571 с.

15. Ma Q, Yan M (2018) Psychological, Behavioral, and Economic Perspectives on Corruption. Int J Psychol Psychoanal [Электронный ресурс]. — URL: doi.org/10.23937/2572-4037.1510033 (дата обращения: 12.04.2022)

16. Laurie Ragatz (2010) A Critical Examination of Research on the Psychological Profiles of White-Collar Criminals [Электронный ресурс]. — URL: https://doi.org/10.1080/-15228932.2010.489846 (дата обращения: 12.04.2022).

17. Petrasheva N. V., Ulezko S. I., Yakovlev A. V., Klochkova A. L. Economic Crime and Problem of Complicity Understanding European Research Studies Volume XX, Issue 1, 2017 pp. 208-214 [Электронный ресурс]. — URL: www.ersj.eu/repec/ers/papers/17_1_p20.pdf (дата обращения: 12.04.2022).

REFERENCES

1. The Great Psychological Dictionary / [Avdeeva N. N. et al.]; edited by B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. — 4th ed., rasch. — Moscow : AST ; St. Petersburg : Prime-Euroznak, 2009. — 811 p.

2. Deineka O. S. Symbolization of money: the experience of empirical research // Problems of economic psychology. Volume 1 / A.V. Baranova, G. M. Golovina, A. S. Gotlib [et al.]; edited by A. L. Zhuravlev, A. B. Kupreichenko. — Moscow : Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2004. — 620 p. — Text : electronic // Electronic library system of IPR books : [website]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/45640.html (accessed: 04/20/2022).

3. Deulin D.V. Economic accentuation of personality as a problem of formation of selfish motivation of crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 6. pp. 274-280.

4. Deulin D.V. Economic crime: socio-psychological aspect // Bulletin of Economic Security. — 2010. — №. 9 — pp.67-70.

5. Zhuravlev A. L., Kupreichenko A. B. Self-determination of an individual and a group in changing economic conditions // Vestnik of the RUDN. Psychology and pedagogy. 2006. No. 1 (3). pp. 6-19.

6. Ivanova O.M. Criminological features of the personality of the criminal who committed crimes against property // Bulletin of the Russian University of Cooperation. — 2017. — № 4 (30). — Pp.108-112

7. Karpovich O. G. Economic crime in Russia: theory and practice of counteraction / O. G. Karpovich. — Moscow: Unity-Dana: Law and Law, 2017. — 200 p. : diagrams, tables, illustrations. — (Scientific publications for lawyers). — Access mode: by subscription. — URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=683140 (date of access: 05/05/2022.

8. Korytchenkova N. I. Economic psychology: textbook: [16+] / N. I. Korytchenkova, N. K. Budnitskaya, T. I. Kuvshinova; Kemerovo State University. — Kemerovo: Kemerovo State University, 2014. — 153 p. : ill. — Access mode: by subscription. — URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=278423 (date of access: 05/05/2022)

9. Criminology — the twentieth century / Edited by V.N. V. Burlakov.P. Salnikova. SPb., 2000. — 554 p.

10. About Posypanova. S. Economic psychology: psychological aspects of consumer behavior : monograph / O. S. Posypanova. — Saratov : University education, 2019. — 341 p. Text : electronic // Electronic library system of IpR books : [website]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/80372.html (accessed: 04.12.2021)

11. Rastoropova O. V. Crimes of economic orientation: concept, signs, system / O. V. Rastoropova, A.D. Nechaev // Gaps in Russian legislation. — 2017. — No. 2. — pp. 121-124.

12. Rozhkov I.I. Generic criminalistic model of the process of disclosure of economic crimes and its practical use: dis. ... cand. jurid. sciences'. — Izhevsk, 2001. — 176 p.

13. Tsyganova E. V. Moral and psychological reasons for committing economic crimes / E. V. Tsyganova // Collections of conferences of SIC Sociosphere. — 2020. — №. 25. — pp. 120-124.

14. Fromm E. Flight from freedom. A man for himself / Trans. S.- M.: ACT, 2006. — 571 p.

15. Ma Q, Yang M (2018) Psychological, behavioral and economic perspectives of corruption. Int J Psychol Psychoanal [Electronic resource]. — doi.org/10.23937/2572-4037.1510033 (date of access: 04/12/2022)

16. Lori Ragats (2010) Critical analysis of studies of psychological profiles of white - collar criminals [Electronic resource] — https://doi.org/10.1080/15228932.2010. 489846 (date of access: 04/12/2022)

17. Petrasheva N.V., Ulezko S.I., Yakovlev A.V., Klochkova A.L. Economic crime and the problem of complicity in understanding European studies Volume XX, Issue 1, 2017 pp. 208-214 [Electronic resource] — www.ersj.eu/repec/ers/papers/17_1_p20.pdf (date of access: 04/12/2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Деулин Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
123995, город Москва, Поварская ул., д.25

Ким Алексей Учорович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
123995, город Москва, Поварская ул., д.25

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Deulin Dmitry Vladimirovich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 123995, Moscow, Povarskaya st., 25

Kim Aleksey Uchorovich, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
123995, Moscow, Povarskaya st., 25

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 41—50.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no.2 (101). P. 41—50.

**12.00.08. Уголовное право и криминология.
Уголовно-исполнительное право.**

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ЗНАЧЕНИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Научная статья
УДК 343
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.20.34.004

Звечаровский Игорь Эдуардович[1], Кандыбко Наталья Викторовна[2]
[1]Московский государственный юридический университет имени О.Е Кутафина (МГЮА), Российская Федерация, Москва, msal@msal.ru
[2]Военный университет, Российская Федерация, г. Москва, vu-nu@mil.ru

***Введение*:** в статье на основе данных официальной статистики о ежегодно причиняемом ущербе от преступлений и практики его возмещения рассматривается существующее и возможное уголовно-правовое значение данного обстоятельства. Обращено внимание на бессистемность нормативной правовой основы решения этой проблемы в отраслях законодательства криминального профиля, предлагается предусмотреть в уголовном законодательстве положение, обязывающее лицо, совершившее преступление, возмещать причиненный им ущерб, что соответствует пониманию принципа справедливости в этой сфере правового регулирования.

Материалы и методы: методологическую основу составляют общенаучные и частнонаучные методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение, корреляция, экспертные оценки.

Результаты исследования: определены возможные средства решения проблемы возмещения ущерба нормами Особенной части УК РФ.

Выводы и заключения: в материальном уголовном праве необходимо предусмотреть общее уголовно-правовое основание для возмещения ущерба от преступления. Решение этого вопроса можно было бы реализовать в рамках регламентации принципа справедливости, в связи с чем дополнить ст. 6 УК РФ следующим положением: «Лицо, совершившее преступление, возмещает ущерб, причиненный преступлением».

Ключевые слова: ущерб от преступления; возмещение ущерба от преступления и иное заглаживание причиненного вреда; нормативная правовая основа; уголовно-правовое значение; совершенствование законодательства.

© Звечаровский И. Э., Кандыбко Н. В., 2022

Для цитирования: Звечаровский И. Э., Кандыбко Н. В. Об уголовно-правовом значении возмещения ущерба от преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С.41—50.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.20.34.004

12.00.08 Criminal law and criminology; penal law

ON THE CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE OF COMPENSATION FOR DAMAGE FROM A CRIME

Original article

Igor E. Zvecharovsky [1], Natalia V. Kandybko [2]

[1]Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation, Moscow, msal@msal.ru

[2]Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Russian Federation, Moscow. vu-nu@mil.ru

Introduction: the article examines the existing and possible criminal-legal significance of this circumstance on the basis of official statistics on the annual damage caused by crimes and the practice of its compensation. Attention is drawn to the unsystematic nature of the regulatory legal framework for solving this problem in the branches of criminal legislation, it is proposed to provide in criminal legislation a provision obliging the person who committed the crime to compensate for the damage caused by him, which corresponds to the understanding of the principle of justice in this area of legal regulation.

Materials and Methods: the methodological basis consists of general scientific and private scientific methods: analysis, synthesis, comparison, generalization, correlation, expert assessments.

The results of the study: the possible means of solving the problem of compensation for damage by the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation are determined.

Findings and Conclusions: in substantive criminal law, it is necessary to provide a general criminal legal basis for compensation for damage from a crime. The solution of this issue could be implemented within the framework of the regulation of the principle of justice, in connection with which Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation should be supplemented with the following provision: "The person who committed the crime compensates for the damage caused by the crime."

Keywords: damage from a crime; compensation for damage from a crime and other compensation for the damage caused; regulatory legal framework; criminal legal significance; improvement of legislation.

For citation: Zvecharovsky I. E.**,** Kandybko N. V. Ob ugolovno-pravovom znachenii vozmeshhenija ushherba ot prestuplenija [On the criminal-legal significance of compensation for damage from a crime]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 41—50 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.20.34.004

Вред от преступления многообразен и многозначен. Он может быть материальным и нематериальным, духовным и физическим, восполнимым и невосполнимым. Его значение многообразно в праве вообще и в праве о преступлениях и наказаниях в частности. Одним из наиболее зримых является материальный ущерб [1] от преступлений, масштабы которого ежегодно исчисляются сотнями миллиардов рублей. Причем такого рода вредоносность преступлений, в отличие от всех иных её проявлений, имеет неуклонную тенденцию к росту.

По данным ГИАЦ МВД РФ, в 2012 г. материальный ущерб от преступлений по оконченным и приостановленным уголовным делам составил 268 млрд руб., 145 из которых пришлись на преступления экономической направленности (54 %).

В 2013 г. названные показатели составили 386 и 230 млрд руб. (49,6 %); в 2014 г. — 349,3 и 194,5 млрд руб. (53,7 %); в 2015 г. — 436,5 и 271,4 млрд руб. (55,1 %); в 2016 г. — 562,6 и 397,9 млрд руб. (56,7 %); в 2017 г. — 408,5 и 234,3 млрд руб. (58,2 %), в 2018 г. — 563,1 и 403,8 млрд руб. (71,7 %), в 2019 г. — 627,7 и 447,2 млрд руб. (71,2 %), в 2020 г. — 512,8 и 339,5 млрд руб. (66,2 %), а по итогам 2021 г. — 834,5 и 641,9 млрд руб. (76,9 %)[2]. Таким образом, за последние десять лет материальный ущерб от преступлений вырос более чем в три раза.

«Организованное» возмещение ущерба от преступления происходит, как правило, только при наличии решения суда. Возможно, по этой причине названные суммы ущерба сокращаются в разы и к взысканию объявляются иные суммы. Например, по итогам 2020 г. сумма ущерба от преступления, определенная по судебному акту, составила около 82 млрд руб.[3], что, в свою очередь, составило всего лишь около 16 % от суммы материального ущерба от преступлений по оконченным и приостановленным уголовным делам. Примечательно, что на долю хищений в этой сумме ущерба пришлось около 80 %. Однако самое главное другое: по оценкам специалистов, от присужденных сумм ущерба взыскивается и того меньше — не более 30 %.

---

[1] В данной статье понятия «вред» и «ущерб» употребляются как равнозначные.

[2] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2012-2021 годов. М.: ФКУ ГИАЦ МВД РФ, 2012-2021 годы.

[3] Отчет о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об уплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год: cdep.ru.

Как представляется, причины приведенной ситуации с возмещением ущерба от преступлений имеют и объективный, и субъективный характер. Так, например, нельзя не считаться с тем, что значительная часть лиц, совершающих преступления против собственности, не имеют источника постоянного дохода (например, по делам о хищениях число таковых составляет по итогам 2020 г. около 70 %) [1], не всегда своевременно и полно органы предварительного расследования принимают меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий (ст.160[1] УПК РФ)[2].

В решении проблемы возмещения ущерба от преступлений есть причины и субъективного порядка. Прежде всего, следует отметить, что до настоящего времени обязанность возмещения ущерба, причиненного преступлением, не предусмотрена ни в одной из отраслей законодательства криминального профиля (уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного). Отдаленность от этой проблемы ст. 1064 «Общие основания ответственности за причинение вреда» ГК РФ приводит к тому, что и по сей день так и не решен вопрос об отраслевой принадлежности института возмещения ущерба от преступления[3]. Названная обязанность не входит в правовой статус субъекта уголовного правоотношения, она не является презумпцией подобной той, которая заключается в обязанности подлежать уголовной ответственности за преступление. Не влияет на решение данного вопроса и предпринимаемые время от времени попытки обосновать уголовно-правовую значимость обязанности по возмещению ущерба, причиненного преступлением, материальной (уголовно-правовой) природой права потерпевшего на возмещение такого ущерба, хотя бы потому, что потерпевший — это не субъект уголовно-правовых отношений (если, конечно, не отождествлять правовые связи, возникающие на основе норм материального и процессуального уголовного права). Значимость таких попыток никак не возрастает и от того, что их авторы и сторонники провозглашают не существующую в юридическом смысле связь между причиненным вредом как признаком состава пре-

[1] Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год: cdep.ru.

[2] См. об этом: Цыренов Ж.В. Организация обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. …канд.юрид.наук. М.,2021. С.83-148.

[3] См.: Каримов А. М. Терминологическая коллизия института заглаживания вреда, причиненного преступлением, в российском законодательстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2018. — № 3 (33). — С. 371—376; Лантух Н. В., Лантух Э. В. Институт возмещения вреда, причинённого преступлением, в уголовном судопроизводстве России: правовая природа, значение, перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 4 (76). — С. 94—100; Юношев С. В. Отраслевая принадлежность института возмещения вреда, причиненного преступлением // Lex russica. — 2014. — № 8. — С. 920—927.

ступления и «объективно существующим правом потерпевшего» на возмещение такого вреда.

Парадокс заключается в том, что вред, причиненный преступлением, является обязательным атрибутом потерпевшего от преступления, но среди прав потерпевшего, перечисленных в ч. 2 ст. 42 УПК РФ, нет субъективного права на возмещение такого вреда. Отсюда весьма «легковесной» выглядит и та гарантия, о которой идет речь в ч. 3 ст. 42 УПК РФ: «Потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением». Судя по приведенным выше показателям, непросто эта гарантия реализуется и на практике. В этой связи представляется целесообразным, во-первых, изменить редакцию приведенного положения, исключив из него слова «имущественного вреда, причиненного преступлением, а также...», а, во-вторых, дополнить ч. 2 названной статьи УПК РФ положением примерно следующего содержания: «требовать от лица, совершившего преступление, возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства».

Для формирования полноценной нормативной правовой основы возмещения ущерба от преступления она (эта основа), вне всяких сомнений, должна найти свое закрепление и в отрасли материального уголовного права. При этом при реализации названного или подобных по своей социально-правовой сути предложений нельзя забывать тот факт, что вредоносность любого преступления на уровне объекта посягательства не равнозначна вредоносности как одному из признаков объективной стороны преступления, а потому они не всегда соотносимы и, тем более, — равнозначны.

На сегодняшний день уголовный закон, определяющий круг преступных деяний, дифференцирующий такие деяния не только по характеру, но и степени вредоносности-ущербности (общественной опасности), определяющей вид и размер их уголовной наказуемости, тем не менее, не предусматривает общего положения о каком-либо возмещении ущерба, причиненного преступлением. Лишь в рамках законодательной регламентации отдельных институтов уголовного права их действие прямо или косвенно ставится в зависимость от решения рассматриваемой проблемы, правда, и в этом случае единообразие в механизме уголовно-правового регулирования не наблюдается.

Следуя хронологии расположения нормативного материала в УК РФ, первое упоминание о возмещении ущерба, причиненного преступлением, мвстречаем в п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ: «добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему». Таким образом возмещению ущерба от преступления здесь придается значение обстоятельства, смягчающего наказание, причем, такое смягчение, как и его размеры, определяются в режиме усмотрения суда.

Из содержания ст. 74 УК РФ следует однозначный вывод о том, что судьба осуждённого условно в немалой степени зависит от того возместил ли он (полностью

или частично) вред, причиненный преступлением. Примечательно, однако, то, что в числе обязанностей, возлагаемых на лицо при назначении условного осуждения (ч. 5 ст. 73 УК РФ), такая обязанность вообще не упоминается.

Каждый из видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренный в гл. 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности» (за исключением того, который предусмотрен в ст. 78 УК РФ) в качестве составляющей основание освобождения от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, 76, 76^2 УК РФ) либо самостоятельного основания такого освобождения (ст. 76^1 УК РФ) предусматривает возмещение ущерба от преступления (или иное заглаживание вреда, причиненного преступлением). Однако, если учесть, что во всех этих случаях речь идет о преступлениях только небольшой или средней тяжести, о совершении их лицом впервые, то невольно возникает вопрос: какая цель преследуется законодателем таким многообразием видов освобождения от уголовной ответственности? По крайней мере, непонятно, почему по ч. 1 ст. 76 УК РФ для освобождения от уголовной ответственности достаточно только возместить ущерб, причиненный преступлением и в этой связи примириться с потерпевшим, а в других случаях требуется совершить еще и другие действия (ч. 1 ст. 75 УК РФ) либо уплатить судебный штраф (ст. 76^2 УК РФ)?

В прежнем уголовном законодательстве России возмещение ущерба от преступления) вполне обоснованно выступало в качестве такого самостоятельного вида уголовного наказания как «возложение обязанности загладить причиненный вред» (ст. 20 УК РСФСР редакции 1926 г., ст. 21 УК РСФСР 1960 г.). В УК РФ 1996 г. законодатель резонно сместил акценты в этом вопросе, изменив уголовно-правовое значение возмещения ущерба от преступления с наказания на основание возможного освобождения от уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести, совершенные впервые. Однако с дополнением в 2011 г. УК РФ ст. 76^1 в отечественном уголовном законодательстве стала формироваться практика, при которой возмещение ущерба от преступления сопровождается требованием еще и об уплате дополнительных денежных выплат (возмещений), а с введением в 2016 г. ст. 76^2 УК РФ — штрафов («судебных штрафов»). Такая законодательная практика представляется малопродуктивной в деле возмещения ущерба от преступления, не совсем корректна она и с юридической точки зрения. Несмотря на неоднократные усовершенствования редакции ст. 76^1 УК РФ, максимальный показатель ее применения в масштабах страны так и не превысил 59 уголовных дел, прекращенных по данному основанию в 2020 г. (41 уголовное дело по итогам первого полугодия 2021 г.)[1].

На первый взгляд, более успешной оказалась судьба у ст. 76^2 УК РФ, когда по итогам 2017 г. по данному основанию (ст. 25^1 УПК РФ) было прекращено 20 тыс. 692, по итогам 2018 г. — 33 тыс. 329, 2019 г. — 52 тыс. 460, 2020 г. — 56 тыс. 980 уголовных

[1] Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год, первое полугодие 2021 года: cdep.ru.

дел [1]. Однако данные показатели отражают лишь один этап применения ст. 76^2 УК РФ — возмещения ущерба от преступления и, как следствие, — освобождения от уголовной ответственности. Между тем в случае неуплаты судебного штрафа последнее утрачивает значение, лицо привлекается к уголовной ответственности за преступление, ущерб от которого, судя по всему, был уже возмещен. Об этой стороне применения ст. 76^2 УК РФ официальная статистика умалчивает, незаметно пока в показателях возмещения ущерба от преступления действие этой статьи и на первом этапе.

Сомнительна результативность рассматриваемых норм УК РФ и с точки зрения интересов лица, совершившего преступление, потому что ему элементарно невыгодно при наличии иных равнозначных средств разрешения конфликта с уголовным законом (предусмотренных ст.ст. 75, 76 УК РФ) не только возмещать ущерб от преступления, но и уплачивать сверх того денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба (ч. 2 ст. 76^1 УК РФ) либо судебный штраф (ст. 76^2 УК РФ) в размере, определяемом в порядке ст. 104^5 УК РФ. Осуществление лицом, совершившим преступление, такого рода выплат сверх размеров ущерба, причиненного преступлением, по своей социально-правовой сути равнозначно уголовной ответственности в форме наказания, от которой такое лицо уже освобождено.

Возмещение ущерба от преступления (частично или полностью) или иное заглаживание вреда, причиненного в результате преступления, выступает одним из условий условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 1, 4^1 ст. 79 УК РФ) или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 1, 4 ст. 80 УК РФ). Однако и в этом случае актуален вопрос о том, определялась ли обязанность осужденного возместить названный ущерб при постановлении обвинительного приговора, поскольку в ст.ст. 299, 307—309 УПК РФ на этот счет отсутствуют какие-либо оговорки, если, конечно, не ставить знак равенства между рассматриваемым вопросом и вопросом гражданского иска (ст. 309 УПК РФ), который вообще может не предъявляться.

Обоснованно избирательно вопрос о возмещении ущерба от преступления решается в отношении несовершеннолетних. Такая принудительная мера воспитательного воздействия как возложение обязанности загладить причиненный вред применяется избирательно с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков (п. «в» ч. 2 ст. 90, ч. 3 ст. 91 УК РФ)[2].

Удивительно, что при значительном количестве и многообразии примечаний к статьям (частям статей) Особенной части УК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности за деятельное раскаяние в конкретных преступлениях, только лишь в некоторых из них предусмотрено возмещение ущерба от преступления

[1] Там же.

[2] Непонятно почему такая избирательность отсутствует в назначении штрафа к несовершеннолетним, который назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых (ч. 2 ст. 88 УК РФ).

в качестве основания такого освобождения (примечания к ст.ст. 157, 198—199^1, 199^3, 199^4 УК РФ) либо одной из составляющих такое основание (примечание 3 к ст. 178 УК РФ).

Что обращает на себя внимание при анализе приведенного выше нормативного материала УК РФ, так это различное обозначение в принципе одного и того же явления — последствий совершения преступления: «ущерб или вред, причиненный преступлением». И второе — различное уголовно-правовое значение возмещения ущерба, причиненного преступлением. При этом само по себе данное обстоятельство, как правило, малозначимо.

Очевидно, осознавая трудности с возмещением ущерба, причиненного преступлением, отечественный законодатель в последние годы регулярно предпринимает попытки подключить к решению этой проблемы само право о преступлениях и наказаниях, сам уголовный закон. Делает он это одним способом, но используя при этом двоякого рода средства: путем уголовно-правового стимулирования возмещения ущерба посредством обещания применения в одном случае положительных (п. «к» ч. 1 ст. 61, ч. 1, 2 ст. 62, ч. 1 ст. 74, ч. 1 ст. 75, ст. 76, 76^1, 76^2 УК РФ, ч. 1 ст. 79, ч. 1 ст. 80, п. 3 примечания к ст. 178 УК РФ), а в другом — отрицательных (ч. 2, 2^1 ст. 74, п. «в» ч. 2 ст. 90 УК РФ) уголовно-правовых последствий для лица, совершившего преступление.

Учитывая высказанные ранее предложения по совершенствованию ст. 42 УПК РФ, следовало бы в материальном уголовном праве предусмотреть общее уголовно-правовое основание для возмещения ущерба от преступления. Решение этого вопроса можно было бы реализовать в рамках регламентации принципа справедливости, в связи с чем дополнить ст. 6 УК РФ следующим положением: «Лицо, совершившее преступление, возмещает ущерб, причиненный преступлением»[1].

Далее, более продуктивной представляется законодательная практика возмещения ущерба от преступления путем точечного сопровождения поощрительными примечаниями конкретных статей (частей статей) Особенной части УК РФ. Как уже отмечалось, на сегодняшний день этот потенциал уголовного закона используется крайне незначительно. Помимо примечаний к налоговым статьям УК РФ (к ст.ст. 198—199^1, 199^3, 199^4), которые традиционно стимулируют возмещение ущерба бюджетной системе актом безусловного императива освобождения от уголовной ответственности, эта практика находит свое воплощение в двух примечаниях к ст. 157, 178 УК РФ. Представляется, что вполне безболезненно для соблюдения принципа неотвратимости ответственности такая практика могла быть распространена на значительную часть преступлений, связанных с посягательствами на отношения собственности (ст. 158, 158^1, 160, 164, 165, 167, 168 УК РФ), а при более детальном ее анализе и на некоторые другие преступления имущественного характера (например, ст. 177 УК РФ).

---

[1] В специальной литературе предлагается решить данный вопрос при регламентации задач уголовного права (См.: Шумаков С.А. Уголовно-правовое значение возмещения ущерба, причиненного преступлением: автореф.дис. …канд.юрид.наук. Краснодар,2022. С.22-23).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Каримов А. М. Терминологическая коллизия института заглаживания вреда, причиненного преступлением, в российском законодательстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2018. — № 3 (33). — с. 370-375.

2. Лантух Н. В., Институт возмещения вреда, причинённого преступлением, в уголовном судопроизводстве России: правовая природа, значение, перспективы развития / Н. В. Лантух, Э. В. Лантух // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 4 (76). — с. 94-99.

3. Цыренов Ж. В. Организация обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021. — 186 с.

4. Шумаков С. А. Уголовно-правовое значение возмещения ущерба, причиненного преступлением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2022. — 28 с.

5. Юношев С. В. Отраслевая принадлежность института возмещения вреда, причиненного преступлением // Lex russica. — 2014. — № 8. — с. 920-926.

REFERENCES

1. Karimov A.M. Terminological conflict of the institute of making amends for the harm caused by a crime in Russian legislation // Vestnik of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3 (33), pp. 370—375.

2. Lantukh N.V., Lantukh E.V. Institute of Compensation for damage caused by a crime in criminal proceedings in Russia: legal nature, significance, development prospects // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (76), pp. 94—99.

3. Tsyrenov Zh.V. Organization of providing compensation for harm caused by crimes at the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ...Candidate of Legal Sciences. M., 2021. — 186 p.

4. Shumakov S.A. The criminal-legal significance of compensation for damage caused by a crime: abstract.dis. ...candidate of Legal Sciences. Krasnodar, 2022. —28 p.

5. Molodev S.V. Branch affiliation of the Institute of compensation for harm caused by a crime // Lex russica. 2014. No. 8. pp. 920—926.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Звечаровский Игорь Эдуардович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой. Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Кандыбко Наталья Викторовна, доктор экономических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра. Военный университет**.** 123001, Москва, ул. Б. Садовая, 14

Zvecharovsky Igor Eduardovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department. Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA), 125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9
Natalia Viktorovna Kandybko, Doctor of Economics, Professor, Head of the Research Center. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, B. Sadovaya str., 14

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 51—64.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. no.2 (101). P. 51—64.

**12.00.08. Уголовное право и криминология.
Уголовно-исполнительное право.**

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ИСХОДЯЩИХ ОТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Научная статья
УДК 323.285
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.84.76.005

Кобец Петр Николаевич,
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Российская Федерация, Москва, pkobets37@rambler.ru

Введение: различные долгосрочные прогнозы свидетельствуют о необходимости в дальнейшей перспективе проведения исследований по поиску новых форм и видов противодействия терроризму в информационной сфере, а также по организации и тактике борьбы с рассматриваемым феноменом. В этих целях в проведенном исследовании автором изучены и научно обоснованы современные возможности противодействия различным вызовам и угрозам в сфере информационной безопасности Российской Федерации, исходящих со стороны субъектов международного терроризма.

Материалы и методы: автором были использованы различные оценки современных возможностей противодействия вызовам и угрозам в сфере информационной безопасности нашей страны, исходящих со стороны субъектов международного терроризма, а также материалы национальных структур, отвечающих за борьбу с терроризмом, научные публикации отечественных и зарубежных экспертов по рассматриваемой проблеме. В процессе исследования использовались анализ, синтез, формально-логический, исторический и ряд частнонаучных методов.

Результаты исследования: опасность кибертерроризма обусловлена тем, что нападавшие, могут действовать незаметно и брать под свой контроль различные соцсети на регулярной основе собирать политическую, экономическую и финансовую информацию. Кибератаки могут быть нацелены на различные отечественные организации во всех секторах деятельности качественные изменения показателей современных вызовов и угроз в сфере информационной безопасности нашей страны, исходящих от международного терроризма подчеркивают важность совершенствования работы с данным противоправным явлением. Во многом такое положение дел объясняется важностью роли профилактического воздействия на рассматриваемую преступность. В сложившейся ситуации не обойтись без комплексной программы мер противодействия рассматриваемому феномену.

© Кобец П. Е. , 2022

Выводы и заключения: автором предпринята попытка поиска и научного обоснования более совершенных возможностей противодействия новым вызовам и угрозам в сфере информационной безопасности нашего государства, исходящих со стороны международного терроризма. В этой связи наряду со многими теоретиками и специалистами в нашей стране по рассматриваемой проблеме, им предложено собственное видение совершенствования мероприятий государственной политики Российской Федерации по противодействию терроризму в информационной сфере. Научная новизна проведенного исследования, определяется первые проведенным комплексным анализом проблематики совершенствования современным вызовам и угрозам в сфере информационной безопасности Российской Федерации, исходящих со стороны международного терроризма. Практическая значимость работы может выражаться в том, что изложенные в ней выводы и результаты могут быть использованы в дальнейшей работе правоохранительных органов в сфере противодействия различного рода вызовов и угроз в сфере информационной безопасности нашей страны, исходящих со стороны международных террористических организаций.

Ключевые слова: террористические угрозы; информационная безопасность; противодействие терроризму; кибертехнологии; безопасность информации; информационная сфера; социальные сети; социальная среда; международный терроризм; телекоммуникационные сети; фундаментальные интересы; конфиденциальные данные; профилактическое воздействие; информационное пространство; критическая инфраструктура.

Для цитирования: Кобец П. Н. Совершенствование противодействия современным вызовам и угрозам в сфере информационной безопасности Российской Федерации, исходящих от международных террористических организаций // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С.51—64.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.84.76.005

12.00.08 Criminal law and criminology; penal law.

Original article

IMPROVING COUNTERACTION TO MODERN CHALLENGES AND THREATS IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION EMANATING FROM INTERNATIONAL TERRORIST ORGANIZATIONS

Peter N. Kobets
All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Moscow, pkobets37@rambler.ru

Introduction: various long-term forecasts indicate the need, in the future, to conduct research on the search for new forms and types of countering terrorism in the information

sphere, as well as on the organization and tactics of combating the phenomenon under consideration. To this end, in the conducted research, the author has studied and scientifically substantiated the modern possibilities of countering various challenges and threats in the field of information security of the Russian Federation emanating from the subjects of international terrorism.

Materials and methods: the author used various assessments of modern possibilities of countering challenges and threats in the field of information security of our country, emanating from the subjects of international terrorism, as well as materials of national structures responsible for the fight against terrorism, scientific audiences of domestic and foreign experts on the problem under consideration. In the process of research, analysis, synthesis, formal-logical, historical and a number of specific scientific methods were used.

The results of the study: the danger of cyberterrorism is due to the fact that attackers can act unnoticed and take control of various social networks on a regular basis to collect political, economic and financial information. Cyberattacks can target various domestic organizations in all sectors of activity. qualitative changes in the indicators of modern challenges and threats in the field of information security of our country emanating from international terrorism emphasize the importance of improving work with this illegal phenomenon. In many ways, this state of affairs is explained by the importance of the role of preventive impact on the crime in question. In the current situation, it is impossible to do without a comprehensive program of measures to counteract the phenomenon under consideration.

Findings and Conclusions: the author made an attempt to find and scientifically substantiate better opportunities to counter new challenges and threats in the field of information security of our state, emanating from international terrorism. In this regard, along with many theorists and specialists in our country on the problem under consideration, they were offered their own vision of improving the measures of the state policy of the Russian Federation to counter terrorism in the information sphere. The scientific novelty of the study is determined by the first comprehensive analysis of the problems of improving modern challenges and threats in the field of information security of the Russian Federation, emanating from international terrorism. The practical significance of the work can be expressed in the fact that the conclusions and results set out in it can be used in the further work of law enforcement agencies in the field of countering various kinds of challenges and threats in the field of information security of our country emanating from international terrorist organizations.

Keywords: terrorist threats; information security; countering terrorism; cyber technologies; information security; information sphere; social networks; social environment; international terrorism; telecommunications networks; fundamental interests; confidential data; preventive impact; information space; critical infrastructure.

For citation: Kobets P. N. I Sovershenstvovanie protivodejstvija sovremennym vyzovam i ugrozam v sfere informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii, ishodjashhih ot mezhdunarodnyh terroristicheskih organizacij [Improving counteraction to modern challenges and threats in the field of information security of the Russian federation emanating from international terrorist organizations]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii —

Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 51—64 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.84.76.005

С каждым годом с изменением социально-экономических условий в обществе усложняется криминальная ситуация, существенные нововведения претерпевают различные виды законодательства Российской Федерации. Обозначенные выше процессы диктуют обязательную потребность по переосмыслению возникающих проблем в сфере информационной безопасности Российской Федерации, а также обусловленных ею возникающих угрозах, не только с теоретических и правовых позиций либо уголовной и правовой защиты цифровых информационных данных, но также и с точки зрения и позиции науки криминологии.

В этой связи нельзя не отметить тот факт, что в условиях начала нового тысячелетия информационно-телекоммуникационные технологии возможно использовать в качестве разновидности вооружения. В этой связи в настоящее время кибертерроризм выступает в качестве одного из в наибольшей степени опасных разновидностей террористической угрозы, из-за того, что его последствия могут быть ужасающими, поскольку террористы, специализирующиеся на совершении террористических атак с использованием кибертехнологии, стремятся в первую очередь нанести вред государственным, коммерческим и частным информационно-телекоммуникационным системам. Одними «из крайне опасных считаются атаки, которые были направлены на расшатывание и подрыв информационных основ органов государственной власти и управления» [1, с. 32]. Наглядным примером этому утверждению могут являться различные террористические атаки, прошедшие в ряде зарубежных стран.

Развитие киберпреступности способствовало формированию её различных направлений, в числе которых оказались преступные проявления, связанные с терроризмом — кибертерроризм [2, с. 216]. Однако прежде чем вести разговор о необходимости совершенствования государственной политики в сфере информационной безопасности нашей страны, исходящих от кибертерроризма необходимо определить его понятие. Прежде всего нельзя не отметить о том, что отечественные ученые провели не мало научных исследований по проблематике «противодействия терроризму, в которых ими предпринимались попытки обобщенного определения сущности терроризма на законодательном уровне, и в конечном итоге все эти попытки способствовали тому, что в 2006 г. понятие терроризма было зафиксировано в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ [3, с. 30]. Тем не менее нормативное правовое определение терроризма в федеральном законодательстве, не может означать, что это привело к решению всех теоретических проблем, связанных с определением его сущности.

Важно отметить, что и сегодня, в научной сфере разгорается множество обсуждений и дискуссий на эту тему, до настоящего времени среди ученых не сформировано единое общепринятое и всех удовлетворяющее определение, как самого терроризма, так и предельно полной классификации его разновидностей. Важно отметить, что «научная

литература изобилует множеством различных определений терроризма, которые построены на различных основаниях. Сложившаяся ситуация вызывает более чем достаточное количество затруднений для выработки принимаемых всеми определений, которые бы лежали в основе антитеррористической доктрины» [4, с. 36].

Поэтому основываясь на ряде ранее проведенных автором исследованиях кибертерроризма, по его мнению, под кибертерроризмом следует понимать определенную разновидность террористической угрозы, которая использует современные информационные телекоммуникационные технологии, направленные для устрашения, или же какого-либо другого воздействия для принятия решений органами государственной власти и управления.

Ряд теоретических аспектов, рассматривающих кибертерроризм, как важнейший из факторов, связанных с угрозами безопасности нашей страны, в начале нового тысячелетия были исследованы отечественными специалистами из различных научных сфер: С. В. Зарубиным [5], Е. А. Молодчей [6], В. А. Мазуровым [7], В. С. Овчинским [8], О. А. Степановым [9], Е. В. Старостиной [10], Т. Л. Тропиной [11], Ф. А. Услинским [12] и др. При этом необходимо отметить, что в 2020-х гг. специальных исследований изучающих и научно обосновывающих современные возможности противодействия различным вызовам и угрозам в сфере информационной безопасности Российской Федерации, исходящих со стороны субъектов международного терроризма ранее проведено не было.

Зарождение кибертерроризма началось в 1970-х гг. Данный термин в 1980 г. ввел старший научный сотрудник Института безопасности и разведки (США, Калифорния) Барри Коллин, и спустя многие годы поделился своими исследованиями в своей научной работе «Будущее кибертерроризма». Он предвидел, что через несколько десятков лет всемирные телекоммуникационные сети смогут охватить все мировое пространство и будут выступать в качестве объекта террористической угрозы международных террористов. Им, в частности, указывалось на то, что лицо терроризма меняется, но мотивы остаются прежними. При этом также отмечалось, что «человечество сталкивается с новым и незнакомым оружием. Разведывательные системы, тактика, процедуры безопасности и оборудование, которые когда-то должны были защищать людей, системы и нации, бессильны против разрушительного оружия, под названием кибертерроризм» [13, p. 17]. В своей работе Барри Коллин, в частности, указывало на то, что методы борьбы с терроризмом, которые специалисты по борьбе с терроризмом оттачивали на протяжении многих лет, неэффективны против кибертерроризма, поскольку кибертеррористы не атакует взрывчаткой, химическим газом, динамитом, а единицами и нулями в том месте, где сходятся физический и виртуальный миры.

Таким образом, рассматриваемая противоправная кибердеятельность существует с 1970-х гг., при этом все начиналось со взломов и проникновения на сайты военных организаций, содержавших секретную информацию, но с годами террористические организации все больше стали совершать киберпреступлений в сфере экономики, а также распространять вредоносные компьютерные программы. Научно-технический прогресс и связанные с ним в 1990-х гг. достижения в телекоммуникационных системах, и создание глобальной сети Интернет, также способствовало развитию киберпреступности.

В настоящее время в киберпространство вовлечено порядка трети жителей планеты, и проблема кибертерроризма становится все более актуальнее [14, с. 86].

В настоящее время проявления кибертерроризма являются одними из самых опасных разновидностей преступных посягательств, поскольку, используя кибератаки, возможно причинить значительные виды ущерба не только на локальных, но и на межгосударственных и международных уровнях. Поскольку внешние угрозы международных террористов направлены не на совершение каких-то преступлений небольшой и средней тяжести, а также не сбор каких-то информационных данных о рядовых пользователях системы Интернет. В качестве объектов преступных посягательств кибертеррористов могут выступать данные, которые касаются секретной информации, управления аппаратурой по контролю за объектами атомной энергетики, ядерных военных комплексов, космической отрасли, государственной банковской инфраструктуры и др.

В обязательном порядке необходимо отметить, что особым интерес среди кибертеррористов вызывает деятельность государственных информационных систем, важная государственная инфраструктура, среди которых системы по управлению железными дорогами, аэропортами, объектами атомной энергетики, военными, оборонными объектами и др. Кибертеррористы стремиться проникнуть на объекты, связанные с информационно-телекоммуникационной системой, перехватить управление ими, подавить средства, связанные с сетевым информационным обменом и осуществить другие деструктивные действия. Самая большая проблема борьбы с террористическими угрозами в сфере информационной безопасности заключается в том, что данная разновидность террористической деятельности не обладает национальными границами, поэтому у правоохранительных органов возникают большие проблемы, связанные с выявлением и раскрытием террористических атак, осуществленным в информационном пространстве.

Опасность кибертерроризма во многом обусловлена тем, что прорывные цифровые технологии, порожденные глобализацией информационных процессов, ворвавшиеся в современное общество, становятся не только информационными составляющими большинства преобразований, происходящих в цифровом обществе, но и вызывают всплеск совершенно новых угроз, связанных с кибертерроризмом. В этой связи важно подчеркнуть то, что с каждым годом кибертерроризм стремится к поиску все новых способов совершения рассматриваемых преступлений, обусловленных регулярным совершенствованием и генерированием процессов в информационно-телекоммуникационной сфере.

Кроме того, опасность кибертерроризма обусловлена тем, что нападавшие, могут действовать незаметно в течение нескольких месяцев, как это было на АЭС в Иране, брать под свой контроль различные сети на регулярной основе собирать политическую, экономическую и финансовую информацию.

Используя телекоммуникационные сети, кибертеррористы обладают многими преимуществами, поскольку они в любой момент в независимости от своего местонахождения могут воспользоваться простым доступом к необходимому информационному ресурсу. Кроме того, они имеют доступ к высокоскоростной передаче больших информационных массивов и информационных данных, по трудно поддающемуся контролю правоохранительными органами каналам связи, имеющим низкую персонификацию

электронных следов [15, с. 147]. К тому же кибертеррористами используется сеть Интернет в организационных и конспиративных целях [16, с. 12]. В дополнение к сказанному необходимо отметить, что при помощи сети Интернет кибертеррористы имеют возможность с большим размахом проводить работу по вербовке новых участников террористического движения и сбору денежных средств от лиц, относящихся с симпатией к террористам. И, наконец, нельзя не отметить, что террористами решается важнейшая задача, заключающаяся в широком освещении проведенных террористических атак, что способствует обретению их известности в обществе и устрашению своих противников [17, с. 26].

Российская Федерация, как и большинство мировых держав, также является мишенью кибератак террористов, которые подрывают его фундаментальные интересы. Сегодня кибератаки могут нацеливаться на государственные структуры, операторов, имеющих жизненно важное значение, или стратегические предприятия. Целью киберпреступников является долгосрочная установка в информационную систему с целью кражи конфиденциальных данных (политических, дипломатических, военных, технологических, экономических, финансовых или коммерческих). В любой момент киберпреступники могут взять под контроль подключенные к телекоммуникационным сетям любые объекты, в том числе и стратегического значения, и удаленно прервать их промышленную деятельность или вообще уничтожить.

Безопасное и надежное киберпространство, имеет важнейшее значение для безопасности и стабильности Российской Федерациям, а эффективная кибербезопасность всей цифровой инфраструктуры российского государства, в условиях начала третьего десятилетия XXI столетия, все больше приобретает решающее значение для конкурентоспособности нашей страны на мировых рынках, государственной экономической стабильности и долгосрочного процветания.

3 марта 2021 г. на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России, приняли участие Президент Российской Федерации В. В. Путин и Министр внутренних дел Российской Федерации, генерал полиции Российской Федерации В. А. Колокольцев. На указанном мероприятии обсуждались итоги и результаты деятельности структурных подразделение МВД России за 2020 г. и ставились задачи сотрудникам на 2021 г. Речь на коллегии зашла также о преступлениях в сфере информационных технологий, число которых значительно выросло. Так в частности В. В. Путиным было отмечено, что информационные технологии быстро развиваются, и общество за ними, к сожалению, не успевает. При этом, очевидно, «технологии обновляются и меняются стремительно, но и поле для преступлений, для разного рода преступной деятельности, к сожалению, тоже увеличивается. Поэтому задача МВД России эффективно ответить на этот криминальный вызов и защитить граждан. Для этого важно повышать профессиональную подготовку и техническое оснащение органов внутренних дел. И, конечно, нужно наладить более чёткое взаимодействие с интернет-провайдерами, операторами сотовой связи. Также Президентом Российской Федерации В. В. Путиным было обращено внимание на то, что в целом показатели раскрываемости кибер- и других видов преступлений должны год от года расти, поскольку от этого зависит реализация важнейшего правового

принципа — неотвратимости наказания, а значит, и вера людей в справедливость, в силу закона, в способность государства защитить безопасность человека»[1].

Все обозначенное выше свидетельствует о необходимости разработки и принятия необходимых мер по государственному реагированию на акты кибертерроризма. Качественные изменения показателей кибертерроризма подчеркивают необходимость совершенствования работы с данным противоправным явлением. Во многом такое положение дел объясняется важностью роли профилактического воздействия на рассматриваемую преступность. В сложившейся ситуации не обойтись без комплексной программы мер противодействия рассматриваемому феномену.

Специальные субъекты по обеспечению кибербезопасности это в первую очередь государственные органы, которые помимо выполнения ими своего общего функционала, уполномочены осуществлять противодействие киберпреступности и кибертерроризму, и, кроме того, обеспечивать кибернетическую защиту на объектах национальной критической инфраструктуры.

Поскольку в настоящее время проявления кибертерроризма являются долгосрочными причинами и условиями осложнения геополитической системы, и весьма устойчивыми явлениями в развитии общества, в сложившееся ситуации для защиты от серьезных террористических киберугроз необходимо продолжать работу по защите и подготовке всех объектов критически важной национальной инфраструктуры. Также следует обновить военные оборонные возможности защиты от новых видов кибернетических угроз террористического характера.

Следует «улучшать качество работы по установлению и розыску субъектов, которые причастны к террористической деятельности в информационном пространстве, а также привлекать их к уголовной ответственности в соответствии с законодательными нормами Российской федерации, при этом также рационализировать информационное сопровождение работы всех участников деятельности по борьбе с терроризмом при пресечении террористических угроз и осуществлении контртеррористической работы» [18, с. 95].

Ранее проведенные исследования свидетельствуют о том, что осуществляемые киберугрозы в информационной сфере нашей страны активно эволюционируют, поэтому чрезвычайно важно продолжать выявлять материалы в социальных сетях, имеющие обозначенную террористическую направленность. В необходимых случаях блокировать террористический контент и сайты их размещающие. При этом важно проводить профилактические мероприятия среди владельцев заблокированных сайтов, занимаясь их правовым просвещением, предупреждая о возможном наступлении ответственности за деятельность, связанную с размещением контента, носящего террористический характер.

---

[1] Итоги коллегии в МВД РФ 3 марта 2021 года: полная информация о мероприятии — последние новости [Электронный ресурс]. — URL: https://regioninformburo.ru/itogi-kollegii-v-mvd-rf-3-marta-2021-goda-polnaya-informacziya-o-meropriyatii-poslednie-novosti/ (date of the application 10.12.2021).

Необходимо совершенствование информационного противодействия кибертерроризму, посредством организации различных форумов, тематических групп, опросов.

Одним из важнейших элементов, по мнению отечественных специалистов, в борьбе с терроризмом должна стать грамотно выстроенная информационная политика, осуществляемая средствами массовой информации (далее — СМИ). Так в частности, сведения, которые касаются «проведения контртеррористических операций, средств и методов противодействия терроризму не должны получать огласку со стороны СМИ, так, как все это окажет негативное воздействие на проводимые правоохранителями мероприятия, и кроме того может использоваться в террористической деятельности» [19, с. 138].

Необходимо ввести ограничительные меры, вплоть до запрета в государственных органах власти и управления, а также иных государственных структурах, подключаться к сети Интернет. При этом, в случаях крайне необходимости осуществлять подобное подключение используя специально предназначенные для этих целей средства по защите информационных данных, а также обязать использование криптографических средств, имеющих сертификат ФСБ России, получивший подтверждающий соответствие Федеральной службе по техническому и экспортному контролю.

Также важно «повышать уровень своевременного и эффективного информационного сопровождения субъектов борьбы с терроризмом, связанный минимизацией и ликвидацией террористических актов, при этом важно совершенствовать работу по информированию населения о деятельности связанной с установлением лиц, совершающих террористические акты и их пособников и привлечении их к ответственности» [20, с. 15].

Необходимо рассматривать возможности создания новых межведомственных кибернетических подразделений, которые будут развивать необходимый потенциал по защите от киберпреступности, чтобы дать России сравнительное преимущество в киберпространстве. При этом ими должен быть разработан работоспособный механизм по обмену необходимым опытом в рассматриваемой сфере. Также важно усилить роль имеющихся подразделений по защите национальной инфраструктуры, чтобы расширить их охват организациями, которые ранее не рассматривались, как часть критической инфраструктуры, тем самым увеличив способность защищать критические системы и интеллектуальную собственность.

Профилактика и просвещение также имеют решающее значение. Правительство, частный сектор и правоохранительные органы должны работать вместе в этом направлении, чтобы решить рассматриваемую проблему совместными усилиями. Кроме того, необходимо работать с интернет-провайдерами над поиском нового добровольного кодекса поведения, который также поможет противодействовать кибертерроризму.

Кроме того, профилактика кибертерроризма должна осуществляться не только правоохранительными и иными государственными органами, а также исходить со стороны общественных организаций и религиозных объединений граждан. В этой связи, «разработанные новые принципы и механизмы по взаимодействию общественных организаций, а также представителей иных социальных групп населения, выступающих об-

щественными помощниками в различных общественных объединениях» [21, с. 597], окажут существенное воздействие на эффективность противодействия кибертерроризму.

Ряд цифровых устройств, объектов и услуг, которые в настоящее время доступны на рынке, не имеют того уровня безопасности данных, который позволяет им избежать инцидента: утечки данных, неисправности или перерыва в обслуживании. Для российских предприятий защита персональных данных и уровень безопасности цифровых продуктов и услуг, которые они разрабатывают и производят, в краткосрочной перспективе должны стать отличительной чертой и конкурентным преимуществом.

Совершенствуя кибербезопасность, как на государственном, так и на глобальном уровне следует серьезно задуматься о необходимости выработки системных подходов включающих в себя не только повышение осведомленности о всех имеющихся рисках в информационном пространстве, создании государственных структур, исследующих проблематику информационной безопасности, но также и стремиться к установлению прочных взаимоотношений между отраслями экономики, и необходимому сотрудничеству на международной арене.

С целью реализации указанных вопросов по совершенствованию политики связанной с современными вызовами и угрозами в сфере информационной безопасности, исходящих от международного терроризма, необходимо стремиться к снижению масштабов и числа кибератак; минимизировать и не допускать распространение рассматриваемых преступных проявлений на территории нашей страны; минимизировать ущербы причиняемые деятельностью международных террористических организаций российскому населению; стремиться к привлечению как можно большего числа участников террористических организаций к уголовной ответственности; проводить мероприятия по систематическому совершенствованию и гармонизации законодательных мер в рассматриваемой сфере, учитывая реальные и потенциальные угрозы в сфере информационной безопасности; продолжать проводить на системной основе научные исследования по рассматриваемым проблемам, при этом обеспечить межведомственное взаимодействие между образовательными и научными учреждениями по подготовке совместных научных исследований для сотрудников правоохранительных органов.

В контексте изложенного материла необходимо подчеркнуть, что результативность противодействия рассматриваемым вызовам и угрозам кибертерроризма значительно может быть повышена на основе мер по совершенствованию нормативной правовой базы и обмена положительным опытом среди стран осуществляющим комплексные антитеррористические мероприятия в рассматриваемой сфере.

Важной мерой по противодействию кибертерроризма на глобальном уровне, могли бы стать разработанные и принятые специальные международные договоры универсального и регионального характера в сфере борьбы с кибертерроризмом, поскольку рассматриваемый вид террористической деятельности обладает своей четко выраженной спецификой и особенностью.

Исходя из сказаного следует, что совершенствование государственно-правовой политики Российской Федерации, связанной с современными вызовами и угрозами в сфере информационной безопасности, исходящих от международного терроризма,

должно осуществляться комплексно, системно и последовательно, с учетом многостороннего международного сотрудничества.

В заключение необходимо отметить, что в новом тысячелетии развивая автономное стратегическое мышление, подкрепленное техническим опытом мирового уровня, Российская Федерация должна обеспечить постоянную защиту своих фундаментальных интересов в киберпространстве. При этом важно параллельно продолжать укреплять безопасность своих критически важных сетей и их устойчивость в случае крупной кибератаки террористов, путем расширения сотрудничества с частными заинтересованными сторонами на национальном и международном уровнях. Для защиты своего суверенитета и, в частности, защиты своей информации, касающейся национальной оборонной тайны, Российской Федерации необходимо сохранять свой финансовый и промышленный потенциал для разработки решений с самым высоким уровнем безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Пеньков И. А. Основные направления борьбы с кибертерроризмом // Мир и Согласие. — 2006. — № 1. — С. 32.

2. Терлыч И. А. Уголовно-правовой аспект борьбы с кибертерроризмом в Китае // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, Чебоксары, 12 апреля 2019 года / Редколлегия: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2019. — С. 215—217.

3. Кобец П. Н. Опыт и проблемы противодействия международному терроризму на объектах атомной энергетики // Научный портал МВД России. — № 2 (46). — 2019. — С. 29—39.

4. Кобец П. Н. Совершенствование антитеррористических мер безопасности на объектах транспорта // Научный портал МВД России. — № 1 (49). — 2020. — С. 35—45.

5. Зарубин С. В. Разработка алгоритмов и моделей противодействия кибертерроризму: дис. ... канд. техн. наук: 05.13.18, 05.13.19; Место защиты: Воронеж. ин-т МВД России. — Воронеж, 2009. — 140 с.

6. Молодчая Е. Н. Политика противодействия кибертерроризму в современной России: политологический аспект: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: дис. … канд. полит. наук. — М., 2011. — 188 с.

7. Мазуров В. А. Кибертерроризм: понятие, проблемы противодействия // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. — 2010. — № 1—1 (21). — С. 41—45.

8. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: хрестоматия / сост. заслуж. юрист Рос. Федерации, д-р юрид. наук В. С. Овчинский. — М.: Норма, 2017. — 527 с.

9. Степанова О. А. Актуальные проблемы противодействия кибертерроризму: моногр. — М.: Акад. Ген. прокуратуры, 2014. — 99 с.

10. Старостина Е. Подход к выработке единого понятия «кибертерроризм» (научное обоснование, сравнительная характеристика) // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. — М., 2006. — № 101. — С. 80—89.

11. Тропина Т. Л. Киберпреступность и кибертерроризм: договоримся о понятиях // Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы: сб. ст. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. — С. 14—21.

12. Услинский Ф. А. Кибертерроризм в России: его свойства и особенности // Право и кибербезопасность. — 2014. — № 1. — С. 6—11.

13. Collin B. C. The Future of Cyber Terrorism // Crime & Justice International. 1997. Vol. 13, No. 2. March. P. 15—18.

14. Горба М. С. Киберпреступность, как развивающаяся криминальная угроза обществу / М. С. Горба, Е. Б. Тюнин // Информационное общество: современное состояние и перспективы развития: сб. мат-в XII междунар. форума, Краснодар, 15—20 июля 2019 г. — Краснодар: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», 2019. — С. 84—87.

15. Гавло В. К. Следовая картина и ее значение для расследования преступлений, связанных с неправомерным удаленным доступом к компьютерной информации / В. К. Гавло, В. В. Поляков // Российский юридический журнал. — 2007. — № 5 (57). — С. 146—152.

16. Осипенко А. Л. Организованная преступность в сети интернет // Вестник Воронежского института МВД России. — 2012. — № 3. — С. 10—16.

17. Осипенко А. Л. Особенности раскрытия преступлений экстремистской направленности, совершаемых в сети интернет / А. Л. Осипенко, Н. И. Болычев // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. — 2015. — № 1. — С. 26—31.

18. Кунакова Л. Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. — 2012. — № 6. — С. 93—96.

19. Скребец Е. С. Борьба с терроризмом в Российской Федерации: концепция и методология // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2016. — Т. 2 (68). — № 1. — С. 137—144.

20. Кобец П. Н. Проблемы совершенствования антитеррористической деятельности МВД России. Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — № 4 (40). — 2016. — С. 13—16.

21. Кобец П. Н. Анализ природы терроризма и его детерминирующих факторов в условиях середины второго десятилетия XXI столетия // Полицейская деятельность. — 2016. — № 6. — С. 596—602.

REFERENCES

1. Penkov I.A. The main directions of the fight against cyberterrorism // Peace and Consent. 2006. No. 1.P. 32.

2. Terlych I.A. The criminal-legal aspect of the fight against cyberterrorism in China // Actual directions of scientific research: development prospects: Collection of materials of the VIII International scientific and practical conference, Cheboksary, April 12, 2019 / Editorial board: O. N. Shirokov [and others]. — Cheboksary: Limited Liability Company Center for Scientific Cooperation Interactive Plus, 2019. pp. 215-217.

3. Kobets P.N. Experience and problems of countering international terrorism at nuclear power facilities. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 2 (46). 2019. P. 29-39.

4. Kobets P.N. Improvement of anti-terrorist security measures at transport facilities. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 1 (49). 2020. pp. 35-45.

5. Zarubin S.V. Development of algorithms and models for countering cyber terrorism: dissertation ... Candidate of Technical Sciences: 05.13.18, 05.13.19; Place of protection: Voronezh. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — Voronezh, 2009 . 140 p.

6. Molodchaya E. N. Policy of countering cyber terrorism in modern Russia: political science aspect: specialty 23.00.02 «Political institutions, processes and technologies»: dissertation for the degree of candidate of political sciences. — Moscow, 2011. — 188 p.

7. Mazurov V.A. Cyberterrorism: concept, problems of counteraction // Reports of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. — 2010. — No. 1-1 (21). — P.. 41-45.

8. Fundamentals of combating cybercrime and cyberterrorism: reader / compiler, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law V.S. Ovchinsky. — Moscow: Norma, 2017 .- 527 p.

9. Stepanova O.A. Actual problems of countering cyber terrorism: monograph. — Moscow: Acad. General Prosecutor's Office, 2014 .- 99 p.

10. Starostina E. Approach to the development of a single concept of «cyber terrorism» (scientific justification, comparative characteristics) // Law and Life. Independent legal journal. — M., 2006, No. 101. — pp. 80-89.

11. Tropina T.L. Cybercrime and cyberterrorism: let's agree on the concepts // Problems of crime: traditional and non-traditional approaches. Digest of articles. — M.: Russian Criminological Association, 2003. — P. 14-21.

12. Uslinsky F.A. Cyberterrorism in Russia: Its Properties and Features // Law and Cybersecurity. — 2014. — No. 1. — P. 6-11.

13. Collin B. C. The Future of Cyber Terrorism // Crime & Justice International. 1997. Vol. 13, No. 2. March. P. 15-18.

14. Gorba M.S., Tyunin E.B. Cybercrime as a developing criminal threat to society // Information society: current state and development prospects: collection of materials of the XII International Forum, Krasnodar, July 15-20, 2019. — Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin ", 2019. — P. 84-87.

15. Gavlo V.K., Polyakov V.V. Trace picture and its significance for the investigation of crimes related to illegal remote access to computer information // Russian legal journal. — 2007. — No. 5 (57). — P. 146-152.

16. Osipenko A.L. Organized crime on the Internet // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2012. — No. 3. — P.. 10-16.

17. Osipenko A.L., Bolychev N.I. Features of disclosing extremist crimes committed on the Internet // Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, disclosure and investigation of crimes. — 2015. — No. 1. — P.. 26-31.

18. Kunakova L.N. Information war as an object of scientific analysis (concept and main characteristics of information war) // Almanac of modern science and education. 2012. No. 6. P. 93-96.

19. Skrebets E.S. The fight against terrorism in the Russian Federation: concept and methodology // Scientific notes of the V.I. Vernadsky. Legal sciences. — 2016 .- T. 2 (68). — No. 1. — P. 137-144.

20. Kobets P.N. Problems of improving the anti-terrorist activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. No. 4 (40) 2016. P.13-16.

21. Kobets P.N. Analysis of the nature of terrorism and its determinants in the middle of the second decade of the XXI century // Police activity. — 2016. — No. 6. — P.596-602.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kobets Peter Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
121069, Moscow, st. Povarskaya, 25, building 1.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 09.12.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С.65 —74.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.Vol. no. 2 (101). P.65—74.

12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Научная статья
УДК 343.614
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.14.77.006

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ СКЛОНЕНИЯ К САМОУБИЙСТВУ ИЛИ СОДЕЙСТВИЯ СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА ПРИ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ

Малетина Мария Александровна
Барнаульский юридический институт МВД России, Российская Федерация, Барнаул, mamaletina85@mail.ru

Введение: в любом цивилизованном обществе жизнь человека является высшей ценностью, поэтому правовой механизм ее охраны постоянно нуждается в совершенствовании. В целостной системе данного механизма весомое место занимает уголовное законодательство, включающее нормы, обеспечивающие безопасность жизни человека от преступных посягательств со стороны третьих лиц. Важная роль в борьбе с подобными посягательствами отводится ст. 110^1 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за склонение к самоубийству или содействие его совершению. С учетом непродолжительного времени, прошедшего с момента криминализации данной нормы, а также отсутствия разъяснений высшего судебного органа России, в следственно-судебной практике нередко возникают спорные вопросы при квалификации деяний, инспирирующих суицидальное поведение. В статье предпринята попытка дать уголовно-правовую оценку отдельным фактам склонения к самоубийству и содействия его совершению через призму такого института общей части уголовного закона, как малозначительность деяния.

Материалы и методы: решение исследовательских задач было достигнуто посредством всестороннего анализа действующего уголовного законодательства Российской Федерации, определений Конституционного Суда Российской Федерации, Верхового Суда Российской Федерации, постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации, а также теоретических разработок специалистов в области уголовного права. Методология работы включает применение как общенаучных методов (анализ, синтез,

© Малетина М.А., 2022

дедукция, индукция), так и частнонаучных методов, в том числе формально-логического и структурного.

Результаты исследования позволили раскрыть отдельные признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110^1 Уголовного кодекса Российской Федерации, и показать неоднозначность их толкования в процессе квалификации.

Выводы и заключения: автор приходит к выводу о том, что общественная опасность отдельных фактов склонения к самоубийству и содействия его совершению нередко может не соответствовать криминальному уровню, который законодатель закладывает в соответствующие деяния, признавая их преступными. Отдельные положения нормы о преступной причастности к самоубийству допускают широкие пределы толкования предписаний уголовного закона о малозначительности деяния в процессе квалификации содеянного в качестве преступления.

Ключевые слова: преступная причастность к самоубийству, склонение к самоубийству, содействие самоубийству, малозначительность деяния.

Для цитирования: Малетина М. А. Проблемы уголовно-правовой оценки склонения к самоубийству или содействия совершению самоубийства при малозначительности деяния // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С. 65—74.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.14.77.006

12.00.08. Criminal law and criminology; penal law

Original article

PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF INCITEMENT TO SUICIDE WHEN THE ACT IS INSIGNIFICANT

Maria A. Maletina
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Barnaul, mamaletina85@mail.ru

Introduction: human life is the highest value in any civilized society, so the legal mechanism for its protection is constantly in need of improvement. In the integral system of this mechanism a significant place is occupied by criminal legislation, which includes norms that ensure the safety of human life from criminal encroachments by third parties. An important role in the fight against such encroachments is assigned to Art. 110^1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for incitement to suicide. Given the short time that has passed since the criminalization of this norm, as well as the lack of clarifications from the highest judicial body in Russia, in investigative and judicial practice, controversial issues often arise when qualifying acts that inspire suicidal behavior. The article attempts to give

a criminal-legal assessment of individual facts of incitement to suicide and facilitating its commission through the prism of such an institution of the General Part of the Criminal Law as the insignificance of an act.

Materials and methods: the solution of research problems was achieved through a comprehensive analysis of the current criminal legislation of the Russian Federation, the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the theoretical developments of specialists in the field of criminal law. The methodology of the work includes the use of both general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction) and private scientific methods, including formal-logical and structural ones.

The results of the study: made it possible to reveal certain signs of a crime under Part 1 of Art. 110^1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and show the ambiguity of their interpretation in the qualification process.

Findings and Conclusions: the author comes to the conclusion that the social danger of individual facts of incitement and facilitating to suicide may often not correspond to the criminal level that the legislator lays down in the relevant acts, recognizing them as criminal. Separate provisions of the norm on criminal involvement in suicide allow for wide limits of interpretation of the provisions of the criminal law on the insignificance of the act in the process of qualifying the deed as a crime.

Keywords: Criminal involvement in suicide, incitement to suicide, facilitating to suicide, insignificance of the act.

For citation: Maletina M. A. Problemy ugolovno-pravovoj ocenki sklonenija k samoubijstvu ili sodejstvija sovershenijju samoubijstva pri maloznachitel'nosti dejanija [Problems of criminal-legal assessment of inclination to suicide or assistance in committing suicide with the insignificance of the act]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 65—74 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.14.77.006

Уголовное законодательство Российской Федерации является единой целостной фундаментальной отраслью российского права. Применение на практике норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) должно осуществляться в неразрывном единстве с нормами и институтами Общей части УК РФ, поскольку они обладают несравненно более широкой областью действия. Не является исключением и процесс квалификации деяний, содержащих признаки состава преступления, предусмотренного ст. 110^1 УК РФ. Особое внимание в данном случае хотелось бы уделить взаимосвязи данной нормы с такими институтами Общей части УК РФ, как понятие преступления и малозначительность деяния.

На первый взгляд, в силу особенностей объекта уголовно-правовой охраны склонения к самоубийству или содействия его совершению это представляется невозможным, поскольку апробированные судебной практикой критерии малозначительности деяния неприменимы в случае совершения преступлений, посягающих на жизнь человека. В научной общественности подобная позиция также является превалирующей [1, с. 53; 2, с. 64—70; 3, с. 76].

Вместе с тем системный взгляд через призму такого института общей части уголовного закона, как малозначительность деяния, позволяет обозначить отдельные проблемы квалификации деяний, инспирирующих суицидальное поведение, нуждающиеся в разрешении.

Например, решение вопроса о признании деяния малозначительным представляется актуальным в рамках уголовно-правовой оценки таких широко распространенных в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — сеть Интернет) сленговых выражений подрастающего поколения, как «застрелись, я не исправлюсь!», «иди повешайся!» и т. п. Кроме того, ряд вопросов может вызвать квалификация предоставления информации о способах совершения самоубийства на специализированных форумах сети Интернет.

Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, *но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности*. Анализ указанного законодательного положения позволяет констатировать, что вывод о малозначительности деяния зависит от наличия (отсутствия) в нем общественной опасности как важнейшего социального свойства преступления.

Основываясь на правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации выраженной, в частности, в Определении от 26 октября 2017 года № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение её конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности“», следует отдельно отметить, что в правовой системе России преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща *криминальная общественная опасность*, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, не может считаться таковым в силу малозначительности.

Анализ данного положения свидетельствует о том, что в ч. 2 ст. 14 УК РФ федеральный законодатель ведет речь о деянии, общественная опасность которого не достигает криминального (преступного) уровня.

Структура общественной опасности, в свою очередь, раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Высший судебный орган России

описывает ее следующим образом: характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления (направленности деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред), а степень, в свою очередь, устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного (характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла либо неосторожности).

Таким образом, в процессе квалификации деяний, инспирирующих суицидальное поведение, основная задача правоприменителя заключается в их оценке на предмет достижения того самого преступного уровня общественной опасности. Главная сложность при этом состоит в том, что малозначительность является оценочным понятием — законодательная формулировка нормы о малозначительности деяния и разъяснения высшего судебного органа России по данному вопросу являются весьма абстрактными. Указанное обстоятельство ставит оценку его критериев всецело в зависимость от правоприменителя.

В целях аргументации выдвинутого тезиса о возможности признания отдельных фактов склонения к самоубийству или содействия его совершению малозначительными деяниями необходимо, думается, проанализировать такие широко распространенные в сети Интернет сленговые выражения подрастающего поколения, как «застрелись, я не исправлюсь!», «иди повешайся!» и т. п. Кроме того, представляется актуальной и уголовно-правовая оценка предоставления информации о способах совершения самоубийства на специализированных форумах сети Интернет.

Например, основная часть подрастающего поколения пользуется сервисами обмена мгновенными сообщениями и голосовой связи, такими как WhatsApp и Viber. Кроме того, они состоят в общих группах, где могут обмениваться как важной информацией относительно расписания уроков и заданных домашних заданий, так и смешными картинками, и шуточными высказываниями. Отдельно в данном случае стоит затронуть проблему буллинга в школе, когда среди сверстников выбирается жертва, в адрес которой со стороны одноклассников в указанных мессенджерах высказываются насмешки, а также употребляются выражения «убейся об стену», «застрелись, я не исправлюсь», «иди повешайся», «автор, выпей яду» и т. п.

Формально указанные призывы, высказанные в адрес индивидуально определенного лица, могут считаться склонением к совершению самоубийства, поскольку, согласно п. 3.1 совместного приказа Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной налоговой службы от 18 мая 2017 года № 84/292/351/ММВ-7-2/461, они являются предложением, просьбой, приказом совер-

шить самоубийство[1]. Размещение в общих группах WhatsApp и Viber подобных призывов по существу является публичным склонением несовершеннолетнего к самоубийству и содержит признаки состава преступления, предусмотренного п.п. «а» и «д» ч. 3 ст. 110[1] УК РФ. В деянии склоняющего усматривается и субъективная сторона преступления, в том числе вина в форме прямого умысла: виновный осознает, что совершает действия, направленные на инициирование самоубийства. Кроме того, наступление преступного результата (совершения или попытки совершения самоубийства) с учетом несформировавшейся психики подростков также представляется вполне реальным.

Вместе с тем представляется, что рассматриваемое деяние при формальном наличии признаков квалифицированного состава склонения к самоубийству в силу малозначительности не достигает преступного уровня общественной опасности. Для подтверждения обозначенного тезиса необходимо провести параллель с такими известными всему миру смертоносными «играми», как «Синий кит» (2015 год) и пришедшим ему на замену «Новый путь» (2018 год). В усовершенствованном обличии подобная игра предстала под названием «Как стать феей Огня из Винкс», в которой ребенку дается задание включить в квартире газовую плиту, лечь спать, а на утро зажечь спичку и т. п. Очевидно, что действия кураторов в данном примере имеют целенаправленный характер — возбудить у подростка желание и решимость совершить самоубийство.

В действиях же лиц, использующих шуточные выражения в мессенджерах, отсутствует такой обязательный элемент состава преступления, как субъективная сторона: их высказывания употребляются в группе несовершеннолетних в качестве забавы — они направлены скорее на выражение общего неприязненного отношения, нежели на возбуждение желания совершить суицид. Кроме того, во всех подобных случаях эти шутки не воспринимаются в качестве предложений, советов и указаний совершить самоубийство ни их авторами, ни теми, кому они адресованы. Поэтому в приведенном примере правильнее говорить даже не об отсутствии общественной опасности деяния в силу его малозначительности, а об отсутствии самого состава преступления.

---

[1] Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной налоговой службы от 18 мая 2017 г. № 84/292/351/ММВ-7-2/461 «Об утверждении критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной налоговой службой о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему «единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»: зарегистрировано в Минюсте России 27 июня 2017 г. № 47207. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Представляется, что аналогичной правовой оценке должны подлежать и ситуации, когда на заявление друга, который регулярно получает двойки по предмету из-за сложившегося конфликта с учителем «Если она не перестанет издеваться надо мной, я повешаюсь!», второй отвечает ему: «Давай, вперед!». В рассматриваемом примере очевидно, что желание и решимость совершить самоубийство (с условием их наличия) были сформированы у подростка ранее, чем была озвучена шутливая фраза, формально одобряющая его намерение. Еще более важным при этом является то, что высказанное другом суждение является лишь поведенческой реакцией на сложившуюся ситуацию. Он, вероятно, в силу его незначительности не осознаёт потенциальную общественную опасность собственных действий. Думается, в его действиях отсутствует умысел на инициирование суицидальных действий со стороны своего товарища, что, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии субъективной стороны состава преступления.

Решение вопроса о признании деяния малозначительным также является актуальным при квалификации отдельных случаев содействия совершению самоубийства. Неоднозначной уголовно-правовой оценке подлежат обсуждения на специальных форумах сети Интернет, посвященных всевозможным темам самоубийств, на страницах которых ведутся рассуждения о последнем шаге, способах суицида, последних минутах и т. д.[1].

По нашему мнению, предоставление информации лицу, у которого возникло намерение уйти из жизни, информации о способах совершения самоубийства не во всех случаях должно признаваться уголовно наказуемым. Например, лицо, дающее совет собеседнику, твердо решившему вскрыть себе вены, что «вены необходимо резать вдоль», или же покончить жизнь самоубийством, врезавшись на автомобиле с большой скоростью в стену, чтобы все произошло очень быстро, действует с прямым умыслом, однако при квалификации данного деяния необходимо принимать во внимание общедоступность и общеизвестность сообщенной информации. Дача совета о специфике указанных способов совершения суицида формально содержит признаки состава преступления, предусмотренного п. «д» ч. 3 ст. 110^1 УК РФ (содействие самоубийству, совершенное в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), однако таковым не является, поскольку не представляет общественной опасности в силу малозначительности.

При этом необходимо отметить, что соответствие рассматриваемого деяния признакам не основного, а квалифицированного состава, не является препятствием для признания его малозначительным. В теории уголовного права отмечается, что квалифицирующий признак состава преступления — это лишь обстоятельство, свидетельствующее о повышении общественной опасности в сравнении с основным составом [4, с. 158]. Иными словами, само по себе наличие квалифицирующего признака, в отсутствие основного состава, не может придать деянию общественную опасность, присущую пре-

[1] Независимый суицид-форум. — URL: http://www.suicide-forum.com/forum.php (дата обращения: 03.03.2022).

ступлению. Данный подход находит вое отражение и в судебной практике, где отмечается, что само по себе наличие квалифицирующих признаков не может учитываться в отрыве от других обстоятельств дела и не свидетельствует о повышении общественной опасности содеянного, исключающей малозначительность деяния[1].

Иной правовой оценке подлежат случаи предоставления лицу информации закрытого содержания — например, консультационная помощь, осуществляемая медицинским работником, о лекарственных препаратах, в результате приема которых может наступить смерть, о месте, где можно приобрести данные препараты; информирование о месте нахождения ключей от выхода на крышу высотного здания, с которого можно спрыгнуть и т. п. При равных условиях сообщение вышеуказанных фактов лицу, выразившему намерение уйти из жизни, признается преступным деянием и влечет привлечение виновного к уголовной ответственности за содействие совершению самоубийства.

Представляется, что формальная конструкция составов преступлений, предусмотренных ч.ч. 1, 2 и 3 ст. 110[1] УК РФ, не является препятствием применения к ним положений о малозначительности деяния ввиду того, что юридический факт совершения склонения к самоубийству или содействия его совершению не предопределяет вывод о наличии общественной опасности в отдельно взятом совершенном деянии. Как и во всех случаях, совершенное деяние должно быть оценено правоприменителем на предмет обладания общественной опасностью на основе анализа всех имеющихся в нем объективных и субъективных признаков.

Данный аргумент находит свое подтверждение и в судебной практике. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор Индустриального районного суда г. Барнаула, кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда и постановление президиума Алтайского краевого суда в отношении Гейдемана С. В. по эпизоду получения взятки от Т. по ч. 1 ст. 290 УК РФ и прекратила производство по делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации за отсутствием в деянии состава преступления. В мотивировочной части приговора суд указал: несмотря на то, что поведение Гейдемана С. В. формально содержит признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ, но в силу конкретных обстоятельств дела и малозначительности (исходя из размера полученного вознаграждения, добровольности его вручения Т., законного и своевременного характера действий Гейдемана С. В. по организации опознания угнанного автомобиля и передаче его собственнику), содеянное Гейдеманом С. В. не представляет общественной опасности, а потому,

[1] См., напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2015 г. № 15-УД15-1. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»; Сводный обзор законодательства и судебной практики Ивановского областного суда за I квартал 2019 г. Утв. постановлением президиума Ивановского областного суда от 26 апреля 2019 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 14.02.2022).

в соответствии со ст. 14 УК РФ, не является преступлением[1]. Аналогичные выводы можно встретить и в других судебных решениях при квалификации деяний, обладающих формальной конструкцией составов[2].

Подводя итоговую черту проведенному исследованию, следует констатировать, что отдельные положения нормы о преступной причастности к самоубийству допускают широкие пределы толкования предписаний уголовного закона о малозначительности деяния в процессе квалификации содеянного в качестве преступления. Общественная опасность отдельных фактов склонения к самоубийству и содействия его совершению нередко может не соответствовать криминальному уровню, который законодатель закладывает в соответствующие деяния, признавая их преступными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Базарова С. Малозначительность деяния // Законность. — 2009. — № 1 (891). — С. 53—57.

2. Винокуров В. Н. Признаки и пределы малозначительности деяния в уголовном праве // Современное право. — 2017. — № 6. — С. 64—70.

3. Пудовочкин Ю. Е. оценка судом общественной опасности преступления: науч.-практ. пособ. — М.: РГУП, 2019. — С. 76.

4. Стельмах В. Ю. Малозначительность деяния как частный случай отсутствия состава преступления // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 1. — С. 153—159.

REFERENCES

1. Bazarova S. The insignificance of the act // Legality 2009, no. 1 (891). pp. 53-57.

2. Vinokurov V.N., Signs and limits of insignificance of an act in criminal law // Modern law. 2017, no. 6, pp. 64-70.

3. Pudovochkin Yu.E. assessment by the court of the public danger of a crime: a scientific and practical guide. M.: RGUP, 2019, 76 p.

4. Stelmakh V.Yu. The insignificance of the act as a special case of the absence of corpus delicti // Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 1, pp. 153-159.

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2006 № 50-О06-1. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 14.02.2022).

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.10.2017 №2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года №323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»(дата обращения 14.02.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Малетина Мария Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Барнаульский юридический институт МВД России, 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Maletina Maria Alexandrovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 656038, Russia, Barnaul, st. Chkalova, 49.

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С.75 —85.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. no.2 (101). P. 75—85.

12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Научная статья
УДК: 343.9
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.92.007

О СПЕЦИФИКЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Малыхина Татьяна Анатольевна
Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, malykhina_t@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются некоторые криминологические особенности современной рецидивной преступности, раскрывается понятие криминологического рецидива и его видов. Дается анализ основных факторов, детерминирующих деформации сознания лиц, ранее совершавших преступные деяния, обусловливающие неоднократность их преступной деятельности в современных социальных условиях. Рассмотрены основные проблемы, связанные с предупреждением пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива преступлений.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует уголовное законодательство Российской Федерации, Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Методологической основой исследования послужили современные общенаучные и частнонаучные методы познания социальных явлений и процессов (диалектический, индуктивный, дедуктивный, анализ, синтез, формально-юридический, моделирование). Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, данные уголовной статистики официального сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации и Портала правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации.

Результаты исследования: автором выявлены основные причины-деформации сознания в социальной сфере лиц, совершивших преступление и осуждённых к лишению свободы, детерминирующие рецидив преступлений. Установлена необходимость повышения эффективности мер, направленных на ресоциализацию лиц, осуждённых к лишению свободы, как отбывающих наказание, так и освободившихся, главным образом путем изменения отношения к самой сущности наказания, как общества в целом, так и преступников.

© Малыхина Т. А., 2022

Выводы и заключения: на основе анализа положительного зарубежного опыта повышения эффективности мер социальной адаптации лиц, осуждённых к лишению свободы, установлена закономерность, заключающаяся в том, что чем в менее социально привычной среде находится преступник во время отбывания наказания, тем сложнее будет проходить процесс его ресоциализации после освобождения. В свою очередь, ресоциализация преступников, побывавших в местах лишения свободы, станет более успешной, если сущность наказания будет заключаться в перевоспитании осуждённых, когда сам факт его осуждения судом, а не специфика условий содержания будет восприниматься как наказание, заставляя осуждённых встать на путь исправления.

Ключевые слова: рецидив преступлений, рецидивная преступность, личность преступника, предупреждение преступлений, детерминанты рецидивной преступности, пенитенциарная преступность.

Для цитирования: Малыхина Т. А. О специфике детерминации современной рецидивной преступности в России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С. 75—85.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.92.007

12.00.08. Criminal law and criminology; penal law

Original article

ON THE SPECIFICS OF THE DETERMINATION OF MODERN RECIDIVISM IN RUSSIA

Tatyana A. Malykhina
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, malykhina_t@mail.ru

Introduction: The article discusses some of the criminological features of modern recidivism, reveals the concept of criminological recidivism and its types. An analysis is given of the main factors that determine the deformation of the consciousness of persons who have previously committed criminal acts, causing the repetition of their criminal activity in modern social conditions. The main problems associated with the prevention of penitentiary and post-penitentiary recidivism of crimes are considered.

Materials and methods: The normative basis of the study is formed by the criminal legislation of the Russian Federation, Federal Law No. 182-FZ dated June 23, 2016 “On the Basics of the Offense Prevention System in the Russian Federation”. The methodological basis of the study was modern general scientific and particular scientific methods of cognition of social phenomena and processes (dialectical, inductive, deductive, analysis, synthesis, formal legal, modeling). The empirical base of the study was the materials of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, criminal statistics data

from the official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Legal Statistics Portal of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.

The results of the study: the author identified the main causes-deformation of consciousness in the social sphere of persons who have committed a crime and sentenced to imprisonment, which determine the recurrence of crimes. The need to improve the effectiveness of measures aimed at the resocialization of persons sentenced to deprivation of liberty, both those serving sentences and those released, has been established, mainly by changing the attitude to the very essence of punishment, both of society as a whole and of criminals.

Findings and conclusions: based on the analysis of positive foreign experience in improving the effectiveness of measures of social adaptation of persons sentenced to deprivation of liberty, a regularity has been established, which consists in the fact that the less socially familiar environment the offender is in while serving his sentence, the more difficult it will be the process of his resocialization after release. In turn, the resocialization of criminals who have been in places of deprivation of liberty will be more successful if the essence of punishment consists in the re-education of convicts, when the very fact of their conviction by the court, and not the specifics of the conditions of detention, will be perceived as punishment, forcing them to embark on the path of correction.

Keywords: recidivism, recidivism, identity of the offender, crime prevention, determinants of recidivism, penitentiary crime.

For citation: Malykhina T. A. O specifike determinacii sovremennoj recidivnoj prestupnosti v Rossii [On the specifics of the determination of modern recidivism in Russia]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 75—85 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.92.007

На сегодняшний день вопросы, связанные с выявлением причин и предупреждением рецидивной преступности стоят достаточно остро. Рост организованных преступных групп и сообществ, их взаимодействие межрегионального и международного характера, увеличение количества тяжких и особо тяжких преступлений говорят об ухудшении криминогенной обстановки в нашей стране. По данным официальной статистики МВД России, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, в числе зарегистрированных, увеличился к 2021 году по сравнению с предыдущим с 27,55 % до 27,94 %. Темпы роста таких преступлений в стране прослеживаются с 2016 года. Удельный вес тяжких и особо тяжких в общем количестве всех зарегистрированных преступлений к 2021 году по сравнению с 2016 годом вырос на 6,75 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика абсолютных и относительных показателей преступности в Российской Федерации за период с 2015 по 2021 гг.[1]

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего преступлений	2388476	2160063	2058476	1991532	2024337	2044221	2004404
Тяжкие и особо тяжкие	519655	457779	437303	448174	494092	563204	560079
Удельный вес тяжких и особо тяжких в общем количестве всех зарегистрированных преступлений	21,75	21,19	21,24	22,5	24,4	27,55	27,94

Рецидивная преступность — это крайне опасное для общества и государства негативное социальное явление. Сущность рецидива преступлений говорит о высокой степени общественной опасности таких деяний, в первую очередь ввиду того, что лица, которые неоднократно совершают уголовно наказуемые деяния, решительно настроены на устойчивое отрицание и противостояние общепринятым нормам поведения. Зачастую рецидив преступлений может свидетельствовать о профессионализме преступника и его устойчивых антиобщественных установках, которые только усугубляются после отбытия им наказания.

Динамика современной рецидивной преступности в России вызывает серьезную озабоченность со стороны государства и общества, поскольку различного рода тенденции, имеющие место в различных сферах общественной жизни, зеркально отражаются на её состоянии.

Анализ статистических данных, отражающих динамику удельного веса числа выявленных лиц, ранее совершавших преступления в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления показывает, что за последние несколько лет этот показатель неуклонно растет. Таким образом, мы можем говорить о росте рецидивной преступности в нашей стране (см. табл. 2).

[1] Состояние преступности в Российской Федерации за 2015—2021 гг. [Электронный ресурс]: официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/ (дата обращения: 11.02.2022).

Таблица 2

Количество выявленных лиц, ранее совершавших преступления в Российской Федерации за период с 2015 по 2021 гг.[1]

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего выявлено лиц, совершивших преступления	1075333	1015875	967103	931107	884661	852506	848320
Выявлено лиц, ранее совершавших преступления	556914	548382	541541	525475	504416	492107	493813
Удельный вес числа выявленных лиц, ранее совершавших преступления в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления	52	54	56	56,4	57	57,7	58,2

Раскрывая криминологическую сущность рецидивной преступности, следует указать на то, что в отечественном законодательстве само её понятие не нашло своего отражения. Являясь сложным социальным явлением, рецидивная преступность всегда была предметом споров специалистов в различных областях научных знаний.

Понятие «рецидивная преступность» является криминологическим, и оно не синонимично такому уголовно-правовому понятию, как «рецидив преступлений».[2] С точки зрения криминологической науки под рецидивной преступностью понимается исторически изменчивое, относительно массовое негативное социальное явление, носящее уголовно-правовой характер и состоящее из множества преступлений, совершенных лицами, которые ранее уже совершали деяния, наказуемые уголовным законом, на определенной территории за определенный промежуток времени. Такое понятие основано на общепризнанном понятии преступности, которое можно найти в любом учебнике по криминологии.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) нет такого понятия, как «рецидивист», закон содержит лишь понятие и виды рецидива преступлений. На основании ст. 18 УК РФ можем говорить о том, что лицом, совершившим рецидив преступлений, может считаться только тот, кто уже имел судимость за ранее совершенное умышленное преступление на момент совершения им повторного умышленного преступного деяния.

[1] Состояние преступности в Российской Федерации за 2015—2021 гг. [Электронный ресурс]: официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/ (дата обращения: 11.02.2022).

[2] См. ст. 18 УК РФ.

С точки зрения криминологической науки при анализе личности преступника важно проследить причины и условия преступного поведения лица и процессы, связанные с деформациями его личности. В этом ключе криминологи оперируют термином «рецидивист», подразумевая под ним человека, который совершал преступное деяние более чем один раз, и не имеет значения для признания его таковым тот факт, был ли он осуждён за предыдущие деяния либо они остались латентными.

При криминологическом исследовании личности лица, повторно идущего на совершение преступного деяния или деяний, важно проследить механизм его индивидуального преступного поведения, механизм формирования деформаций его сознания на различных уровнях.

В этом ключе важно понять, какие условия сформировали или укрепили эти деформации сознания личности, что послужило в конечном итоге становлению лица на преступный путь.

Итак, автором выяснено, что существует рецидив криминологический и рецидив уголовно-правовой. В рамках данного пособия рецидивная преступность будет рассматриваться через призму криминологического рецидива.

Криминологический рецидив подразумевает совершение лицом повторно преступления вне зависимости от того, было ли оно осуждено за ранее совершенное преступное деяние. Характеризуя данное понятие с точки зрения таких криминологических категорий, как личность преступника и типология личности преступника, важно отметить, что рецидивист относится к таким типам личности, как «злостный» и «особо злостный».

При этом в зависимости от вида криминологического рецидива такой преступник может быть лицом, совершающим общий криминологический рецидив, либо «профессионалом» (совершающим специальный криминологический рецидив). Лица, совершающие общий криминологический рецидив, могут относиться к злостному либо особо злостному типу личности преступника. К злостному типу относятся лица, только вставшие на начальный преступный путь, совершившие более чем одно преступление и находящиеся в устойчивой негативной позиции к обществу. При этом данные преступные деяния могут быть совершенно разнородными, не схожими никакими уголовно-правовыми или криминологическими признаками, спонтанными, без заранее обдуманного умысла. К особо злостному типу относятся лица, которые совершают общий криминологический рецидив, совершающие несколько преступлений различного характера (по объекту, мотивации, характеру и степени общественной опасности) и находящиеся в устойчивой негативной позиции к обществу. При этом преступная деятельность для них является нормой и неотъемлемой частью их жизни, они устойчиво и осмысленно встают на преступный путь. Лица, относящиеся к такому типу личности, нередко становятся так называемыми профессиональными преступниками, регулярно поддерживая и повышая уровень своей преступной квалификации и профессионализма.

Нередко «особо злостные рецидивисты», имеющие длительный стаж преступной деятельности, переходят в разряд пресловутых профессиональных преступников. К «преступникам-профессионалам», совершающим специальный криминологический рецидив, относятся лица, совершающие несколько преступлений, как правило, одно-

родного характера (по объекту, мотивации, характеру и степени общественной опасности) и находящиеся в устойчивой негативной позиции к обществу. При этом преступная деятельность для них является своего рода «профессией», основным источником дохода. Они могут являться членами и лидерами организованных преступных групп и сообществ. Такая категория лиц обладает наиболее высокой степенью общественной опасности, поскольку имеет наиболее стойкую антиобщественную установку, твердо следуя традициям криминального мира. При этом интересно указать на следующий факт: преступник-рецидивист не всегда является профессионалом, в то время как профессиональный преступник — это всегда рецидивист с точки зрения криминологической науки. Профессионального преступника и профессиональную преступность в целом характеризуют такие особенности, как длительность и устойчивость преступной деятельности, наличие «профессионализма» в определенной криминальной сфере, криминальная «специализация» (на определенном виде преступной деятельности), приверженность традициям и обычаям преступного мира, наличие криминальных связей и др. [1, с. 622].

При криминологической характеристике рецидива преступлений очень важно тщательное изучение и анализ всех его признаков, которые выступают критериями классификации.

В научной литературе исследователи выделяют такие виды криминологического рецидива:

— общий и специальный,

— однократный и многоразовый,

— пенитенциарный и постпенитенциарный [2, с. 51].

Под общим рецидивом в криминологии принято понимать совершение лицом преступных деяний разнородного характера, предусмотренными различными нормами УК РФ. В случае же специального рецидива, лицо совершает несколько однородных по характеру, мотиву, объекту посягательства уголовно наказуемых деяний, что нередко является признаком его профессионализма в криминальном плане.

При однократном рецидиве имеет место одноразовый повтор лицом преступного поведения. При многократном — преступление лицо совершает вновь более чем один раз.

Под пенитенциарным рецидивом подразумевается совершение двух и более преступлений, за каждое из которых лицу было назначено наказание в виде лишения свободы [3, с. 54]. Данный вид рецидива проявляется непосредственно в местах лишения свободы. При постпенитенциарном рецидиве — лицо вновь совершает новое преступление преступления уже после отбытия им наказания в виде лишения свободы [2, с. 51].

Итак, рецидивная преступность обладает наибольшей степенью общественной опасности, поскольку наличие рецидива преступлений говорит в первую очередь о том, что лицо, умышленно совершившее преступление повторно, осознанно идет на нарушение уголовного закона, проявляя устойчивое противоправное поведение. Всё это свидетельствует о наличии у рецидивиста устойчивых деформаций общественного сознания, которые, в свою очередь, формируются под воздействием социальных деформаций в обществе [4, с. 20—24]. Соответственно, от выявления таких

социальных деформаций и своевременности превентивного воздействия на них напрямую зависит эффективность предупреждения рецидивной преступности. Таким образом, можем говорить о том, что теория и практика предупреждения рецидивной преступности основываются на выявлении и нейтрализации причин и условий факторов, её детерминирующих.

Как было отмечено выше, основными факторами, способствующими развитию рассматриваемого вида преступности, выступают деформации общественной психологии на различных уровнях, в различных сферах жизни общества [5, с. 43].

Говоря о таком специфическом виде преступности как рецидивная, стоит отметить, что речь лицах, совершающих преступные уголовно наказуемые деяния, которые, по какой-то причине повторно, а в некоторых случаях неоднократно, умышленно преступают уголовный закон.

В этой связи важно обратить внимание на то, что рецидивисты могут являться латентными, либо быть реальными осуждёнными. Последние же, в свою очередь, могут быть осуждены условно либо им может быть назначено наказание, связанное реальным лишением свободы.

От латентных преступников лиц, реально отбывающих или отбывших наказание, отличают два основных фактора: это наличие и судимости необходимость ресоциализации. Понятие ресоциализации содержится в ст. 25 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[1].

Говоря о детерминации рецидивной преступности в нашей стране, в первую очередь следует отметить, что лица, побывавшие в местах лишения свободы, отбывшие наказание и имеющие судимость, и даже те, чья судимость была снята или погашена, в нашем обществе редко легко и беспрепятственно становятся полноценными его членами. Колоссальная социальная разница между особенностями той микросреды, которая существует в местах отбывания наказания, и социальной средой, в которой они существовали до того, как были привлечены к уголовной ответственности, делает порой невозможным для них процесс ресоциализации, что нередко обусловливает их повторное преступное поведение. Представляется, что это является одной из основных причин роста рецидивной преступности в нашей стране.

Обращаясь к опыту некоторых зарубежных стран (например, Норвегии, Канады), можно отметить, что процесс ресоциализации наиболее эффективен в случае, когда осуждённый, попадая в места заключения, не лишается всех привычных социальных условий, в которых он существовал до осуждения. Лишение свободы как вид наказания, безусловно, подразумевает лишение свободного времени, свободы выбора, оно само по себе и есть наказание.

---

[1] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: федерал. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ « [Электронный ресурс]: электронные данные. Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы Консультант Плюс: Высшая школа. 2022. Режим доступа: http//www.consultant.ru. (дата обращения: 27.04.2022).

Например, в Норвегии основная задача тюремного заключения сводится не к запугиванию осуждённых суровыми условиями отбывания наказания, а к оказанию преступнику различного рода социальной помощи с целью его дальней успешной адаптации после освобождения [6, с. 331].

Согласно исследованиям, в Королевстве Норвегия, где осуждённые находятся в социально привычной для них среде в период отбывания наказания, лишь каждый пятый преступник вновь попадает в места лишения свободы. Там осуждённые жестко не ограничены в правах, они находятся в камерах, похожих на гостиничные номера эконом-класса, носят привычную для них одежду, занимаются спортом, имеют возможность работать и совершать покупки в магазинах ка обычные граждане. Всё это, как показывает положительный опыт Норвегии, создавая благоприятную почву для дальнейшей социальной реабилитации осужденных, приводит к снижению уровня рецидивной преступности в стране. Там права заключенных сохраняются в значительном объеме в условиях ограничения тюрьмы, с ними обращаются достойно, а потому они похожи на обычных людей, жителей закрытого города: носят простую одежду вместо униформы, у них личные комнаты вместо в общежитии. Каждому выдается ключ от собственной камеры, в которую надзиратель не может войти без согласия — все эти условия подготавливают почву для последующей реабилитации [6; 7].

По данным исследований в Норвегии при численности население в 5,084 миллиона человек, в местах лишения свободы пребывают чуть более 4 тысяч человек, при этом уровень рецидивной преступности составляет всего 20 %. Основной же контингент заключенных составляют эмигранты (из России, Украины, стран Прибалтики). Их удельный вес около 80 % от общего количества заключенных. В данном случае, безусловно, речь не идет о том, в России для снижения уровня рецидивной преступности необходимо кардинально и резко поменять условия отбывания наказания для осуждённых. Необходимо понимать, что следует постепенно менять саму сущность наказания, через воздействие на сознание преступников, а также формирование действенных инструментов его адаптации в обществе после освобождения. Так, в скандинавских странах существует понимание того, что нахождение лица в изоляции от общества — это уже есть наказание, и от того, что за период его отбывания оно будет находиться в жестоких для него условиях, его исправление не станет эффективным. В Норвегии, например, суть наказания заключается в том, чтобы вернуть человека обратно в общество, чтобы он не причинил ему больше вреда. Как полагают исследователи [8, с. 120], такому пониманию самой сущности уголовного наказания, за нарушение уголовного закона в Норвегии, способствовало гражданское общество скандинавских стран, готовое принимать активное участие в работе исправительных учреждений. Именно такое отношение общества к преступникам, как к людям «оступившимся» позволило выработать, как показывает практика, эффективную пенитенциарную политику. Каждую из тюрем страны, регулярно посещают 5—6 общественных организаций. Функции общественного контроля соблюдения прав осуждённых, возложены на «надзирательные советы». [8, с. 120].

Помимо этого, нельзя не отметить тесную связь преступности несовершеннолетних и рецидивной преступности. Если в несовершеннолетнем возрасте лицо пре-

ступает уголовный закон, и его наказание связано с лишением свободы, оно попадает в специфическую асоциальную среду, имея при этом несформировавшуюся психику и жизненные установки. Эти обстоятельства способствуют деформациям сознания подростка, что обусловливает в подавляющем большинстве случаев формирование у него негативных социальных установок и повторное криминальное поведение в дальнейшем. В связи с этим представляется крайне важным при принятии решения о назначении наказания несовершеннолетним преступникам отдавать приоритет мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества [9, с. 81].

Таким образом, при реализации мер предупреждения рецидивной преступности важно учитывать то, что, социальная адаптация осуждённых происходит наиболее эффективно, если суть уголовного наказания заключается не в том, чтобы наказать преступника помещая в жесткие условия, оторванные от привычной социальной жизни, а в том чтобы перевоспитать его, когда сам факт его осуждения судом, а не специфика условий содержания воспринимался как наказание, заставляя встать на путь исправления, не совершать новых преступлений при возвращении к привычной жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. — М.: Норма: Инфра-М, 2010. — 800 с.

2. Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А.Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) / Ф. Р. Хисамутдинов, А. Е. Шалагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. — № 4 (18). — 2014. — С. 50—55.

3. Зотов Е. П. Актуальные проблемы борьбы с рецидивной преступностью: курс лек. / Е. П. Зотов, А. В. Майоров. — М.: ЦОКР МВД России, 2010. — 120 с.

4. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. — М., 1984. — 245 с.

5. Довгополая Т. А. Бытовое мошенничество: виктимологическая характеристика и предупреждение: моногр. — Т. А. Довгополая, А. Л. Репецкая. — Иркутск: ВСИ МВД России, 2010. — 139 с.

6. Ильина С. Е. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы женщин в России и за рубежом. // Бюллетень науки и практики. — Т. 6. — № 11. — 2020. — С. 327—338.

7. Радочина Т. Н. Профилактика преступлений несовершеннолетних (опыт Норвегии) // Человек: преступление и наказание. — 2012. — № 1 (76). — С. 78—80.

8. Кузьмина Д. Н. Гуманизация отбывания наказания: Россия и скандинавские страны // Вестник магистратуры. — 2015. — № 8 (47). — С. 120—122.

9. Рогова Е. В. Ранняя профилактика преступности несовершеннолетних: сущность, меры и субъекты / Е. В. Рогова, М. К. Гайдай // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — № 4 (91). — 2019. — С. 78—87.

REFERENCE

1. Criminology: textbook / edited by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminova. M.: Norm: Infra-M, 2010. 800 p. 5. Kuznetsova N.F. Problems of criminological determination. — M., 1984. 245 p.

2. Khisamutdinov F.R., Shalagin A.E. Features of the prevention of professional and recidivist crime (history and modernity) // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 4 (18) 2014. pp. 50-55.

3. Zotov E.P., Mayorov A.V. Actual problems of combating recidivism: a course of lectures. Moscow: Central Research Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 120 p .

4. Kuznetsova N. F. Problems of criminological determination. M., 1984. 245 p.

5. Dovgopolaya T.A., Repetskaya A.L. Domestic fraud: victimological characteristics and prevention: monograph. Ir-Kutsk: VSI of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. 139 p.

6. Ilyina S. E. Problems of re-socialization of women sentenced to imprisonment in Russia and abroad. // Bulletin of Science and Practice. Vol. 6. No.11. 2020. pp. 327-338.

7. Radochina T.N. Prevention of crimes of imperfect-year-olds (Norwegian experience) // Man: crime and punishment. 2012. No. 1 (76). pp. 78-80;

8. Kuzmina D.N. Humanization of serving a sentence: Russia and the Scandinavian countries // Bulletin of the Magistracy. 2015. No.8(47) pp. 120-122.

9. Rogova E.V., Gaidai M.K. Early prevention of juvenile delinquency: essence, measures and subject. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, vol. № 4 (91), 2019, pp. 78—87.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малыхина Татьяна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664017, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0002-2029-6924

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malykhina Tatiana Anatolyevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, 110, Lermontov str., Irkutsk, 664017, Russia.
ORCID: 0000-0002-2029-6924

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 86— 105.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. (2). P. 86—105.

12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Научная статья
УДК 343.352.4
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.49.67.008

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ДАЧЕЙ И ПОЛУЧЕНИЕМ ВЗЯТКИ И ИНЫМИ ВИДАМИ НЕЗАКОННОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

Никонов Павел Владимирович
Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Российская Федерация, Иркутск, Nikonov_PV@mail.ru

Введение: рост числа коррупционных преступлений угрожает не только государственному управлению, но и снижает эффективность экономики и иных социальных институтов, что особенно опасно в условиях возрастающей геополитической конкуренции и интеграции государств. Россия, наряду с другими странами, активно борется с коррупцией, причем основная часть мер сосредоточена в области уголовно-правовой политики. Принимаемые на законодательном уровне нормы постоянно трансформируются, совершенствуются, законодатель находится в активном поиске оптимальных механизмов борьбы с коррупционными преступлениями, связанными с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения. В целях обеспечения преемственности законодательного процесса, выявления оптимальных способов борьбы с коррупцией требуется тщательный анализ всего законодательного процесса.

Материалы и методы: основу исследования составило законодательство Российской Федерации, научные исследования в области противодействия коррупции. Методологической основой исследования выступил общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, познавательные методы и приемы анализа, сравнения, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили определить основные закономерности развития антикоррупционного законодательства, определить эффективность принимаемых норм, установить конкретные правоприменительные проблемы, сформулировать предложения по их преодолению.

Выводы и заключения: сформулированы конкретные выводы относительно состояния уголовно-правовой политики в сфере противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения (законотворческий аспект), предложены критерии их криминализации.

© Никонов П. В., 2022

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, коррупционные преступления, уголовная политика, криминализация.

Для цитирования: Никонов П. В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения (законотворческий аспект) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2(101). — С. 86—105.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.49.67.008

12.00.08. Criminal law and criminology; penal law

Original article

CRIMINAL LEGAL POLICY IN THE FIELD OF COUNTERACTION TO CORRUPTION CRIMES RELATED TO GIVING AND RECEIVING BRIBE AND OTHER TYPES OF ILLEGAL REMUNERATION (LEGISLATIVE ASPECT)

Pavel V. Nikonov

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor's Office of the Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk, Nikonov_PV@mail.ru

Introduction: the growth in the number of corruption crimes threatens not only public administration, but also reduces the efficiency of the economy and other social institutions, which is especially dangerous in the context of growing geopolitical competition and integration of states. Russia, along with other countries, is actively fighting corruption, with the main part of the measures being concentrated in the field of criminal law policy. The norms adopted at the legislative level are constantly being transformed, improved, the legislator is actively searching for optimal mechanisms for combating corruption crimes related to giving and receiving bribes and other types of illegal remuneration. In order to ensure the continuity of the legislative process, to identify the best ways to combat corruption, a thorough analysis of the entire legislative process is required.

Materials and methods: the basis of the study was the legislation of the Russian Federation, scientific research in the field of criminal law protection of forests from fires. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as methods of logical deduction, cognitive methods and techniques of analysis, comparison, generalization and description.

The results of the study made it possible to determine the main patterns of development of anti-corruption legislation, determine the effectiveness of the adopted norms, identify specific law enforcement problems, and formulate proposals for overcoming.

Findings and conclusions: specific conclusions were formulated regarding the state of criminal law policy in the field of combating corruption crimes related to giving and receiving bribes and other types of illegal remuneration (legislative aspect), to propose criteria for criminalization.

Keywords: corruption, bribery, corruption crimes, criminal policy, criminalization.

For citation: Nikonov P. V. Ugolovno-pravovaja politika v sfere protivodejstvija korrupcionnym prestuplenijam, svjazannym s dachej i polucheniem vzjatki i inymi vidami nezakonnogo voznagrazhdenija (zakonotvorcheskij aspekt) [Criminal legal policy in the field of counteraction to corruption crimes related to giving and receiving bribe and other types of illegal remuneration (legislative aspect)]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 98—105 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.49.67.008

Противодействие преступности представляет собой одно из наиболее значимых направлений деятельности государства, реализуемой в рамках его уголовной политики. Уголовная политика, являясь частью государственной политики, и сама включает в себя отдельные составляющие, которые соответствуют структуре преступности: борьба с организованной, коррупционной преступностью, с посягательствами на личность и т. д. Вопросам уголовной политики в настоящее время посвящено множество научных исследований, однако единого подхода относительно того, что следует включать в содержание данного понятия, в доктрине уголовного права так и не выработано.

В настоящее время в науке наметилось несколько подходов к пониманию уголовной политики государства. Согласно первому подходу, понятие «уголовная политика государства» рассматривается в широком смысле, где понятие «уголовно-правовая политика государства» является частью первого. По мнению сторонников данного подхода, уголовная политика государства охватывает всю деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также общественных объединений и граждан по борьбе с преступностью и устранению её негативных последствий. При этом для достижения указанных целей, по мнению А. А. Герцензона, может быть использован инструментарий как правового, так и иного происхождения (экологические, медицинские, экономические меры) [1, с. 176]. Данный подход нашел свое частичное отражение в дефиниции, сформулированной Н. А. Беляевым, который под уголовной политикой понимает «основанное на объективных законах развития общества направление деятельности государственных и общественных органов и организаций по охране интересов граждан от преступных посягательств путем применения наказания или заменяющих наказание мер административного или общественного воздействия к лицам, их совершившим, а также путем предупреждения преступлений при помощи угрозы применения наказания» [2, с. 15].

Сторонники второго подхода исходят из того, что в целях борьбы с преступностью может использоваться только инструментарий правового характера и только уполномоченными на то правоохранительными органами. При этом приоритетным является использование правовых средств, нашедших закрепление в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве [3]. Таким образом, содержание уголовной политики включает политику уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, политику в сфере профилактики преступ-

ности, политику уголовно-тактическую, пенитенциарную, уголовно-профилактическую, криминалистическую, оперативно-розыскную и др. [4]. Категории «уголовно-правовая политика» и «уголовная политика государства» в данном случае также соотносятся между собой как часть и целое и не рассматриваются в качестве равнозначных. В рамки данного подхода вписывается определение уголовной политики, данное А. И. Коробеевым, согласно которому «уголовная политика есть выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, регулирования практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений» [5, с. 16].

Наконец, приверженцы третьего подхода рассматривают уголовную политику государства в узком смысле. Следовательно, речь идет в большей степени не об уголовной, а именно об уголовно-правовой политике государства, так как сторонниками данного подхода рассматриваются только средства борьбы с преступностью, нашедшие свое непосредственное отражение в уголовном законе. Понятия «уголовная политика государства» и «уголовно-правовая политика государства» при таком подходе отождествляются друг с другом. К выводу о том, что понятия «уголовная политика» и «уголовно-правовая политика» тождественны друг другу, приходит и Н. А. Лопашенко, которая пишет: «уголовная политика ничем не отличается от политики уголовно-правовой; уголовно-правовая политика не включает в себя политику уголовно-процессуальную или уголовно-исполнительную» [6, с. 266].

Отдавая предпочтению второму подходу, полагаем необходимым поддержать позицию А. И. Коробеева и в части определения уголовно-правовой политики как той части уголовной политики, которая «вырабатывает основные задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействия на преступность, а также средства их достижения, и выражается в директивных документах, нормах уголовного права, актах толкования норм и практике их применения» [5, с. 19].

Одной из составляющих уголовно-правовой политики является правотворчество или законотворчество, которое базируется на обнаружении тех негативных социальных явлений, борьба с которыми возможна уголовно-правовыми средствами при наличии объективной потребности общества в уголовно-правовом регулировании. Главным направлением модернизации антикоррупционного законодательства выступают меры по профилактике коррупции.

Уголовно-правовые нормы социально обусловлены. Уголовно-правовой запрет — это следствие отражения реальных потребностей общества в уголовном законе. Поэтому задачей законодателя является адекватная реакция на изменения в системе и структуре общественных отношений для того, чтобы взять под уголовно-правовую охрану наиболее ценные и значимые из них.

Безусловно, содержание уголовно-правовой политики сводится не только к законотворческой деятельности, в нее входит и деятельность правоприменительная. Однако эффектность и качество правоприменительной деятельности зависит от качества

уголовного закона. Поэтому полагаем необходимым остановиться именно на законотворческом аспекте уголовно-правовой политики в сфере противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения.

Уголовно-правовая политика в сфере противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, т. е. её правотворческая составляющая, представляет собой совершенствование законодательных мер по противодействию данному виду преступлений. Исследование показало, что такая политика в своем эволюционном развитии прошла несколько этапов. При этом каждому этапу свойственны специфические черты, ставшие детерминантами для нового витка законотворчества.

Возникновению правового регулирования уголовной ответственности за коррупционные преступления, связанные с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, предшествовала многовековая история формирования и развития этого механизма. На ранней стадии становления российской государственности сама идея криминализации рассматриваемого вида коррупционного поведения по объективным причинам не рассматривалась и не обсуждалась.

Государственная власть, не имея достаточных средств на содержание своих наместников и их аппарата на местах, предоставляла им возможность кормиться за счет подвластного населения. Система кормления предусматривала собой материальное обеспечение представителей государственной власти за счет общины по нормам, установленным главой государства [7, с. 205—217, 476—491].

Отсутствие возможности со стороны центральной власти материально обеспечивать деятельность служащих создавало устойчивые предпосылки существования этого явления и такой его составляющей, как посул. Именно с данным понятием связано представление о подкупе, который изначально не обладал свойствами негативного явления. Посул представляет собой термин, который имел несколько значений в русском языке. К их числу относятся и обещанная плата, выкуп, пошлина, взятка [8, с. 178]. При этом под ним в широком смысле слова понималось вознаграждение, из которого в последующем выделились запрещенные законом взятка и другие виды подкупа. В древние времена посул выступал нормальным элементом общественных отношений, его наличие обеспечивало возможность содержания чиновничьего аппарата на местах и дополнительно способствовало пополнению казны, а его существование, соответственно, рассматривалось как естественное явление. Именно в связи с данным обстоятельством, как нам представляется, в Русской Правде, первом русском законодательном сборнике, не содержалось норм, направленных на борьбу с посулами.

Вместе с тем поступательное развитие общества вносило закономерные изменения в процесс регулирования общественных отношений. Посул, изначально выступающий в общественных отношениях в качестве законно установленной, во всяком случае не воспрещаемой государственной властью, пошлины, обещанной платы, выкупа [9, с. 168; 10, с. 81] приобретает черты незаконного вознаграждения.

Впервые в Судебнике 1550 г., как нормативном акте, имеющем всеобщее государственное значение, получение посула и посредничество в его получении, рассматривалось как преступление в собственном смысле, поскольку было запрещено под угрозой наказания, которое, ранее, несмотря на установленные законодательные запреты совершать такие действия, не предусматривалось [11, с. 118—119].

Вместе с тем существенным недостатком Судебника 1550 г. явилось отсутствие наказания за дачу посулов, статья 99 которого повторяла аналогичный запрет, ранее закрепленный в статье 67 Судебника 1497 г. Ненаказуемость запрещенного законом поведения явно свидетельствовала о непоследовательном подходе законодателя к правовому регулированию подкупа.

Таким образом, к 1550 г. в России были сформированы нормативные предпосылки правовой регламентации ответственности за коррупционные преступления, связанные с дачей, получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения. Это подтверждается наличием комплекса норм, регулирующих ответственность не только служащих за нарушение ими установленного запрета на получение подкупа, но и оказание посреднических услуг недельщиком в виде просьбы и получения посула в интересах судей [11, с. 118—119].

Утверждение централизованной власти требовало совершенствования законодательства, способного её защитить и сохранить. Охранительная задача решалась посредством сохранения с одновременным расширением пределов ответственности и усиления наказания за подкуп (первичной разновидностью которого выступала взятка), создания и укрепления публичных начал в деятельности служащих.

Первый этап становления современного законодательства в области противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, связан с принятием и ратификацией международных обязательств и договоров (прежде всего Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. (ETS N 173, Заключена в г. Страсбурге 27.01.1999, с изм. от 15.05.2003)[1], Конвенции ООН против коррупции 2003 г.). Имплементация антикоррупционных норм международного права в национальное уголовное законодательство нашло свое отражение в дополнении примечания к ст. 285 УК РФ пунктом 5, в котором содержалось определение иностранного должностного лица и должностного лица публичной международной организации признаваемых субъектами преступлений главы 30 УК РФ.

В Российской Федерации к моменту вступления в законную силу УК РФ 1996 г. уже были приняты многочисленные антикоррупционные нормативные правовые акты. Однако наблюдается различный подход законодателя к оценке коррупционных преступлений с точки зрения их общественной опасности и назначения мер наказания за их совершение.

[1] Об уголовной ответственности за коррупцию: конвенция от 27 янв. 1999 г. // СЗ РФ. — 2009. — № 20. — Ст. 2394.

Данный период отмечается либеральностью уголовного законодательства в области противодействия взяточничеству и другим видам незаконного вознаграждения, в сравнении с его современным состоянием, которая проявлялась в закреплении более мягких видов наказаний даже за совершение квалифицированных составов. Так, в УК РФ 1996 г. за получение взятки при наличии особо квалифицирующих признаков (ч. 4 ст. 290 УК РФ) назначалось наказание от семи до двенадцати лишения свободы с конфискацией имущества либо без таковой, которая в последующем была заменена на штраф, а за дачу взятки при наличии квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 291 УК РФ) было установлено максимальное наказание в виде штрафа или лишения свободы до восьми лет.

Ответственность за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов ст. 184 УК РФ) была еще мягче, не говоря о других преступлениях, предусматривающих ответственность только за дачу подкупа (п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 1 ст. 141^1, ч. 2 ст. 142, 183, 309 УК РФ).

Кроме этого уголовный закон в первоначальной редакции не содержал специальной нормы, устанавливающей ответственность за посредничество во взяточничестве, как и в коммерческом подкупе и подкупе участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов. Судебная практика оценивала это общественно опасное деяние с позиции соучастия в совершении указанных преступлений (пособничество в получении или пособничество в даче в зависимости от того в чьих интересах и по чьей инициативе действовал пособник).

С 2007 г. наблюдается дальнейшее совершенствование отечественного законодательства в области противодействия коррупционным преступлениям путем принятия значительного количества правовых актов: стратегии, концепции, законы, указы президента, приказы различных министерств и ведомств.

Очевидно, что побороть одномоментно или в ближайшей перспективе такую «тяжелую болезнь», какой является коррупция, чрезвычайно сложно даже радикальными средствами. Поэтому в качестве перспективной цели государства было определено существенное снижение её уровня. Указом Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции»[1] был образован Совет по противодействию коррупции, одной из задач которого стало создание проекта Национального плана противодействия коррупции.

Национальный план противодействия коррупции на 2010—2011 гг. был утвержден Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 г.[2] и включал в себя меры по законодательному обеспечению противодействия коррупции, меры по совершенствова-

[1] СЗ РФ. 2008. № 21. Ст. 2429.

[2] СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1875. См. также: Указ Президента Российской Федерации от 13 марта 2012 г. «О национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» // СЗ РФ. 2012. № 12. Ст. 1391.

нию государственного управления в целях предупреждения коррупции и меры по повышению профессионального уровня юридических кадров и правовому просвещению.

Затем, 19 декабря 2008 г., Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принят и 25 декабря 2008 г. подписан Президентом Российской Федерации Федеральный закон «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ, установивший основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

В утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 Национальной стратегии противодействия коррупции[1] было обращено внимание на необходимость повышения денежного содержания и пенсионного обеспечения государственных и муниципальных служащих; расширения системы правового просвещения населения; модернизации гражданского законодательства; дальнейшего развития правовой основы противодействия коррупции.

С 2011 г. можно выделить второй этап, который был ознаменован принятием многочисленных законов, внесших существенные коррективы в регламентацию уголовной ответственности за коррупционные преступления. В данный период была значительно дифференцирована ответственность за указанные формы противоправного поведения, а именно:

1) установлен значительный (в сумме свыше 25 тыс. руб.) и особо крупный (в сумме свыше 1 млн руб.) размеры получения взятки;

2) дифференцирована ответственность за дачу взятки в зависимости от её размера на значительный, крупный и особо крупный;

3) установлена ответственность за совершение деяния группой лиц по предварительному сговору и организованной группой в ст. 291 УК РФ;

4) основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные примечаниями к ст. 184 (Федеральный закон от 23.07.2013 № 198-ФЗ[2]), ст. 204 и ст. 291 УК РФ (Федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ[3]), т.е. в разное время, но однотипно, изменены в сторону их ужесточения за счет введения дополнительных требований, предъявляемых к посткриминальному поведению подкуподателя и взяткодателя;

5) иностранные должностные лица и должностные лица публичной международной организации были включены в число субъектов ст. 290 и ст. 291 УК РФ, одновременно с этим пункт 5 примечания к ст. 285 УК РФ утратил силу;

---

[1] Российская газета. 2010. 15 апреля.

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований: федер. закон от 23.07.2013 № 198-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 30 (часть I). Ст. 4031.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федерал. закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 19 ст. 2714.

6) закреплен порядок исчисления штрафа за взяточничество и коммерческий подкуп в величине, кратной стоимости предмета взятки и коммерческого подкупа. Однако хотелось бы отметить, что уголовно-правовое значение и определение эффективности данного вида наказания является предметом самостоятельного исследования;

7) введена глава 15 «Конфискация имущества» УК РФ, распространяющая свое действие на некоторые составы коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения;

8) криминализирована норма, устанавливающая ответственность за посредничество во взяточничестве совершенное в значительном размере с дифференциацией ответственности в зависимости от определенных обстоятельств (ст. 291^1 УК РФ), в качестве самостоятельного уголовно-наказуемого деяния (Федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ). Позже, также была введена ответственность за посредничество в совершении деяний, предусмотренных частями 1—4 ст. 184 УК РФ в значительном размере, но в качестве квалифицирующего признака (Федеральный закон от 23.07.2013 № 198-ФЗ).

Новеллой уголовного законодательства в рамках противодействия коррупционной преступности явилась норма, закрепляющая ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, установленная Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ.

Однако признать этот уголовно-правовой запрет совершенно новым невозможно, ранее уже существовали предпосылки его возникновения, чуть более ста лет назад в России существовал подобного рода состав противоправного деяния в форме взяточничества на стадиях обещания и предложения. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ст. 372—382 глава VI «О мздоимстве и лихоимстве» раздел V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» признавало взяточничество оконченным преступлением в тот момент, когда «деньги, вещи и иные блага были только обещаны чиновнику как посулы» при условии, что чиновник выполнил ожидаемые от него действия [12, с. 93—100]. В указанных статьях преступлениями признавались случаи, когда деньги, вещи и иные блага были только обещаны чиновнику как посулы, однако в таком случае учитывалось, «последовало ли в деле послабление закона» именно в результате взятки либо она не являлась «побуждением к тому»; сумма подаренных или обещанных денег, вещей и иных благ была незначительной; взятки переданы чиновнику не прямо, а через посредника под предлогом какой-либо мнимозаконной и благовидной сделки (под предлогом проигрыша, продажи, мены и проч.) [13, с. 425—427, 479—481]. В Уголовном уложении 1903 г. законодателем была выделена уже одна норма об ответственности за подкуп присяжных заседателей (в том числе состоящих в списке запасных), содержащая указание на «принятие предложенной» ему (или им) взятки в качестве оконченного состава преступления (ст. 659)[1].

В ч. 5 ст. 291^1 УК РФ законодатель предусмотрел запрет на обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Однако, как показало исследование указан-

[1] См.: Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. — СПб., 1903. — С. 65—66, 266—268.

ных законодательных новаций, отдельные положения УК РФ были сформулированы с нарушением юридико-технических правил, вступили в противоречие с положениями Общей части УК РФ, в связи с чем породили многочисленные проблемы практического характера. Устанавливая ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, законодатель не связывает указанные деяния с размером так, как это сделано в ч. 1 ст. 291^1 УК РФ. Таким образом, деяния, указанные в ч. 5 ст. 291^1 УК РФ, признаются преступлением вне зависимости от предлагаемой к даче суммы.

Кроме этого, законодатель по не совсем понятной причине сделал крен в сторону существенного усиления ответственности за дачу взятки в рамках ст. 291 УК РФ, которая уже включала пять частей. При этом санкция ч. 5 ст. 291 УК РФ за дачу взятки в особо крупном размере устанавливала наказание в виде лишения свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере семидесятикратной суммы взятки.

Третий этап (с 2016—2017 гг.) связан с трансформацией уголовного законодательства в сфере противодействия коррупции, на которую оказало значительное влияние издание указов Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»[1], от 2 апреля 2013 г. № 310 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходов»[2]; от 1 апреля 2016 г. № 147 «О национальном плане противодействия коррупции на 2016—2017 годы»[3].

В связи с изданием правовых актов законодатель, воплощая цели уголовной политики на современном этапе развития государства, усиливает ответственность для коррупционеров. Так, Федеральным законом № 324-ФЗ от 3 июля 2016 г. УК РФ был дополнен ст. 204^1, 204^2 и 291^2, предусматривающими ответственность за посредничество в коммерческом подкупе совершенное в значительном размере (в сумме свыше 25 тыс. рублей), мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество, при котором сумма подкупа или взятки составляет не более десяти тысяч рублей. При этом ответственность в ст. 204 УК РФ была дифференцирована в зависимости от размера подкупа на значительный, крупный и особо крупный по аналогии со взяточничеством, но позже на несколько лет.

Стоит обратить внимание на то, что необходимость установления ответственности за мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп возникала до момента их криминализации в национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы[4]. В указанном документе термин «бытовая коррупция» определялся как «коррупционные нарушения, с которыми граждане встречаются наиболее часто».

---

[1] СЗ РФ. 2013. №14. Ст. 1670.

[2] СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1671.

[3] СЗ РФ. 2016. № 14. Ст. 1985.

[4] О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы: указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1875.

В пояснительной записке к проекту федерального закона отмечалось, что в 2012—2015 гг. подавляющее большинство уголовных дел по фактам коммерческого подкупа, дачи или получения взятки возбуждалось при сумме менее десяти тысяч рублей. Именно поэтому предлагалось принять во внимание небольшую общественную опасность подобных преступлений и принять во внимание необходимость реализации принципа справедливости при назначении уголовного наказания за эти деяния. При этом предлагалось в санкциях данной статьи установить более мягкое наказание, чем предусмотрено санкциями ч. 1 ст. 204, ч. 1 ст. 290 и ч. 1 ст. 291 УК РФ[1].

Установление ответственности за уголовно наказуемые деяния коррупционной направленности в размере до десяти тысяч рублей является логичным законодательным решением, соответствующим духу изменений, ранее вносимых в ст.ст. 204, 290, 291 УК РФ, в соответствии с которыми значительный, крупный и особо крупный размеры взяток или подкупа были предусмотрены в качестве квалифицирующих признаков.

Четвертый этап (2017—2019 гг.) связан с разработкой концепции и совершенствованием законодательства согласно Национальному плану противодействия коррупции на 2018—2020 годы[2].

Согласно стратегии органов прокуратуры по противодействию коррупции усилен прокурорский надзор за исполнением законодательства о государственной и муниципальной службе.

Кроме этого, продолжилось совершенствование уголовного законодательства в области противодействия указанным преступлениям. Так, 4 мая 2018 г. вступили в силу внесенные Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ[3] в УК РФ и УПК РФ поправки, направленные на усиление ответственности за нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, в связи с которыми был криминализирован состав преступления, предусмотренный ст. 200[5] УК РФ. Норма сконструирована достаточно схоже со ст. 204 УК РФ и устанавливает ответственность за два встречных деяния: незаконную передачу предмета подкупа и незаконное его получение представителями заказчика, предусматривая, по аналогии со взяточничеством и коммерческим подкупом, в качестве альтернативного наказания штраф в величине, кратной стоимости предмета подкупа.

Пятый этап (с 2020 г. по настоящее время) связан с продолжающейся криминализацией составов коррупционных преступлений и внесением изменений в действующие уголовно-правовые нормы, связанные с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения. Федеральным законом от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ введена ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи), установленная ст. 200[7] УК

---

[1] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/51981 (дата обращения 07.06.2018).

[2] О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы: указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 // СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 4038.

[3] СЗ РФ. 2018. № 18. Ст. 2569.

РФ, которая также, предусматривает, в качестве альтернативного наказания штраф в величине, кратной стоимости предмета подкупа[1]. Федеральным законом от 24.02.2021 № 16-ФЗ содержащиеся в пунктах 1 примечаний к ст. 201 и ст. 285 УК РФ нормативные определения лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации и должностного лица, видоизменились[2]. В связи с чем субъектный состав указанных преступлений и связанные с этим основания привлечения к уголовной ответственности за их совершение закономерно претерпели изменения.

Важно отметить, что в 2021 г. Указом Президента Российской Федерации был утвержден новый план противодействия коррупции на 2021—2024 годы[3].

Как видно из приведенной выше периодизации этапов эволюции уголовно-правовой политики по противодействию коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, она происходила неравномерно, местами «скачкообразно», но вместе с тем была обусловлена целой совокупностью факторов. К таким можно отнести принятие Российской Федераций международных обязательств и связанное с этим внесение соответствующих изменений и дополнений в УК РФ; появление новых видов преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, и возникшей потребностью в законодательной реакции на них; потребность в углублении дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, и возникшей потребностью в законодательной реакции на них; несогласованная в своей основе нормотворческая деятельность, реализуемая по принципу «лоскутного одеяла», когда единый массив уголовно-правовых норм регламентируется по разным правилам, без учета выполняемой в них уголовно-правовой роли незаконного вознаграждения.

Процесс правотворчества на протяжении всех выделенных нами пяти этапов развития уголовно-правовой политики в сфере противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, позволяет сделать вывод о ее непоследовательном и бессистемном характере, что связано с изначальным отсутствием четкой концепции по противодействию данного рода деяниям. В свою очередь, бессистемный характер изменения уголовного законодательства в обозначенной сфере привел к рассогласованности отдельных норм между собой, трудностям в правоприменении.

Проведенное исследование показало, что проявлениями бессистемности в уголовно-правовом регулировании ответственности за незаконное вознаграждение является, во-первых, отсутствие унифицированных начал в регламентации уголовной от-

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27.10.2020 № 352-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6894.

[2] О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.02.2021 № 16-ФЗ // Российская газета. 2021. № 41.

[3] О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы: указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

ветственности за указанные виды противоправного поведения. Это выражается в рассогласованности применяемых способов уголовно-правового регулирования при описании составообразующих признаков основного и квалифицированных составов, специальных оснований освобождения от ответственности, видов противоправного поведения (дача, получение, посредничество), связанных с незаконным вознаграждением. При отсутствии объективных причин для этого, когда правовая природа таких уголовно-наказуемых деяний не предполагает другого, специального подхода в их регулировании, и не исключает, как и не снижает эффективности применяемых для этого законодательных приемов и средств в сравнении с наиболее разработанной имеющей генеральное значение, группой преступлений (взяточничество).

Во-вторых, непоследовательная реализация воли законодателя в установлении ответственности за дачу, получение взятки и иные виды незаконного вознаграждения. Другими словами, несоответствие идеи (замысла) уголовно-правового регулирования законодательным формам её реализации, которую можно проиллюстрировать следующими примерами из действующего уголовного закона.

Так, примечание, как специальное основание освобождения от уголовной ответственности, закрепленное в ст. 200^5 УК РФ, исходя из пояснительной записки к федеральному закону, которым была введена в УК РФ данная статья, должно было быть, по основаниям применения, аналогичным примечанию к ст. 290 УК РФ. Между тем действующая редакция оцениваемого законодательного положения ст. 200^5 УК РФ этому требованию не соответствует.

Другой пример. В качестве субъектов получения взятки законодатель обоснованно предусмотрел «иностранное должностное лицо» и «должностное лицо публичной международной организации». Данное решение было принято в целях исполнения Российской Федерацией международно-правовых обязательств, и одновременно устраняло пробел по субъектному составу рассматриваемого преступления, на который в научных кругах на протяжении многих лет специалистами обращалось внимание. Законодательное определение указанных субъектов дано в примечании 2 к ст. 290 УК РФ, которое не соответствует пониманию должностного лица в национальной правовой системе, и безосновательно охватывает своим содержанием, как лиц, исполняющих профессиональные обязанности, не являющихся субъектами получения подкупа, так и получение коммерческого подкупа, как и подкупа арбитра (третейским судьей), за совершение которых предусмотрена самостоятельная ответственность в специальных статьях УК РФ.

Данные обстоятельства указывают на невысокое качество правотворческой деятельности, необходимость совершенствования которой требует изменения подхода при её осуществлении.

В-третьих, несоблюдение правил регламентации уголовной ответственности с учетом системообразующей уголовно-правовой роли незаконного вознаграждения (подкупа), о которых речь пойдет далее в диссертации. Применение в положениях Общей и Особенной частей УК РФ нормативной категории «подкуп» должно быть основано на определенных правилах, зависящих от выполняемой им роли в уголовно-правовой охране общественных отношений. Игнорирование указанного требования приведет к

утрате специфической функциональности подкупа, что повлечет его научно-необоснованное применение, как правового инструмента.

В-четвертых, анализ норм уголовного законодательства свидетельствует о наличии определенных юридико-технических и редакционно-стилистических недостатках в законодательном описании коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения.

Говоря о современном состоянии уголовно-правовой политики государства в целом, большинство ученых отмечают, что она находится на протяжении более пятнадцати лет в состоянии кризиса [15; 16, с. 112—114; 17, с. 7—11; 18, с. 5; 19, с. 44; 5, с. 235 и др.]. Сказанное в полной мере относится и уголовно-правовой политике в сфере противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения. Полагаем, что выходу из кризисного состояния может способствовать разработка научно обоснованной концепции по борьбе с данным видом преступности и реформирование уголовного законодательства. Реализация положений данной концепции будет способствовать приведению уголовного законодательства с криминологической реальностью, реализации системных мер по предупреждению коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения.

Важное место в указанной концепции должно отводиться критериям криминализации общественно-опасных деяний, связанных с незаконным вознаграждением. Автором были разработаны и предложены такие критерии с учетом уже имеющихся в доктрине уголовного права [20; 21, с. 101; 22, с. 67; 23, с. 90; 24 и др.], а также с учетом специфики исследуемой группы коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения.

Совершенно справедливо отмечал академик В. Н. Кудрявцев, что основания криминализации уголовно-правовых запретов вытекают из «научного понимания природы законотворчества как сложного творческого процесса, который включает познание объективных закономерностей общественного развития, изучение требований жизни, практики» [20, с. 189].Следует согласиться с В. Н. Кудрявцевым и В. П. Казимирчуком и взять за основу их высказывание о том, что исследование социальной обусловленности права должно быть связано с тремя группами общественных отношений. Первая группа представлена общественными отношениями, иными общественными явлениями и процессами (в нашем случае речь идет о коррупционных преступлениях, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения — *примеч. авт.*), вызывающими потребность (необходимость) в правовом регулировании, и соответствующими им социальными интересами. Вторая группа включает в себя общественные отношения в механизме правотворческой деятельности, стимулирующие, тормозящие или видоизменяющие ее развитие. В этих отношениях действуют интересы участников данного процесса. Третья группа охватывает общественное мнение, интересы и установки населения — граждан и должностных лиц, непосредственно не участвующих в подготовке законопроекта. Здесь проявляется отношение к процессу создания новой нормы права со стороны ее будущих адресатов [25, с. 41—42].

С учетом изложенного необходимо выделить следующие основания криминализации коррупционных деяний, связанных с незаконным вознаграждением. Во-первых, особое значение в связи с рассмотрением поставленного вопроса имеет социальный (общественный) запрос или запрос со стороны государства, в том числе, как участника международных отношений, на установление ответственности за конкретные деяния, связанные с незаконным вознаграждением. Очевидно, что для определения социального запроса должны быть организованы и на регулярной основе проводиться криминологические исследования с целью выяснения мнения населения страны о необходимости защиты тех или отношений от противоправных посягательств, связанных с незаконным вознаграждением. Учитывая ранее рассмотренные особенности исторического развития Российского государства, связанные с ролью подкупа, который на протяжении длительного времени выступал разрешенным законом способом имущественного содержания государственного аппарата, формирование дискредитирующей его нравственной атмосферы, приобретает особое значение, которая должна быть частью государственной информационной политики.

Для определения запроса со стороны государства, необходимо проводить обобщения правоприменительной практики в разных сферах общественных отношений, в которых фиксируются выявляемые факты противоправной деятельности, используя для этого информационные базы данных. При этом поступление в них требуемых сведений должно обеспечиваться имеющимися и специально разработанными статистическими карточками, которые должны содержать сведения о совершении правонарушения, связанного с незаконным вознаграждением. Это позволит установить противоправную активность, связанную с незаконным вознаграждением, не только в сферах, где оно уже криминализировано, но и прежде всего, где, оно фактически используется, а также определить, как часто и в каком качестве. Полученная информация об этом позволит обоснованно и своевременно вносить изменения и дополнения в действующий уголовный закон, обеспечивая более эффективную защиту правоохраняемых интересов.

Государственный запрос также может быть обусловлен исполнением международных обязательств, принятых на себя Российской Федерацией о необходимости криминализации отдельных видов общественно-опасного поведения. Примером тому могут служить криминализированные противоправные деяния, закрепленные в ст. 200^7, 309 УК РФ. Между тем, следует исходить из того, что в основе запроса на криминализацию незаконного вознаграждения должна находиться, прежде всего, реальная потребность в этом, определяемая общественной опасностью данного негативного явления для охраняемых уголовным законом общественных отношений и его фактической распространенностью [26, с. 24 и др.].

Во-вторых, криминализация коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, обусловлена необходимостью защиты уголовно-правовыми средствами критически важных или наиболее важных интересов человека, общества или государства. При этом критически важными следует признавать такие интересы, причинение вреда которым дезорганизует деятельность государства и общественных институтов до такой степени, что они утрачивают

свое назначение, как эффективные регуляторы общественных отношений, что приводит к их дискредитации и отсутствию запроса (одобрения) со стороны общества на их существование. В результате этого, создается альтернативная система управления и принятия решений, основанная не на законе, а на принципе извлечения выгод и преимуществ, как основной мотивирующей силы, обусловливающей определенное поведение участников правоотношений, что закономерно приводит к угрозе смены государственного устройства и соответствующего ему порядка. Тем самым организующая и упорядочивающая роль государства подрывается, а вместе с этим и основа его существования. В этой ситуации при криминализации деяний, связанных с незаконным вознаграждением, учитывается его роль в качестве деяния, образующего объективную сторону состава преступления. При этом, к наиболее важным, следует относить такие интересы, основное дезорганизующее воздействие на которые, оказывается действиями (бездействиями) не коррупционного характера. В тоже время, требующие их защиты от посягательств, связанных с незаконным вознаграждением, которое с учетом его уголовно-правовой роли, является одним из составообразующих признаков основного или квалифицированного деяния, выступая в качестве способа совершения преступления.

В-третьих, основанием криминализации коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, квалифицируемых по правилам основного состава, является необходимость раннего сдерживания преступлений, совершаемых за незаконное вознаграждение (подкуп) по причине их повышенной опасности, т. е. пресекая преступную деятельность на более ранней стадии, можно предотвратить совершение в последующем более общественно опасных преступлений, посягающих на интересы, охраняемые уголовным законом.

В-четвертых, принципиальное значение для криминализации рассматриваемых видов преступлений, имеет установление связи деяния с использованием лицом своего служебного или иного правового положения в целях и (либо) по мотиву получения как имущественной, так и неимущественной выгоды, а равно предоставление или способствование предоставлению такому лицу указанной выгоды. На основании указанных объективных и субъективных признаков должна определяться коррупционная направленность конкретного вида поведения.

Учитывая фактическую и исторически сложившуюся распространенность данной категории правонарушений именно в деятельности субъектов властных отношений, осуществляющих свою деятельность в публично и частно правовых сферах, социальный запрос на установление самостоятельной ответственности за эти же деяния, совершаемые физическими лицами, не обладающими специальным статусом, отсутствует. Однако это не исключает возможность использования подкупа, как дополнительного составообразующего признака, с которым связывается установление оснований уголовной ответственности либо её усиление.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, современное законодательство значительно расширило ответственность за незаконное вознаграждение в зависимости от сферы общественных отношений,

в которой совершается посягательство, круга лиц, вовлеченных в преступную деятельность, характера совершаемых ими действий (бездействий).

Во-вторых, мониторинг действующего законодательства свидетельствует о тенденции увеличения круга уголовно наказуемых деяний, связанных с незаконным вознаграждением. Представляется, что это связано с оценкой роли незаконного вознаграждения, как особо опасного криминального явления, оказывающего существенное негативное влияние на охраняемые законом общественные отношения. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция расширения сферы уголовно-правового регулирования ответственности за незаконное вознаграждение за счет внесения изменений и дополнений в составы преступлений, связанные с таковым, и криминализации новых видов деяний, связанных с незаконным вознаграждением. Так, только с 2018 г. по настоящее время уголовный закон дополнен новыми составами преступлений: ст. 200^5 УК РФ «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок» и ст. 200^7 УК РФ «Подкуп арбитра (третейского судьи)».

В-третьих, анализ современного периода развития уголовного законодательства об ответственности за совершение коррупционных преступлений, связанных с дачей, получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения объективно свидетельствует об отсутствии последовательной, выверенной, стабильной, целенаправленно реализуемой государственной уголовной политики в борьбе с указанным видом преступлений. В центре внимания государственной власти находится уголовно-правовая борьба со взяточничеством, при этом другие виды незаконного вознаграждения неоправданно, с точки зрения интересов противодействия коррупционным преступлениям, остались без необходимого внимания со стороны законодателя, сохраняя существенные системные недостатки. Не принимая мер к их устранению, невозможно вывести борьбу с коррупцией на качественно новый уровень.

В-четвертых, разработка предложенных критериев криминализации коррупционных деяний, связанных с незаконным вознаграждением, имеет существенное методологическое и законодательное значение, поскольку позволяет системно противодействовать рассматриваемому виду коррупционных угроз и последовательно реализовывать законотворческую уголовно-правовую политику в указанной сфере общественных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Герцензон А. А. Уголовное право и социология (проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). — М.: Юрид. лит., 1970. — 286 с.

2. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. — Л., 1986. — 176 с.

3. Зубков А. И. Указ соч. Проблемы реформирования уголовной (карательной) политики на современном этапе / А. И. Зубков, В. И. Зубкова // Журнал российского права. — 2002. — № 5. — С. 23—32.

4. Трощенко Р. А. Уголовно-правовая политика как часть уголовной политики государства / Р. А. Трощенко [Электронный ресурс]. — URL: www.voennoepravo.ru›files/Трощенко_0.doc (дата обращения 14.01.2022).

5. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 352 с.

6. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. — СПб., 2004. — 480 с.

7. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 4 кн. Кн. 1, т. 2—3. — Ростов н/Д., 1989. — 509 с.

8. Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. Л. В. Черепнина. — М., 1955. — 527 с.

9. Исаев М. А. Толковый словарь. Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. Л. В. Черепнина. — М., 1955. — 529 с.

10. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. — М., 2001. — 119 с.

11. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. — Киев, 1915. — Вып. 2. — 342 с.

12. Семыкина О. И. Историческая обусловленность института предложения и обещания взятки // Журнал российского права. — 2016. — № 4. — С. 93—100.

13. Ширяев В. Н. Взяточничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях: уголовно-юридическое исследование. — Ярославль, 1916. — 577 с.

14. Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. — СПб., 1903. — 1112 с.

15. Побегайло Э. Ф. Современная криминологическая ситуация и кризис российской уголовной политики // Российский криминологический взгляд. — 2005. — № 1. — С. 23—36.

16. Алексеев А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. — М.: Норма, 2006. — 114 с.

17. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. — М., 2008. — 208 с.

18. Агапов П. В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: дис. … д-ра юрид. наук. — М., 2013. — 452 с.

19. Лопашенко Н. А. Уголовная политика по принципу «Чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2015. — № 1. — С. 44—55.

20. Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др.; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. — М.: Наука, 1982. — 303 с.

21. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. — М.: Наука, 1986. — 448 с.

22. Кузнецова Н. Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации // Государство и право. — 2010. — № 6. — С. 67—75.

23. Прозументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2014. — № 4. — С. 81—91.

24. Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета: дис. … д-ра юрид. наук. — М., 2015. — 550 с.

25. Казимирчук В. П. Современная социология права / В. П. Казимирчук, В. Н. Кудрявцев. — М., 1995. — 297 с.

26. Прозументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. — 2009. — № 4. — С. 18—24.

REFERENCES

1. Gertsenzon A.A. Criminal law and sociology (problems of the sociology of criminal law and criminal policy). — M .: Legal literature, 1970. 286 p.

2. Belyaev N. A. Criminal law policy and ways of its implementation. — Leningrad, 1986. 176 p.

3. Zubkov A.I., Zubkova V.I. Decree op. Problems of reforming the criminal (punitive) policy at the present stage // Journal of Russian law. — 2002. — № 5. — P. 23-32.

4. Troshchenko R.A. Criminal law policy as part of the criminal policy of the state. [electronic resource] / R.A. Troshchenko. Access mode. URL: www.voennoepravo.ru›files/Troshchenko_0.doc

5. Korobeev A.I. Russian criminal law policy: from genesis to crisis. M.: Yurlitinform, 2019. 352 p.

6. Lopashenko N.A. Fundamentals of criminal law influence. — SPb., 2004. 480 p.

7. Karamzin N. M. History of the Russian State. In 4 books. Book. 1, vol. 2–3. — Rostov on / D, 1989. 509 p.

8. Monuments of Russian law. Issue. 1 / ed. L. V. Tcherepnina. — M., 1955. 527 p.

9. Isaev M. A. Explanatory dictionary. Monuments of Russian law. Issue. 1 / ed. L. V. Tcherepnina. — M., 1955. 529 p.

10. Isaev M. A. Explanatory Dictionary of Old Russian Legal Terms: From Treaties with Byzantium to Statutory Letters of the Moscow State. — M., 2001. 119 p.

11. Vladimirsky-Budanov M.F. Reader on the history of Russian law. — Kyiv, 1915. Issue. 2. 342 p.

12. Semykina O.I. Historical conditionality of the institution of offering and promising a bribe // Journal of Russian Law. — 2016. — № 4. — P. 93-100.

13. Shiryaev V.N. Bribery and extortion in connection with the general doctrine of malfeasance: a criminal-legal study. — Yaroslavl, 1916. 577 p.

14. Criminal Code, the highest approved on March 22, 1903 — St. Petersburg, 1903. 1112 p.

15. Pobegailo E.F. Modern criminological situation and the crisis of Russian criminal policy // Russian criminological view. — 2005. — № 1. — P. 23–36.

16. Alekseev A.I., Ovchinsky V.S., Pobegailo E.F. Russian criminal policy: overcoming the crisis. — M.: Norma, 2006. 114 p.

17. Gavrilov B.Ya. Modern criminal policy of Russia: figures and facts. — M., 2008. 208 p.

18. Agapov P.V. Fundamentals of combating organized criminal activity: Dis. … Dr. jurid. Sciences. — M., 2013. 452 p.

19. Lopashenko N.A. Criminal policy based on the principle “What do you want?”, or criminal law as a means of solving all problems // Vestnik of Moscow University. Episode 11 — 2015. — № 1. — P. 44-55.

20. Grounds for a criminal law prohibition: Criminalization and decriminalization / V.N. Kudryavtsev, P.S. Dagel, G.A. Zlobin and others; Rep. ed. V. N. Kudryavtsev, A. M. Yakovlev. — M.: Nauka, 1982. 303 p.

21. Kudryavtsev V.N. Law, action, responsibility. — M.: Nauka, 1986. 448 p.

22. Kuznetsova N.F. The significance of the public danger of acts for their criminalization and decriminalization // State and Law. — 2010. — № 6. — P. 67-75.

23. Prozumentov L.M. Grounds for criminalization (decriminalization) of acts // Vestnik of the Tomsk State University. Right. — 2014. — № 4. — P. 81-91.

24. Markuntsov S.A. Theory of criminal law prohibition: dis. … doc. legal Sciences. M., 2015. 550 p.

25. Kazimirchuk V.P., Kudryavtsev V.N. Modern sociology of law. — M., 1995. 297 p.

26. Prozumentov L.M. Social danger as a basis for criminalization (decriminalization) of an act // Vestnik of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2009. — № 4. — P. 18-24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никонов Павел Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.
ORCID: 0000-0003-2721-0481

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikonov Pavel Vladimirovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor’s Office of the Russian Federation, 1, Shevtsov st., Irkutsk, Russian Federation, 664035.
ORCID: 0000-0003-2721-0481

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022 ; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 106 — 115.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no.2 (101). P. 106—115.

12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВВЕДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА

Научная статья
УДК 343.232
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.26.009

Рогова Евгения Викторовна [1], Забавко Роман Алексеевич[2], Ивушкина Ольга Викторовна[3]
[1] Университет Прокуратуры РФ, Иркутский юридический институт (филиал), Российская Федерация, Иркутск, rev-80@ya.ru
[2] Юридический институт Иркутского государственного университета, Российская Федерация, Иркутск, zrairk@gmail.com
[3] Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, Grigorievao86@mail.ru

Введение: в последние годы особенно остро стоит вопрос о межотраслевой дифференциации ответственности, в частности, уголовной и административной, граница между которыми практически отсутствует в связи с активной имплементацией в уголовный закон административной преюдиции, наличии в УК РФ и КоАП РФ смежных составов, различающихся только одним признаком.

Материалы и методы: основу исследования составило уголовное законодательство Российской Федерации, научные исследования в области дифференциации ответственности. Методологической основой исследования выступил общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, познавательные методы и приемы анализа, сравнения, обобщения и описания.

Результаты исследования: в статье поднята проблема содержательного наполнения категории «уголовный проступок», идея которого в последнее время все чаще обсуждается на доктринальном и законодательном уровнях. Эта категория исследуется с применением диалектических методов анализа и синтеза, а также сравнительно-правового, исторического исследования, метода правового моделирования. Поставлена цель установить логико-формальное наполнение этой категории, определить позитивный и негативный эффект от её введения в текст УК РФ в том виде, в котором она предложена Верховным судом Российской Федерации. Отмечается, что то содержание, которое заложено в категорию «уголовный проступок», не соответствует понятию уголовного проступка, существовавшее в досоветское время.

© Рогова Е. В., Забавко Р. А., Ивушкина О.В., 2022

Выводы и заключения: сделан вывод о том, что предлагаемое содержание уголовного проступка делает его фактически основанием освобождения от уголовной ответственности с применением иных мер уголовно-правового характера. Наиболее оптимальный вариант реализации идеи уголовного проступка — закрепление его в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории, которая включала бы в себя преступления, которые в действующем УК РФ отнесены к категории наименее опасных, а также наиболее опасные административные правонарушения, которые имеют «пограничные» составы в уголовном законе

Ключевые слова: уголовный проступок, дифференциация ответственности, общественная опасность

Для цитирования: Рогова Е. В., Забавко Р. А., Ивушкина О. В. Межотраслевая дифференциация ответственности в контексте введения уголовного проступка // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. —2022. — № 2 (101). — С. 106—115.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.26.009

12.00.08. Criminal law and criminology; penal law

Original article

INTER-BRANCH DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF A CRIMINAL OFFENSE

Evgenia V. Rogova[1], Roman A. Zabavko [2], Olga V. Ivushkina[3]

[1] Irkutsk Law Institute (branch), The University of the Prosecution of the Russian Federation Irkutsk, Russian Federation, Irkutsk, rev-80@ya.ru

[2] Law Institute of the Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, Irkutsk, zrairk@gmail.com

[3] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, Grigorievao86@mail.ru

Introduction: In recent years, the issue of intersectoral differentiation of responsibility, in particular, criminal and administrative, is particularly acute, the border between which is practically absent due to the active implementation of administrative prejudice in the Criminal Law of the Russian Federation, the presence in the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of related compositions that differ only one sign.

Materials and methods: the basis of the study was the criminal legislation of the Russian Federation, scientific research in the field of differentiation of responsibility. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as the methods of logical deduction, cognitive methods and techniques of analysis, comparison, generalization and description.

The results of the study: The article raises the problem of the content of the category of “criminal misconduct”, the idea of which has recently been discussed more and more often

at the doctrinal and legislative levels. The study has been conducted with the use of dialectical methods of analysis and synthesis, and also comparative-legal, historic research, method of legal modeling. The objective was to establish logical and formal content of this category, to define positive and negative effects from its inclusion into the text of the Criminal Code of the Russian Federation in the variant it was proposed by the Supreme Court of the Soviet Union.

Findings and conclusions: The main tasks of the study are the analysis of the approaches to understanding of category "criminal misconduct", concept of its legislative realization, finding drawbacks of legal constructions, proposed by the Supreme Court of the Russian Federation, prediction of social and political effects of suggested reform. It is noted that the proposed content of criminal misconduct makes it actually grounds for exemption from criminal liability with other criminal measures. It is argued that the best option to implement the idea of criminal misconduct is to enshrine it as an independent criminal category, which would include crimes that are classified as the least dangerous in the current Criminal Code, as well as the most dangerous administrative offences, which have "border" compositions in the criminal law.

Keywords: criminal law, crime, criminal misconduct, differentiation of responsibility, public danger.

For citation: Evgenia V. R., Zabavko R. A. Mezhotraslevaja differenciacii otvetstvennosti v kontekste vvedenija ugolovnogo prostupka [Inter-branch differentiation of responsibility in the context of the introduction of a criminal offense]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 106—115 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.26.009

Обсуждение вопросов законодательного закрепления уголовных проступков в последние годы вновь стало актуальной повесткой доктрины уголовного права. Это связано, прежде всего, с реализацией курса на гуманизацию уголовной политики государства, изменением правовой оценки деяний, составляющих преступления небольшой и средней тяжести. Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) дважды выступил с законодательной инициативой о введении в уголовное законодательство категории «уголовный проступок», которая в случае её реализации в значительной мере изменит понимание сущности преступления, основания уголовной ответственности, освобождения от нее. Вместе с тем необдуманные шаги в этой части могут иметь далеко идущие последствия и способны создать дополнительные проблемы в реализации уголовной ответственности, разрушить теоретико-правовые основы уголовного права и в какой-то мере даже снизить эффективность уголовно-правовой охраны.

Анализ последней законодательной инициативы ВС РФ, связанной с введением в текст уголовного законодательства уголовного проступка, показывает, что современный законодатель воспринимает его как инструмент, позволяющий освобождать от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших ряд преступлений небольшой или средней тяжести. Вместе с тем такое понимание уголовного проступка не соответствует его историческим основам, пониманию его содержания многими учеными.

В науке уголовного права среди сторонников подхода о возвращении в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) категории «уголовный проступок» превалирует позиция о том, что он должен иметь не характер инструмента освобождения от уголовной ответственности, а закреплять список наименее опасных деяний, ответственность за которые должна быть урегулирована уголовным законодательством, но которые не должны признаваться преступлениями. Являясь сторонниками такого подхода, авторы статьи полагают, что категория уголовный проступок должна включать в себя не только отдельные наименее опасные деяния, но и некоторые административные проступки, а также отдельные гражданско-правовые деликты. Вместе с тем требуется четкое понимание того, по каким критериям эти деяния следует включать в указанную категорию. Кроме того, их точное уяснение необходимо для осуществления межотраслевой дифференциации ответственности.

Для решения поставленных задач применялись общенаучные методы теоретико-правового исследования. Помимо этого, использовались такие методы, как анализ, синтез, историко-правовой, генетический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования.

В науке уголовного права превалирующим является подход, согласно которому уголовный проступок должен занимать промежуточное положение между преступлениями и административными проступками. Как считают некоторые ученые, де-факто это уже произошло: это вывод вытекает из положений ч. 2 ст. 15 УК РФ, где закреплена категория преступлений небольшой тяжести, а также из положений ч. 3 ст. 150 УК РФ и ст. 31 УПК РФ, которые соответственно определяют подследственность преступлений небольшой тяжести и подсудность уголовных дел о преступлениях, наказание за которые на превышает трех лет лишения свободы [1]. Это связано с тем, что меры уголовно-правового воздействия за совершение таких преступлений минимальны, дела по ним расследуются и рассматриваются в упрощенном порядке, наказание в виде реального лишения свободы практически не назначаются. В определенной степени рамки ответственности за ряд правонарушений размываются и, в частности, для виновных утрачивается значение именно уголовной ответственности, которая по факту может быть менее строгая, чем, например, гражданско-правовая.

Ввиду вышесказанного уже сейчас возникает проблема установления четких критериев, по которым можно было бы произвести межотраслевую дифференциацию ответственности в рамках следующей системы:

1) незначительные нарушения, затрагивающие вопросы имущественной ответственности (гражданское право);

2) наиболее серьезные правонарушения, обладающие при этом небольшой (с позиции уголовного права) общественной опасностью (административное право);

3) преступления небольшой или средней преступления (уголовное право).

Кроме того, ответственность за указанные деяния также дифференцирована внутри собственной отрасли права. Проблема обостряется тем, что многие деяния, предусмотренные разными отраслями права, являются пограничными, отличающимися незначительными признаками. Так, в настоящее время в УК РФ и КоАП РФ содержится более

ста составов, которые практически полностью совпадают по объективным и субъективным признакам и имеют одинаковый характер общественной опасности. При этом на более высокую ее степень указывает лишь какой-то из признаков (размер предмета преступления, используемые средства, орудия, способ его совершения, размер или вид общественно-опасных последствий, признаки субъекта преступления и др.). Данные признаки носят, в основном, формальный характер. В частности, наркопреступления и соответствующие им административные правонарушения различаются только по размеру предмета преступления, а в отдельных случаях, когда точно определить этот признак невозможно (если, например, предмет преступления представляет собой смесь наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов), правоприменитель вынужден устанавливать специальные правила их учета (фактически, специальные правила разграничения административной и уголовной ответственности). В отдельных случаях Пленум ВС РФ значительно расширяет содержание признаков конкретного состава преступления в целях установления таких правил. Так, несмотря на то, что пункты «а — г» ч. 1 ст. 256 УК РФ перечислены как альтернативные, отсутствие крупного ущерба (п. «а») даже при применении самоходного транспортного плавающего средства или взрывчатых и химических веществ, электротока или других запрещенных орудий и способов массового истребления водных биологических ресурсов (п. «б») или в местах нереста или на миграционных путях к ним (п. «в»), незаконная добыча водных биологических ресурсов признается малозначительной.

Ситуация усугубляется высокой подвижностью некоторых законодательных конструкций. В частности, в последние несколько лет несколько раз менялся состав хулиганства (ст. 213 УК РФ): первоначально его трансформация была связана со значительной гуманизацией уголовной ответственности в этой сфере, тогда как последние новеллы направлены на её значительное ужесточение.

В отдельных случаях законодатель проявляет явную непоследовательность и трансформирует нормы таким образом, что это нарушает правила дифференциации уголовной ответственности. Так, административная ответственность за неквалифицированные кражу, мошенничество, присвоение и растрату устанавливается в случаях, когда стоимость похищенного не превышает 2 тыс. 500 рублей. Вместе с тем, Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ[1] были внесены изменения в ч. 1 ст. 159^3 УК РФ, а также введен новый состав кражи (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), а именно был введен новый квалифицирующий признак — совершение кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Ввиду того, что это квалифицированный состав кражи, стоимость похищенного для разграничения уголовной и административной ответственности не имеет. Между тем, совершенное в практически аналогичных условиях мошенничество (например, оплата в магазине найденной банковской картой товара стоимостью менее 2 тыс. 500 рублей) уголовной ответственности не образует (квалифицируется по ч. 1 или 2 ст. 7.27 КоАП РФ), тогда как явно фактически менее опасная кража с ис-

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон РФ от 23.04.2018 № 111-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 18. Ст. 2581.

пользованием этой карты (например, снятие денежных средств с банкомата), квалифицируется как преступление по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Еще одна проблема связана с введением в УК РФ административной преюдиции, когда повторное совершение административного правонарушения влечет за собой уже уголовную ответственность. Такой подход «размывает» критерии общественной опасности некоторых деяний, которые одновременно могут быть административно наказуемыми и преступными, а установление именно уголовной ответственности в таких случаях фактически обусловлено наличием специального признака субъекта — факта его привлечения к административной ответственности. При этом данный признак ограничен во времени. Методологически не вполне понятно, как это обстоятельство меняет сущность самого деяния. Кроме того, представляется сомнительным и «обратный» процесс, что истечение определенного времени вновь делает деяние «неопасным».

Признавая в целом высокий превентивный потенциал административной преюдиции, ученые неоднократно писали о том, что она не имеет под собой теоретического обоснования, вносит проблемы в содержание иных институтов уголовного права (например, института обстоятельств, исключающих преступность деяния, уголовной ответственности, соучастия и т. д.), разрушает систему «двойной» превенции, и превратилась из инструмента гуманизации в средство повышения репрессивности (законодатель все чаще вводит в УК РФ составы с административной преюдиции, которые ранее являлись только административными правонарушениями).

Указанные выше проблемы межотраслевой дифференциации ответственности могли бы быть решены посредством введения в УК РФ уголовного проступка, который бы включал в себя те деяния, которые имеют достаточно высокую общественную опасность, которая не позволяют их «оставить» в плоскости административного или гражданского права, но недостаточную, для того, чтобы в полной мере реализовывать те репрессивные меры, которые предусмотрены за совершение преступлений.

Вместе с тем, поддерживаемая нами концепция уголовного проступка имеет в научной среде противников. Так, А. М. Смирнов полагает, что «включение уголовных проступков в УК РФ создаст определенную угрозу для понимания самой природы общественной опасности, как признака, отграничивающего преступление от иных правонарушений, а также негативным образом скажется на эффективности механизма криминализации противоправных деяний» [2]. Полагаем, что обозначенная проблема связана не с изначальной «негодностью» идеи уголовного проступка, а с тем концептом соотношения административного и уголовного законодательства, который реализован в российском законодательстве. Законодатель сам «размыл» критерии общественной опасности, создав конкурирующие между собой административные правонарушения и преступления, не предусмотрев четких критериев разграничения их общественной опасности. Предлагаемая нами мера как раз и позволяет преодолеть эту проблему. Для этого требуется соблюдение определенных условий законодательного закрепления уголовного проступка.

Во-первых, понятие, признаки и перечень уголовных проступков должны быть закреплены исключительно в уголовном законе. В их число должны войти преступления

из числа закрепленных в Особенной части действующего УК РФ, общественная опасность которых минимальна. Для этого требуется проведение отдельного уголовно-правового и криминологического исследования, которое бы определило круг таких преступлений с позиции реализуемой правоприменительной практики. Определить указанный перечень необходимо таким образом, чтобы полностью исключить наличие смежных составов преступлений и административных правонарушений, отличающихся только степенью их общественной опасности. Такая модель уголовного проступка не противоречит предложениям ученых по совершенствованию текста уголовного закона и вполне могла бы дополнить основные концепции [3].

Во-вторых, уголовный проступок следует определить как вид уголовного правонарушения, а не как, например, его категорию, основание освобождения от уголовной ответственности или от наказания, иные меры уголовно-правового характера или иные уголовно-правовые категории. При этом основание ответственности за уголовный проступок должны быть теми же, что и за преступление — наличие всех признаков состава конкретного уголовного проступка. К ним могут быть применимы и иные институты уголовного права — соучастия, обстоятельств, исключающих преступность деяния и т. д. В этой связи мы не можем поддержать позицию ВС РФ, которую он изложил в проекте Федерального закона № 1112019-7 (ред., внесенная в ГД РФ, текст по состоянию на 15.02.2021) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», где уголовный проступок определяется как совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести (из специального перечня), за которое УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, за которые виновные могут быть освобождены от уголовной ответственности с применением специальных мер уголовно-правового характера. Не можем мы согласиться и с теми авторами, которые предлагают определить уголовный проступок как деяние, не связанное с уголовной ответственностью и вообще вынесенное за пределы уголовно-правового регулирования (например, в специальный Кодекс уголовный проступок или в КоАП РФ).

В-третьих, за их совершение не следует устанавливать наказания, связанные с лишением свободы, значительными имущественными или иными ограничениями, а также судимости. Возможно, для реализации ответственности за уголовные проступки потребуется введение новых самостоятельных видов наказаний. Это позволит в полной мере учесть социально-распределительный аспект уголовных наказаний [4; 5].

Определяя критерии отнесения противоправных деяний к категории уголовных проступков, следует обратить внимание на характер общественной опасности деяния. Полагаем, что объектом посягательства в данном случае не могут быть общественные отношения, связанные с охраной жизни человека, мира и безопасности человечества. Говоря о степени общественной опасности предполагаемых уголовных проступков, следует отметить, что она не может быть высокой. В частности, если говорить о последствиях таких преступлений, то они не должны быть связаны с причинением тяжкого, особо тяжкого вреда здоровью, смерти, причинения значительного имущественного ущерба или значительного вреда гражданам, обществу и государству, не предусматривать в кон-

струкции составов специального рецидива [5]. Уголовный проступок не может быть совершен общеопасным способом, с применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ или других опасных орудий. Между тем влияние указанных обстоятельств, а также иных факторов, например, цели, мотива и т. д. на возможность отнесения конкретных деяний к числу уголовных проступков, должна быть изучена отдельно.

Тем самым уголовный проступок является важным инструментом гуманизации уголовного законодательства, однако неправильные подходы к его реализации способны создать дополнительные сложности для правоприменителя, нарушить устоявшиеся позиции уголовного права. Уголовный проступок должен стать категорией, в которой следует сосредоточить наименее опасные преступления, а также наиболее опасные административные правонарушений. При этом к числу уголовных проступков следует отнести не все преступления небольшой или средней тяжести (как это предусмотрено в законопроекте ВС РФ), а только те из них, которые действительно не обладают высокой степенью общественной опасности. Цель введения указанной категории должна состоять не в том, чтобы освободить совершающих их лиц от уголовной ответственности, а в том, чтобы применить к ним меру уголовно-правового воздействия, не связанные с лишением свободы и не образующие судимости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф., посв. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова и состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 27—28 мая 2004 г. — М., 2005. — С. 631—633.

2 Смирнов А. М. Введение уголовного проступка в России: за и против // Дневник науки. — 2019. — № 1 [Электронный ресурс] // Дневники науки: электронный журнал: официальный сайт. — URL: http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2019/1/law/-Smirnov3.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

3. Lopashenko N. A., Kobzeva E. V., Hutov K. M., Dolotov R. O. A theoretical model of the special part of the criminal code of the Russian federation: A summary of its structure and content // Russian journal of criminology. — 2017. — № 11 (1). — PP. 109—118, DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).

4. Lapshin V., Korneev S. Social distributional aspect of penal actions // E3S Web of Conferences. — 2019. — № 135. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2019/61/e3sconf_itese18_04063.pdf (дата обращения 23.03.2022).

5. Karabanova E. N. Problems of systemic penalization (Using the example of differentiating criminal liability for crimes with many-object corpus delicti) |// Russian journal of criminology. — 2019. — № 13 (2). — pp. 271—282. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).

6. Dyadyun K. V. Principles of humanism and justice in the appointment of punishment for repeat offenses // Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. — 2021. — № 9 (4). — PP. 724—733.

REFERENCES

1. Tsepelev VF, Correlation of crime and other offenses: a comparative aspect // Correlation of crimes and other offenses: modern problems: Proceedings of the IV Intern. scientific-practical. Conf. dedicated to the 250th anniversary of the formation of the Moscow. state un-ta im. M. V. Lomonosov and held at the legal. fak. Moscow State University M. V. Lomonosov, May 27-28, 2004, — M., 2005 / S. 631-633.

2. Smirnov A.M., The introduction of a criminal offense in Russia: pros and cons // Diary of Science. — 2019. — No. 1. [Electronic resource] // Diaries of science: electronic journal: official website. URL: http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2019 /1/law/Smirnov3.pdf (Date of access: 03/23/2022).

3. Lopashenko N.A., Kobzeva E.V., Hutov K.M., Dolotov R.O., A theoretical model of the special part of the criminal code of the Russian federation: A summary of its structure and content // Russian journal of criminology. — 2017. — № 11(1). — PP. 109-118, DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).

4. Lapshin V., Korneev S., Social distributional aspect of penal actions // E3S Web of Conferences. — 2019. — № 135. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2019/61/e3sconf_itese18_04063.pdf (дата обращения 23.03.2022).

5. Karabanova E.N., Problems of systemic penalization (Using the example of differentiating criminal liability for crimes with many-object corpus delicti) |// Russian journal of criminology. — 2019. — № 13(2). — pp. 271-282DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).

6. Dyadyun K.V., Principles of humanism and justice in the appointment of punishment for repeat offenses // Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. — 2021. — № 9(4). — PP. 724-733.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рогова Евгения Викторовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал), Университет Прокуратуры РФ, 664022, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.
ORCID: 0000-0002-2524-0241

Забавко Роман Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права. Юридический институт, Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1.
ORCID: 0000-0003-1613-9317

Ивушкина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук**,** начальник кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rogova Evgeniya Viktorovna, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal, Law Disciplines of Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Shevtsova Street, Irkutsk, Russia, 664022
ORCID: 0000-0002-2524-0241
Zabavko Roman Alekseevich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law. Law Institute, Irkutsk State University. 1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003.
ORCID: 0000-0003-1613-9317
Ivushkina Olga Viktorovna, Candidate of Law, Head of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. №2 (101). С. 116 — 131.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no.2 (101). P. 116—131.

12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Научная статья
УДК 343.01
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.32.77.010

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ, СОВЕРШЕННУЮ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ИСТОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Уфимцев Иван Александрович
Договорно-правовой департамент МВД России, Москва, Российская Федерация, Москва, ivanufimcev@gmail.com

Введение: в статье раскрываются основы развития охоты как одного из видов деятельности человека, исторические этапы формирования запретов и правил её осуществления с периода Древней Руси до настоящего времени, уголовной ответственности за их нарушение путем применения различных видов транспорта как средства совершения преступления. Раскрывается понятие транспортировки незаконно добытых животных и продукции охоты. Рассматриваются виды и размеры наказаний за совершение указанных преступлений на всех этапах развития законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляет законодательство России в период с Древней Руси до настоящего времени об ответственности за незаконную охоту, совершенную с применением транспортных средств. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: анализ данных о генезисе российского законодательства относительно ответственности за незаконную охоту, совершенную с применением транспортных средств, обнаружение предпосылок формирования и развития уголовного закона помогли определить, что в течение столетий сохранение объектов животного мира и среды их обитания являлось одним из основополагающих, доминирующих направлений деятельности государства.

Выводы и заключения: проведенное исследование позволило установить нормы, способствовавшие формированию современного законодательства об ответственности за незаконную охоту, совершенную с применением транспортных средств. Также исследование позволило сделать вывод о стратегической цели государственной политики, её основном курсе, выражающемся в сбережении окружающей среды, сохранении биологического разнообразия природных ресурсов для следующих поколений.

© Уфимцев И. А., 2022

Ключевые слова: уголовная ответственность; Уголовный кодекс Российской Федерации; наказание; запреты; правила охоты; незаконная охота; транспортные средства; транспортировка.

Для цитирования: Уфимцев И. А. Уголовная ответственность за незаконную охоту, совершенную с применением транспортных средств в истории законодательства России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. —2022. —№ 2 (101) — С. 116—131.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.32.77.010

12.00.08. Criminal law and criminology; penal enforcement law

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL HUNTING COMMITTED WITH THE USE OF VEHICLES IN THE HISTORY OF RUSSIAN LEGISLATION

Ivan A. Ufimtsev
Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Moscow, ivanufimcev@gmail.com

Introduction: the article reveals the basics of the development of hunting as one of the types of human activity, the historical stages of the formation of prohibitions and rules for its implementation from the period of Ancient Russia to the present, criminal liability for their violation by using various types of transport as a means of committing a crime. The concept of transportation of illegally obtained animals and hunting products is revealed. The types and sizes of punishments for the commission of these crimes at all stages of the development of legislation in the field of environmental protection and nature management are considered.

Materials and methods: the normative basis of the study is the legislation of Russia in the period from Ancient Russia to the present time on liability for illegal hunting committed with the use of vehicles. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study: the analysis of data on the genesis of Russian legislation with regard to responsibility for illegal hunting committed with the use of vehicles, the discovery of the prerequisites for the formation and development of criminal law, helped to determine that for centuries the preservation of wildlife and their habitat was one of the fundamental, dominant activities of the state.

Findings and Conclusions: the conducted research made it possible to establish norms that contributed to the formation of modern legislation on liability for illegal hunting committed with the use of vehicles. The study also made it possible to conclude about the strategic goal of state policy, its main course, expressed in the conservation of the environment, the preservation of biological diversity of natural resources for future generations.

Keywords: criminal liability; Criminal Code of the Russian Federation; punishment; prohibitions; hunting rules; illegal hunting; vehicles; transportation.

For citation: Ufimtsev I. A. Ugolovnaja otvetstvennost' za nezakonnuju ohotu, sovershennuju s primeneniem transportnyh sredstv v istorii zakonodatel'stva Rossii [Criminal liability for illegal hunting committed with the use of vehicles in the history of Russian Legislation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. No. 2 (101) pp. 116—131 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.32.77.010

Уникальный мир животных России, учитывая размах занимаемых территорий, насчитывает около 150 тыс. видов, что составляет примерно 9 % всей фауны мира.[1] Охота, как неотъемлемая часть жизни и деятельности, одна из основных у человека с древних времен, способствовала добыванию пищи, одежды и орудий труда.

Сформировавшиеся правила охоты в рамках России распространяются на многие и многие века, уходя корнями в прошлое. По сути, само общество, претерпевающее полноценное и разноуровневое развитие, стало основателем данных правил, его правовой культуры, заложило государственность на Руси.

Анализируя первобытное общество, наблюдаем, что как таковых правил охоты не существовало. Охота являлась основным видом промысла, в связи с чем не имела ограничений и была доступна всем без исключения.

Обращаясь к истории России, видим, что на каждом этапе развития человека и общества происходит усовершенствование способов и орудий добычи животных, появляются различные виды охоты: промысловая, соколиная, ружейная, псовая, закрепившиеся в последующем как традиционные.

В период формирования Древнерусского государства начали появляться первые запреты для славян, связанные с производством охоты. В большинстве случаев данные запреты были нацелены на её осуществление в местах княжеской охоты. При последующем совершенствовании способов добычи, и, как следствие, — сокращении популяции отдельных видов диких животных, начали появляться отчетливые поводы для новых запретов и ограничений, связанных с производством охоты и сроками её проведения.

Например, в конце XVII века обнаруженное сокращение популяции соболя в Сибири побудило Петра I в 1696 году объявить о государственной монополии на его добычу, а в 1671 году — издать указ об их разведении в неволе. Далее, в 1727 году Петр II утвердил запрет на охоту на птиц и зверей в пределах Аптекарского острова Санкт-Петербурга, а в 1728 году — псовую и соколиную охоту вблизи Москвы. В 1763 году Екатерина II запретила охоту ежегодно с 1 марта по 29 июня [1, с. 92].

Тот период времени характеризовался неэффективностью действовавших указов. Н. В. Туркин в своем издании 1892 года «Закон об охоте» свидетельствовал, что

[1] Животный мир России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Животный_мир_России#citi_note-1, свободный. — (дата обращения: 21.12.2020).

суммарно за 3 года в 35 губерниях отмечено всего одиннадцать судебных и полицейских разбирательств за нарушение правил охоты, поступающих исключительно от жалующихся собственников земель, на территории которых охота была запрещена. Согласно мнению ученого, ведущей причиной подобной ситуации считалась трудоемкость применения действующего в тот момент законодательства. Чтобы привлечь виновное лицо к ответственности, суду нужно было продемонстрировать неоспоримые доказательства, указывающие на грубое нарушение правил охоты. Как следствие, достичь поставленной цели было, в общем-то, невозможно. Существовал постулат, гласящий о том, что «задержавший производящего охоту, например, в лесу, будучи доносителем, не может уже быть против него свидетелем» [2, с. 12]. Именно по этой причине, по мнению ученого, браконьеры избегали соответствующего наказания.

Существование данного рода указов сохранялось на территории нашей страны вплоть до конца XIX века, до издания первого нормативно-правового акта, объединившего в себе все запреты и ограничения того времени и упорядочившего правила охоты в одном законе. Процесс реформирования охотничьего законодательства в тот период времени протекал на протяжении почти полувека. Первой попыткой преобразовать действовавшие указы путем создания единого закона принято считать предложения министра внутренних дел С. С. Ланского, направленные императору Александру II в 1858 году. Предложения министра не нашли поддержки царя и без какого-либо обсуждения остались без внимания.

В рамках формирования судебной реформы 20 ноября 1864 года Александром II был утвержден «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

В данном законе содержались положения двух норм (статьи 57 и 146), регламентирующих уголовную ответственность за незаконную охоту и рыбную ловлю, совершенную в нарушении предписанных правил, в запрещенный период времени и недопустимыми способами, на территории чужих землевладений, а также за продажу незаконно добытой дичи. Наказание за их совершение заключалось в виде денежного взыскания на сумму, не превышающую 25 рублей. Данный вид наказания был не слишком суров. Например, врач в тот период времени получал около 3 тыс. 500 рублей в год, или 291 рубля в месяц.

Данный устав стал первым нормативно-правовым актом, отделившим общественно-опасные деяния от административных правонарушений.

В данный период времени вопрос реформирования и систематизации правил охоты стоял довольно остро. Общественность, политические деятели, ученые, активно обсуждали сложившиеся устои. Всех их объединяло одно — стремление к совершенствованию, изданию эффективного, функционального и понятного всем закона. Это объясняет тот факт, что с 1858 до 1892 года в Госсовет поступило10 различных либо переработанных проектов закона об охоте:

1) проект 1858 года Министерства внутренних дел;
2) проект 1861 года правил охоты в Остзейских губерниях;
3) проект 1867 года правил весенней охоты графа Валуева;
4) проект 1868 года правил охоты, переработанный по замечаниям министерств;
5) проект 1869 года о весенней охоте;

6) проект общего закона 1871 года об охоте Министерства внутренних дел;

7) правила охоты 1871 года для губерний Привислянских;

8) проект 1872 года барона Ливена и управляющего Морским министерством Краббе;

9) проект 1874 года временных правил об охоте;

10) правила охоты 1877 года для губернии Курляндской.

Все поступившие предложения были рассмотрены и учтены Министерством государственных имуществ при разработке нового проекта в 1889 году [1, с. 25 —29]. Несмотря на наличие обширного материала, его подготовка, рассмотрение и утверждение заняли почти 3 года. Только 3 февраля 1892 года закон был одобрен и подписан императором Александром III.

При рассмотрении законопроекта до членов Государственного совета было доведено общее мнение охотников, которое, несомненно, актуально по настоящий день: «Как бы ни были строги карательные меры за незаконную охоту, они только тогда могут принести ожидаемую пользу, когда будет установлен действительный и строгий надзор за их исполнением». Кроме того, Министерство государственных имуществ разъяснило, что охота — это не только стрельба по диким животным и птицам, но и само нахождение в охотничьих угодьях с пригодными для нее орудиями, а также поиск животных и их ожидание [2, с. 18, 108—109].

В 1892 году в России появляется первая норма, запрещающая транспортировку продукции охоты. При этом было не важно, каким видом транспорта осуществлялась транспортировка.

Так, пунктом 4 приложения «Об утверждении правил охоты» закона 3 февраля 1892 года «Об охоте» в статьи 57 и 146 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, внесены изменения, направленные на усиление ответственности за их нарушение и пресечение правового нигилизма. Пункт гласил: «За разнос, развоз, продажу и покупку для продажи дичи в запрещенное время виновные подвергаются денежному взысканию по двадцати пяти рублей за каждого найденного у них лося, оленя или дикого козла, а также за каждую дикую козу степной или горной породы, и по одному рублю за каждую штуку другой дичи» [2, с. 12].

Статьи 25 и 184 правил охоты также содержали запрет на перенос и перевоз, продажу и покупку дичи спустя 10 дней после срока, не позволявшего на нее охотиться. Если человек провозил или торговал в городах и селах дичью в период запрещенной на нее охоты, ему назначался денежный штраф: первый раз — десять рублей, второй — двадцать рублей, третий — сорок рублей. Что касается дичи, то она подлежала конфискации и продаже в благотворительные заведения.

Появление такого понятия, как уголовная ответственность за транспортировку незаконно пойманных животных, имело свои причины. К ним относились развитие природоохранного законодательства (конец XIX — начало XX веков) и растущее сокращение отдельных видов животных. Важно отметить, что запрет на провоз и торговлю дичью был узаконен из-за хищнического истребления пушных зверей, шкуры которых представляли особую ценность как на внутреннем рынке страны, так и вне её границ. С XVIII века всю добываемую пушнину в больших объемах сбывали в азиатские страны. Далее, минуя государственный учет, она оказывалась

на европейских рынках. Правовой нигилизм и стремительно развивающийся промысел в итоге привели к резкому сокращению популяции куницы, выдры, соболя, лося, зубра, изюбра, косули, благородного оленя, амурского тигра, дальневосточного леопарда. Многие из перечисленных животных вплоть до сегодняшнего дня находятся на грани вымирания.

Уголовная ответственность за транспортировку незаконно добытых животных сохранилась и в Уголовном уложении 1903 года, в статье 251, при этом диспозиция статьи и наказание за её нарушение не изменились [3].

Анализируя указанный период, можно с уверенностью сказать, что принятые меры, интенсивность рассмотрения и обсуждения законопроектов лишь подчеркивает всю значимость рассматриваемой проблемы. Становится очевидным, что данное направление стало одним из приоритетных в политике государства. Как итог, по всей стране стали появляться заповедники, интегрировались правила охоты. В данное время законодатель впервые раскрыл сущность охоты, описал её виды и способы, попавшие под ранг «запрещено».

В стране активно начали развиваться общества охотников, ключевыми функциями которых становилось информирование граждан о важности бережного и трепетного отношения к животному миру и его представителям, осуществление мероприятий по их охране и соблюдению правил при производстве охоты.

Первое общество охотников сформировалось 25 ноября 1862 года в Москве. Оно получило название Московского общества охоты имени императора Александра II. На тот момент его численность составляла около 30 человек, а к 1896 году уже насчитывало 160.

К началу XX века в России уже было около 310 сходных обществ, что подтверждает готовность соблюдать правила охоты и выступить против браконьерства.

До начала XX века основным видом транспорта в России являлся гужевой. Лошади были задействованы во всех сферах жизнедеятельности общества и, конечно же, при осуществлении охоты в том числе. Верховая езда облегчала поиск, выслеживание и преследование диких животных, сокращала время производства охоты.

Впервые запрет на применение лошади при осуществлении поиска диких животных появился 11 августа 1922 года в Правилах производства охоты, её сроках и способах, утвержденных постановлением Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров. Статьей 13 запрещалась добыча зверей и птиц давящими или какими-либо иными орудиями и способами, например, применением петель, плашек, черканов, капканов, птичьего клея, а также охота «скрадом при помощи кобылки или щита».[1]

Обоснованность запрета производства охоты скрадом обусловлена повышенной скрытностью и маскировкой при использовании лошади или щита, что в тот период времени являлось недопустимым.

---

[1] Об охоте: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 1 марта 1923 г. [Электронный ресурс]. — доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс». Источник: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3727#022842232622913206. — (дата обращения: 21.12.2020).

С приходом к власти большевиков в стране началась разработка нового природоохранного законодательства. 20 июня 1920 года появился декрет «Об охоте», разрешающий охотиться всем совершеннолетним гражданам, а также закрепивший надзор по соблюдению правил охоты не только за государственными органами, но и за стремительно развивавшимися в то время охотничьими организациями.

Спустя 2 года, 1 июня 1922 года вступил в силу Уголовный кодекс РСФСР. Первая редакция статьи 99 содержала норму, запрещающую охоту вне предусмотренных сроков, мест, способов и приемов. Её нарушение грозило лишением свободы до одного года. Незаконно добытые животные, птицы, орудия охоты или лова подлежали конфискации. Также виновный мог получить штраф до 500 рублей золотом. Стоит отметить, что данная норма просуществовала весьма мало. Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 года «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» она была декриминализирована. В период с 1924 по 1928 годы ответственность за нарушение охотничьего законодательства предусматривала только административный характер.

В редакции Уголовного кодекса РСФСР от 28 мая 1928 года вновь появляется норма, запрещающая охоту вне предусмотренных сроков, мест, способов и приемов. Максимальное наказание за её нарушение — лишение свободы на срок до шести месяцев. Дополнительным выступал штраф до 300 рублей и конфискация добытой продукции. В 1932 году санкции статьи были расширены конфискацией орудий охоты [4].

В 1960 году в новой редакции УК РСФСР [5] ответственность за незаконную охоту нашла свое отражение в статье 166. В части 1 общественно опасным деянием признавалась охота без соответствующего разрешения, в запрещенных местах, вне установленных сроков, недопустимыми орудиями и способами, если эти действия совершены после применения мер административного воздействия за такое же правонарушение. Наказание могло быть двух видов: исправительные работы на срок до одного года или штраф до двухсот рублей. Частью 2 запрещалась охота на зверей и птиц, добыча которых полностью запрещена, а также незаконная охота, повлёкшая причинение крупного ущерба. Виновный в её совершении подлежал наказанию в виде лишения свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до пятисот рублей с конфискацией добытого и орудий охоты.

Применение административно-правовой преюдиции для установления признаков уголовно-наказуемого деяния свидетельствовал об очередном шаге органов государственной власти к снижению уровня общественной опасности за нарушение правил охоты.

Развитие машиностроительной отрасли государства, доступность и разнообразие различных видов техники, облегчающих производство охоты, явилось ключевым фактором в появлении в части 2 статьи 166 УК РСФСР (в ред. от 15 декабря 1972 года) запрета на применение автомототранспорта в процессе производства охоты. За совершение данного вида преступления виновный подлежал лишению свободы на срок до трех лет с конфискацией добытого, ружей и орудий охоты [5].

Эта же норма нашла свое отражение в новых правилах охоты, утвержденных приказом Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете

министров РСФСР от 1 марта 1974 года № 66 [6]. Кроме того, статья 14Типовых правил охоты РСФСР 1974 года значительно расширила понятие запрещенных орудий и способов охоты. В частности впервые появился запрет на применения в процессе охоты самолетов и вертолетов, добыча водоплавающей дичи с катеров и моторных лодок с невыключенным мотором, а также диких животных из-под фар или с применением других световых устройств.

4 января 1988 года приказом Главохоты РСФСР № 1 вступили в силу новые Типовые правила охоты в РСФСР [7].

Пункт 1 правил закрепил понятие охоты. Так, под охотой понималось выслеживание с целью добычи, преследование и сама добыча диких зверей и птиц, находящихся в состоянии естественной свободы в природных условиях. Также правила оставили актуальным запрет на применение автомототранспортных средств для преследования и добычи любых видов животных, а также производство выстрелов со всех видов автомототранспортных средств, за исключением стрельбы с плавающих средств с выключенным мотором.

Последняя редакция статьи 166 УК РСФСР от 30 июля 1996 года [8] дополнительно к вышеуказанным санкциям предусмотрела наказание в виде исправительных работ до одного года или штрафом до двух минимальных месячных размеров оплаты труда (по части первой). По части второй ответственность предусматривалась только в виде лишения свободы на срок до трех лет с конфискацией добытого, ружей и других орудий охоты или без таковой.

Обобщая период развития законодательства во время Советского Союза в сфере охраны объектов животного мира, можем сделать вывод о неоднозначности подходов органов государственной власти при решении вопросов противодействия фактам незаконной охоты.

Декриминализация данных деяний и применение в последующем принципа повторности при определении уровня общественной опасности за нарушение правил охоты подтверждает снижение заинтересованности в экологической безопасности страны, наличие других более важных вопросов, требующих государственного регулирования. А тот факт, что с 1972 по 1983 годы Пленум Верховного Суда СССР трижды обобщал практику применения судами законодательства об охране диких животных, издавая соответствующие постановления [9], разъясняющие положения действующего законодательства, правила квалификации и назначения наказания, свидетельствует о наличии у правоохранительных и судебных органов проблемных вопросов применения действующих нормативных правовых актов.

24 мая 1996 года Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принят действующий в настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) [10], подчеркнувший значимость экологической целостности государства и незыблемости её аспектов. Глава 26 закрепила в своей структуре 17 статей, предусматривающих ответственность за экологические преступления.

Появление в УК РФ данной главы, безусловно, свидетельствует о выделении вопросов, связанных с экологией, в категорию приоритетных, всей важности

и необходимости принятия своевременных мер по сохранению природных ресурсов и видового разнообразия животного мира.

В пункте «б» части 1 статьи 258 УК РФ законодатель ушел от понятия «автомототранспорт», заменив его «механическим транспортным средством». За его применение в процессе незаконной охоты виновный подлежал наказанию в виде штрафа от двухсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев. Часть вторая закрепила уголовную ответственность за то же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, максимальным наказанием за которое предусматривалось лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

В начале 2000-х годов размер штрафа за данный вид преступления был незначительно увеличен. По части 1он составил до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до восемнадцати месяцев, по части второй — от ста тысяч до трехсот тысяч рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет.

Спустя семь лет, в 2010 году, часть 1 статьи 258 УК РФ дополнили ещё одним видом уголовной ответственности — обязательными работами на срок от 180 до 240 часов. Спустя ещё год — увеличили срок наказания до 480 часов.

В общем и целом данная уголовно-правовая норма продолжительное время сохраняла свой вид неизменным. С увеличением числа экологических преступлений стала очевидной необходимость принять соответствующие меры реагирования. Однако эффективно противостоять браконьерству правоохранительным и судебным органам было затруднительно.

1 апреля 2010 года вступил в силу Федеральный закон от 24 июля 2009 года № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», объединяющий 13 глав и 72 статьи, раскрывающий основные понятия, принципы правового регулирования в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов, порядок предоставления земель для осуществления деятельности в сфере охотничьего хозяйства, полномочия органов государственной власти и многое другое.

В пункте 5 статьи 1 законодатель расширил понятие охоты, указав, что под данным видом деятельности понимается поиск, выслеживание, преследование охотничьих ресурсов, их добыча, первичная переработка и транспортировка. При этом под добычей следует считать отстрел или отлов животных [11]. Каких-либо разъяснений относительно транспортировки законодатель не указал. Данный факт, конечно же, сказался на правоприменительной практике привлечения лиц к уголовной ответственности за данный вид преступлений.

В рамках реализации указанного федерального закона приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 16 ноября 2010 года № 512 утверждены новые правила охоты, вступившие в силу только в 2012 году. В их

разработке, помимо государственных органов, принимала участие общественность, что, безусловно, отразилось на их функционале.

В них, как и в Типовых правилах 1988 года, сохранился запрет на применение механических транспортных средств при производстве охоты, однако разъяснение применяемых понятий также отсутствовало. В пункте 4 законодатель указал, что транспортировка продукции охоты и её реализация производится при наличии разрешения на добычу охотничьих ресурсов, в котором сделана соответствующая отметка о добыче этих животных или при наличии заполненного отрывного талона к указанному разрешению.

Для разъяснения указанных норм и единого подхода по их применению постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [12] акцентировало внимание судов на то, что статьей 42 Конституции Российской Федерации [13] гарантировано право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение причиненного вреда. Реализация же положений, предусмотренных частью 1 статьи 9, частью 2 статьи 36, статьей 58 Конституции Российской Федерации, обеспечивается в том числе путем правильного применения законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования.

Также Пленум ВС РФ указал, что под механическими транспортными средствами в пункте «б» части 1 статьи 258 УК РФ следует понимать автомобили, мотоциклы, мотонарты, снегоходы, катера, моторные лодки и другие транспортные средства, приводимые в движение двигателем. Лицо может быть признано виновным в незаконной охоте, совершенной с применением механического транспортного средства только в случае, если с их помощью велся поиск животных, их выслеживание или преследование в целях добычи либо они использовались непосредственно в процессе их добычи (например, отстрел птиц и зверей производился из транспортного средства во время его движения), а также осуществлялась транспортировка незаконно добытых животных. Использование указанных средств для доставки людей или орудий охоты к месту её проведения не является охотой с применением механического транспортного средства. Указанные действия при наличии к тому оснований могут быть квалифицированы как соучастие в незаконной охоте в форме пособничества[12].

С одной стороны, положения Пленума ВС РФ разъяснили ряд проблемных аспектов, с другой — создали новые. В их числе правоприменительные органы особое внимание обратили на использование транспортных средств в целях поиска диких животных для их последующей незаконной добычи, перевозку, в том числе с применением иных транспортных средств, фрагментов туш животных без видимых признаков насильственной смерти и туш животных без первичной переработки с видимыми признаками незаконной добычи после их приобретения у неустановленных лиц.

В 2013 году в рамках борьбы с браконьерством, в связи со стремительным сокращением популяции отдельных видов животных, находящихся под угрозой исчезновения, Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ «О внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 150-ФЗ) УК РФ дополнен статьей 258.1 «Незаконные добыча и оборот ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации» [14]. В части первой законодатель закрепил ответственность за незаконную добычу, содержание, приобретение, хранение, перевозку, пересылку и продажу особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частей и производных. Наказание за данный вид преступлений учитывало обширный перечень. Максимальным являлось лишение свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до двух лет с ограничением свободы на срок до одного года. Дополнительными квалифицирующими признаками, указанными в частях второй и третей, признавалось совершение тех же деяний должностными лицами с использованием своего служебного положения или организованной группой.

До данного временного периода незаконная охота традиционно считалась преступлением небольшой тяжести.

С введением в уголовный закон данной нормы, часть вторую законодатель впервые отнес к категории средней тяжести, предусмотрев ответственность в виде лишения свободы на срок до пяти лет, часть третью — к категории тяжких, с лишением свободы на срок от пяти до семи лет со штрафом в размере до двух миллионов рублей с ограничением свободы на срок до двух лет и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Через пять лет, в 2018 году, вслед за Федеральным законом № 150-ФЗ последовали изменения статьи 258 УК РФ, в том числе применяемых санкций. Федеральным законом от 27 июня 2018 года № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [15] штраф за совершение преступления, предусмотренного частью 1 увеличен с двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей, арест и обязательные работы заменены лишением свободы на срок до двух лет. Штраф по части 2 увеличен с трехсот тысяч до одного миллиона рублей, лишение свободы — с двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо без такового.

Спустя почти полтора века с момента появления первого запрета на применение транспортного средства при осуществлении поиска диких животных и истории существования правил охоты в виде нормативного правового акта, регулирующего общественные отношения по добыче диких животных, в Правилах охоты, утвержденных приказом Минприроды России от 24 июля 2020 г. № 477 [16], впервые появляется понятие «транспортировка». Согласно пункту 5.7 Правил охоты, любое перемещение охотничьих животных или их частей является транспортировкой.

Исходя из указанных положений, новые Правила охоты запретили любое перемещение диких животных без необходимых документов, при этом неважно, добыто оно или погибло.

Пункт 6 данных Правил особо не изменился. Он разъясняет, что транспортировка продукции охоты и ее реализация производится при наличии разрешения на добычу охотничьих ресурсов, в котором отражены данные о добытых животных и их количестве или при наличии заполненного отрывного талона к указанному разрешению. Если в разрешении на добычу охотничьих ресурсов указана норма допустимой добычи более одной особи охотничьих животных в день, либо не указано конкретное количество особей охотничьих животных или норма допустимой добычи в сезон, транспортировка соответствующей продукции охоты осуществляется при наличии разрешения на добычу охотничьих ресурсов без соответствующего отражения в нем сведений. А пункт 65 напрямую запретил любое перемещение и разделку диких животных (в том числе погибших) или их частей без соответствующих документов (охотничьего билета, разрешения на хранение и ношение оружия, разрешения на добычу охотничьих ресурсов, разрешения на содержание животных и их разведение в полувольных условиях или искусственно созданной среде обитания).

Усиление ответственности за незаконную охоту, принятие новых Правил охоты явились результатом работы органов государственной власти в рамках реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённых Президентом Российской Федерации 28 апреля 2012 года.

Данными Основами определена стратегическая цель государственной политики в области экологического развития — решение социально-экономических задач, обеспечивающих сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, соблюдения прав каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

В настоящее время органами исполнительной принят к исполнению утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2012 года № 2423-р план действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [17], содержащий 102 мероприятия, в том числе направленные на:

1) улучшение нормативной правовой базы, направленной на обеспечение охраны окружающей среды;

2) создание эффективной системы управления в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, в целях улучшения системы взаимодействия государственных органов и руководства их деятельности;

3) создание экономических механизмов, помогающих обеспечить экологическую безопасность;

4) повышение уровня экологической культуры, качественное развитие системы экологического образования и воспитания.

Подводя итог, важно отметить: история уголовной ответственности за незаконную охоту, осуществляемую при помощи транспортных средств, показывает, что с момента её структурирования, данная норма являлась бланкетной, неразрывно интегрированной с правилами охоты и иными нормативными правовыми актами, определяющими порядок получения разрешений на добычу животных.

Анализ данных о генезисе российского законодательства относительно ответственности за незаконную охоту, совершенную с применением транспортных средств, обнаружение предпосылок формирования и развития уголовного закона, помогли определить, что в течение столетий сохранение объектов животного мира и среды их обитания являлось одним из основополагающих, доминирующих направлений деятельности государства.

Изначально, в древнем первобытном обществе, конкретных правил охоты не было, ибо данный вид деятельности являлся основным источником добычи пищи, одежды и орудий труда. Это являлось естественной деятельностью первобытных людей. В Средние века в связи с аналитическим прогрессом человека и соответственно совершенствованием способов добычи, дальнейшим сокращением популяции отдельных видов диких животных, формируются первые запреты и ограничения, касающиеся производства охоты и сроков её проведения. Ответственность за их нарушение была разноплановой: от смертной казни в период правления царя Ивана IV Грозного до физических увечий и огромных штрафов Петра I.

В советскую эпоху форма уголовной ответственности за незаконную охоту стала весьма противоречивой, в первую очередь из-за декриминализации данных деяний и применения в последующем принципа повторности при определении уровня общественной опасности за нарушение правил охоты.

Правовое положение рассмотренных периодов развития общества, сформировали базу современного законодательства, почву для уголовной ответственности за незаконную охоту, совершенную с применением транспортных средств.

В настоящее время законодательство в области охраны окружающей среды и природопользования имеет положительную динамику к усилению ответственности за незаконную охоту. Стратегическая цель государственной политики, ее основной курс — это сбережение должного уровня окружающей среды, сохранение биологического разнообразия природных ресурсов для следующих поколений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Гартфельд А. А. Ответственность за незаконную охоту в истории России досоветского периода: моногр. / А. А. Гартфельд, Б. А. Молчанов. — М.: Изд-во: «Русайнс», 2016. — 192 с.

2. Туркин Н. В. Закон об охоте 3 февраля 1892 года: С ист. очерком и мотивами, с прил. оставшихся в силе законоположений об охоте и таблиц сроков охоты /Н. В. Туркин. — М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1892. — 214 с.

3. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. —СПб.: Изд-во В. П. Анисимова, 1903. —250 с.

4. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») (ред. от 28.05.1928) // Собрание узаконений и распоряжений. — 1926. — № 80. — Ст. 600.

5. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) (ред.от 27.12.1968) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1969. — № 1. — Ст. 1.

6. Об утверждении Типовых правил охоты в РСФСР: Приказ Главохоты РСФСР от 1 марта 1974 г. № 66 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/9042844. — (дата обращения: 21.12.2020).

7. Об утверждении новых Типовых правил охоты в РСФСР: Приказ Главохоты РСФСР от 4 января 1988 г. № 1 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/9040813. — (дата обращения: 21.12.2020).

8. О внесении изменений и дополнений в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон от 30.07.1996 г. № 103-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 1996. № 146.

9. О практике применения судами законодательства об охране природы: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 апреля 1972 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1972. — № 5.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.04.2021) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

11. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ // СЗ РФ. — 2009. — № 30. — Ст. 3735.

12. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановления Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 12.

13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. —2020. — № 144.

14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ // СЗ РФ. — 2013. —№ 27. — Ст. 3442.

15. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ // Российская газета. — 2018. — № 139.

16. Об утверждении Правил охоты: Приказ Минприроды России от 24 июля 2020 г. № 477 (Зарегистрировано в Минюсте России 31.08.2020 г. № 59585) [Электронный ресурс]. — Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс». Источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361066/. (дата обращения: 21.12.2020).

17. О плане действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г. (с изменениями и дополнениями): Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2012 г. № 2423-р // СЗ РФ. — 2012. — № 52. — Ст. 7561.

REFERENCES:

1. Gartfeld A.A. Responsibility for illegal hunting in the history of Russia in the pre-Soviet period: monograph. / A.A. Gartfeld, B.A. Molchanov. - M.: Publishing house: "Rusigns", 2016. - 192 p.

2. Turkin N.V. Law on hunting February 3, 1892: From the East. essay and motives, with adj. the laws on hunting remaining in force and tables of hunting periods /N.V. Turkin. — M.: Type. M.G. Volchaninova, 1892. - 214 p.

3. The new criminal code, approved by the Highest on March 22, 1903. - St. Petersburg: Publishing House of V.P. Anisimov, 1903. - 250 p.

4. On the Enactment of the Criminal Code of the R.S.F.S.R. edition of 1926: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926 (together with the "Criminal Code of the R.S.F.S.R.") (as amended on May 28, 1928) // Collection of legalizations and orders. — 1926. — No. 80. - Art. 600.

5. The Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on October 27, 1960) (as amended on December 27, 1968) // Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR. - 1969. — No. 1. — Art. one.

6. On the Approval of the Model Rules for Hunting in the RSFSR: Order of the Chief Hunting Officer of the RSFSR dated March 1, 1974 No. 66 [Electronic resource] // Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents. — Access mode: https://docs.cntd.ru/document/9042844. — (date of access: 12.21.2020).

7. On the approval of the new Model rules for hunting in the RSFSR: Order of the Chief Hunting Officer of the RSFSR dated January 4, 1988 No. 1 [Electronic resource] // Electronic fund of legal and regulatory and technical documents. — Access mode: https://docs.cntd.ru/document/9040813. — (date of access: 12.21.2020).

8. On introducing amendments and additions to the RSFSR Code of Administrative Offences, the RSFSR Criminal Code and the RSFSR Criminal Procedure Code: Federal Law No. 103-FZ of July 30, 1996 (as amended and supplemented) // Rossiyskaya Gazeta. 1996. No. 146.

9. On the practice of application by courts of legislation on nature protection: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of April 11, 1972 No. 1 // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. — 1972. — No. 5.

10. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 8, 2021) // SZ RF. — 1996. — No. 25. — Art. 2954.

11. On hunting and on the conservation of hunting resources and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 24, 2009 No. 209-FZ // C3 RF. - 2009. — No. 30. — Art. 3735.

12. On the application by the courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management: Decrees of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2012 No. 21 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2012. — No. 12.

13. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. — 2020. — No. 144.

14. On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 150-FZ of July 2, 2013 // SZ RF. - 2013. - No. 27. - Art. 3442.

15. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of June 27, 2018 No. 157-FZ // Rossiyskaya Gazeta. - 2018. — No. 139.

16. On the approval of the Hunting Rules: Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated July 24, 2020 No. 477 (Registered with the Ministry of Justice of Russia on August 31, 2020 No. 59585) [Electronic resource]. — Access from reference. — legal system "Consultant Plus". Source: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361066/. (date of access: 12.21.2020).

17. On the action plan for the implementation of the Fundamentals of the state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030 (with amendments and additions): Decree of the Government of the Russian Federation of December 18, 2012 No. 2423-r // C3 RF. — 2012. — No. 52. — Art. 7561.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уфимцев Иван Александрович. Эксперт отдела по работе с правовыми подразделениями Организационного управления Договорно-правового департамента МВД России. 119049, Россия, Москва, ул. Житная, 12 «А».

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ufimtsev Ivan Alexandrovich, Expert of the Department for work with legal Units of the Organizational Department of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 12"A", Zhitnaya st., Moscow, Russia, 119049.

Статья поступила в редакцию 01.08.2021; одобрена после рецензирования 08.08.2021; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 01.08.2021; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 132—141.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no.2 (101). pp.132 —141.

12.00.09. Уголовный процесс

Научная статья
УДК 343.13
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.10.25.011

К ВОПРОСУ О ЗАДЕРЖАНИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Гапонова Валентина Николаевна
Восточно-Сибирский институт МВД России г. Иркутск, Российская Федерация, Иркутск, valentina3886@mail.ru

Введение: в статье рассматривается мера уголовно-процессуального принуждения — задержание. Автором анализируются точки зрения различных авторов, касающиеся правовой природы задержания, его сущности и значении в уголовном судопроизводстве, представлены собственные суждения автора по рассматриваемой теме исследования. Исследованы некоторые проблемы правоприменительной практики, связанные с исчислением срока задержания, процессуального порядка применения данной меры процессуального принуждения.

Методы и материалы: нормативно-правовую базу исследования составили, Конституция Российской Федерации, УПК РСФСР 1960 г., действующее уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующие меру процессуального принуждения — задержание, а также научные работы в области уголовного процесса, касающиеся исследуемой проблематики. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили рассмотреть, уточнить и обобщить отдельные положения, касающиеся правовой природы задержания, проблемных вопросов, связанных непосредственно с применением данной меры процесссуального принуждения.

Сделан вывод о том, что, несмотря на законодательное отнесение задержания к мерам процессуального принуждения, понимание его правовой природы остается дискуссионным вопросом в научной литературе, ведь задержание есть многогранное правовое явление, т. к. содержит в себе криминалистические, административные и иные аспекты. Вполне обоснованным, логичным и правильным представляется исчисление срока задержания осуществлять с момента попадания подозреваемого в поле зрения лица, производящего расследование по уголовному делу, т. е. с момента доставления.

© Гапонова В. Н., 2022

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, задержание, мера процессуального принуждения, срок задержания, момент фактического задержания.

Для цитирования: Гапонова В. Н. К вопросу о задержании в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С. 132—141.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.10.25.011

12.00.09. Criminal Process

Original article

TO THE QUESTION OF DETENTION IN CRIMINAL JUDICIAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Valentina N. Gaponova
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk, valentina3886@mail.ru

Introduction: The article considers a measure of criminal procedural coercion — detention. The author analyzes the points of view of various authors regarding the legal nature of detention, its essence and significance in criminal proceedings, presents the author's own judgments on the topic of research under consideration. Some problems of law enforcement practice related to the calculation of the period of detention, the procedural order for the application of this measure of procedural coercion are investigated.

Methods and materials: the legal framework of the study was made up by the Constitution of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1960, the current criminal procedure legislation regulating the measure of procedural coercion — detention, as well as scientific work in the field of criminal procedure related to the issues under study The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The result of the study: made it possible to consider, clarify and summarize certain provisions regarding the legal nature of detention, problematic issues related directly to the application of this measure of procedural coercion.

It is concluded that, despite the fact that the legislator attributed the detention to the measures of procedural coercion, the understanding of its legal nature remains a debatable issue in the scientific literature, because detention is a multifaceted legal phenomenon, as it contains forensic, administrative and other aspects. It seems quite reasonable, logical and correct to calculate the period of detention from the moment the suspect enters the field of view of the person conducting the investigation in the criminal case, that is, from the moment of delivery

Key words: criminal procedure legislation, detention, measure of procedural coercion, term of detention, moment of actual detention.

For citation: Gaponova V. N. K voprosu o zaderzhanii v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii [To the question of detention in criminal judicial proceedings in Russia]. Vestnik Vos-

tochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 132—141 (in Russ.)/
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.10.25.011

Вовлечение граждан в уголовное судопроизводство неразрывно связано с ограничением основных прав и свобод последних. При применении такой меры процессуального принуждения, как задержание ограничивается неприкосновенность личности и её право на свободу передвижения. Любое действие правоохранительных органов, которое непосредственно связано с ограничением прав и свобод гражданина, должно быть строго регламентировано в целях возможности обосновать его необходимость и законность, не нарушая при этом конституционных прав и свобод.

В связи с этим процедурные правила, связанные с уголовно-процессуальным задержанием, должны быть четко сформулированы в законе.

Так, за 2018 год следователями задержано 84 тыс. 383 лиц, подозреваемых в совершении преступлений, освобождено 12 тыс. 109, из них: 11 тыс. 262 — в связи с отсутствием оснований для применения заключения под стражу, 199 — в связи с неподтверждением подозрения; за 2019 год всего задержано — 77 тыс. 223, освобождено 11 тыс. 313, из них: 10 тыс. 399 — отсутствие оснований для применения заключения под стражу, 172 — неподтверждение подозрения; за 2020 — 72 тыс. 87, всего освобождено — 12 тыс. 271, из них: 11 тыс. 74 — отсутствие оснований для применения заключения под стражу, 246 — за неподтверждением подозрения; за 2021 год — 72 тыс. 321, освобождено 11 тыс. 593, из них: 10 тыс. 327 — отсутствие оснований для применения заключения под стражу, 154 — подтверждением подозрения соответственно[1].

Несмотря на общую тенденцию снижения количества задержанных лиц, подозреваемых в совершении преступления, каждый седьмой задержанный, в порядке ст. 91—92 УПК РФ, подлежит освобождению, в том числе и на основании неподтверждения подозрения в совершении преступления, что нарушает существенно нарушает его конституционные права и свободы, а также дает право на реабилитацию.

Такое положение вещей связано, в том числе и с несовершенством законнодательного регулирования института задержания в уголовном судопроизводстве.

Во-первых, это связано с определением сущности института задержания.

Несмотря на то, что уголовно-процессуальный закон отнес институт задержания к мерам процессуального принуждения, вопрос его правовой природы в юридической литературе остается дискуссионным.

Существует два основных подхода к определению сущности задержания. Согласно первому, задержание — мера уголовно-процессуального принуждения, которая заключается в кратковременном лишении лица, подозреваемого в совершении преступ-

[1] Результаты работы следователей и органов дознания ОВД с 2018—2021 гг. // Официальный сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» [Электронный ресурс]. — URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=SbLong&go= showcat&cid= 147 (дата обращения: 19.02.2022).

ления, права на свободу. Данного подхода придерживаются В. Н. Григорьев, Б. Я. Гаврилов, Л. В. Головко и другие авторы [1, с. 42; 2, с. 66—67; 3, с. 139; 4, с. 524—525].

Согласно второму подходу, задержание по своей правовой природе ближе к следственному действию. Сторонники данного подхода ссылаются, в частности, на то, что советский законодатель при формулировании диспозиции ст. 119 УПК РСФСР прямо причислил задержание к числу неотложных следственных действий. Авторы, которые высказывают подобную точку зрения, делятся на два направления, одно из которых можно назвать узким, а второе — широким. Представители «узкого» подхода к определению сущности задержания — Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин, и др. [см. напр.: 5, с. 108—109]. Данные авторы рассматривают в качестве следственных действий только механизмы поисково-познавательной направленности. Представители «широкого» подхода: И. М. Лузгин, А. М. Ларин, И. Ф. Герасимов, А. П. Кругликов и др. понимают под ними любые процессуальные формы деятельности органов предварительного расследования [см.: 6, с. 69; 7, с. 93; 8, с. 147—148; 9, с. 58].

Именно широкий правовой подход небезосновательно может дать почву относить задержание к следственным действиям «как форму реализации государственно-властных полномочий органами дознания или предварительного следствия» [10, с. 180].

На данный момент дискуссия потеряла остроту в связи с тем, что законодатель занял позицию, согласно которой задержание подозреваемого включено в систему мер процессуального принуждения.

При анализе различных положений УПК РФ, регламентирующих задержание подозреваемого, прослеживается различный правовой смысл данного понятия. Согласно п. 11 ст. 5 УПК РФ, задержание есть мера процессуального принуждения. Однако «задержание подозреваемого» включает целую совокупность процессуальных действий, регламентированных главой 12 УПК РФ. В частности, данное множество включает допрос подозреваемого (ч. 4 ст. 92 УПК РФ), его личный обыск (ст. 93 УПК РФ), направление уведомлений (ч. 3 ст. 92, ст. 96 УПК РФ) и т. д. Как указывают И. Е. Быховский, С. А. Шейфер [11, с. 90—92] и др. авторы, в структуру категории «задержание» включаются и отдельные поисково-познавательные элементы, что позволяет говорить о наличии признаков следственных действий в понятии «задержание».

Вместе с тем в научной литературе имеется небезынтересная точка зрения относительно правовой природы задержания С. Б. Россинского [12], который, говоря о сущности задержания, выделяет четыре аспекта:

1. Задержание подозреваемого — это мера процессуального принуждения.

2. Задержание подозреваемого — это процессуальная комбинация, под которой понимается «предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс определенных взаимообусловленных следственных и иных процессуальных действий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения».

3. Задержание подозреваемого — это тактическая операция. При наличии данного элемента становится понятно, почему задержание выходит за рамки регулирования УПК РФ. При широком подходе к понятию задержания в нем можно выявить, по мнению С. Б. Россинского, следующие признаки тактической операции: содержит совокупность различных по правовому режиму актов правоохранительной деятельности

(следственные, оперативно-розыскные, административно-правовые и организационно-технические).

Задержание подозреваемого — это совокупность режимных мероприятий, которые обусловливают помещением лица в изолятор временного содержания [10, с. 179—181].

Таким образом, основным проблемным вопросом выступает определение правовой природы задержания.

Представляется, что различные подходы не столько противостоят друг другу, сколько характеризуют разные проявления задержания как правового явления.

Однако, несмотря на то, что понимание правовой природы задержания остается дискуссионным вопросом, законодатель однозначно относит само задержание к мерам процессуального принуждения, с этим нельзя не согласиться, однако, как верно замечено С. Б. Россинским, задержание есть многогранное правовое явление, так как содержит в себе криминалистические, административные и иные аспекты [10, с. 181; 13, с.80-81].

Вместе с тем, помимо неопределённости правовой природы и сущности задержания, существует ряд неопределенностей, связанных непосредственно с применением данной меры процессуального принуждения.

Порядок задержания определен ст. 92 УПК РФ и представляет собой последовательность действий, первым из которых выступает фактическое задержание лица. Под фактическим задержанием понимаются принудительные физические действия уполномоченных субъектов по лишения лица свободы передвижения, подозреваемого в совершении преступления [14, с. 143]. Момент фактического задержания лица законодатель определил, как «момент производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления». Далее лицо должно быть доставлено в орган дознания или к следователю. Общий срок задержания подозреваемого, согласно ч. 1 ст. 10 УПК РФ не может превышать 48 часов с момента фактического задержания лица.

Процедура и правила доставления в органы дознания или к следователю законодателем не урегулирована. Еще большей неопределенности добавляет расхождение в терминах «момент фактического задержания» и «момент задержания». Первое понятия применяется в п.п. 11 и 15 ст. 5, п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ и, по сути, определяет момент непосредственного физического ограничения свободы подозреваемого, а второе в ч. 3 ст. 92, ч.ч. 2 и 3 ст. 94, ст. 96, ст. 100 УПК РФ определяет момент доставления лица в органы дознания или к следователю.

Как указано выше, законодатель под фактическим задержанием предусматривает момент «фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления». Во-первых, отметим тавтологию, которую использует законодатель, определяя «фактическое» задержание через «фактическое» лишение свободы. Во-вторых, если обратиться к толкованию термина «фактический», то в словаре Кузнецова оно раскрывается через понятия «действительный, настоящий, истинный» [15]. В таком контексте словом «фактический» определяется непосредственный момент задержания, т. е. момент физического ограничения свободы.

Солидаризируясь с мнением В. Ю. Стельмаха в том, что понятие «фактическое задержание» неоднозначно, так как допускает принципиально различное толкование [16,

с. 208]. Таким образом, законодателю надлежит скорректировать значение данного термина и возможно отказаться от его использования.

В свете вышеизложенного появляется вполне логичный вопрос: почему полицейское задержание, имеющее административную природу, накладывается на меру уголовно-процессуального принуждения?

Как вариант решения данной проблемы, ряд авторов предлагает оговорить промежуток времени между моментом фактического задержания лица до момента его доставления в органы дознания или к следователю, например, в три часа [17, с. 31], либо ввести указание на незамедлительность доставления задержанного. Кроме того, представляется целесообразным указывать время и фактического задержания, и время доставления к следователю или в органы дознания (время процессуального задержания).

Вместе с тем нормы ст. 5 (п. 11, 15), 92 УПК РФ неоднократно были предметом рассмотрения Конституционного суда Российской Федерации. Суть жалоб состояла в том, что правоприменителями не соблюден установленный законом срок, т. к. с момента фактического задержания прошло более 48 часов.

Вместе с тем Конституционный суд Российской Федерации не усмотрел нарушений прав и законных интересов заявителей, более того указал, что содержащаяся в ст. 92 УПК РФ обязанность по указанию в протоколе времени задержания, исключает бесконтрольное вне установленных сроков содержание задержанного правоприменительным органом[1].

Вместе с тем в правоприменительной практике можно найти примеры иного исчисления срока задержания подозреваемого.

Так, например, в апелляционной жалобе адвокаты Ш. и Е. считают постановление суда не соответствующим ч. 4 ст. 7 УПК РФ, поскольку утверждают о незаконности задержания Т., неверном указании в протоколе времени задержания их подзащитного, который был фактически лишён свободы передвижения ранее, нежели указано в протоколе задержания, который составлен с нарушением срока, предусмотренного ч. 1 ст. 92 УПК РФ. Также указывают на то, что отсутствие замечаний в протоколе задержания не свидетельствует об их фактическом отсутствии в связи с тем, что Т. был задержан без участия адвоката, является юридически неграмотным. Вопреки указанию в протоколе задержания, очевидцы не указывали на Т. как на лицо, причастное к убийству Я. Кроме того, внимание акцентируется и на том, что материал с ходатайством следователя об избрании Т. меры пресечения поступил в К.... районный суд г. Иркутска с нарушением срока, установленного ч. 2 ст. 94 УПК РФ[2].

Момент от фактического задержания до доставления к следователю, по своей сути, можно назвать полицейским (административным). Такое задержание является факти-

---

[1] См. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 1902-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алексеевой Гелены Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5, статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

[2] Апелляционное постановление Иркутского областного суда № 22-2660/2020 22К-2660/2020 от 28 августа 2020 г. по делу № 3/1-33/2020 [Электронный ресурс]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/XWkbAE6eSaNv/?regular-txt (дата обращения: 25.03.2022).

ческим ограничением свободы. Соответственно, из тех 48 часов, предоставленных следователю для производства необходимых процессуальных действий с задержанным недостаточно, поскольку данный срок исчерпывается так называемым административным задержанием.

Как верно отмечает В. В. Кальницкий,о том, что может возникнуть ситуация, когда основания задержания «налицо», а временного ресурса нет, значит применить задержание нельзя, и такую ситуацию, безусловно, невозможно считать нормальной [18, с. 82].

Не всегда временного отрезка в 48 часов хватает для производства с задержанным необходимых процессуальных действий.

Автором настоящей статьи проводилось анкетирование следователей следственной части ГСУ ГУ МВД России по Иркутской области. На вопрос «Как вы полагаете, 48 часов — это достаточный срок для выполнения всех необходимых следственных действий?» респонденты также разделились на две группы: 35 % считают, что 48 часов — недостаточный срок для выполнения всех необходимых следственных действий, а 65 % уверены в том, что этого времени недостаточно.

Результаты данного опроса наглядно демонстрируют необходимость изменения уголовно-процессуального закона в области регулирования отношений, складывающихся при задержании подозреваемых в совершении преступления. Действующие работники следственных органов ежедневно на практике сталкиваются с проблемами в ходе производства задержания, именно поэтому на вопросы, приведенные нами, не было однозначных ответов.

Следует согласиться с точкой зрения В.В. Кальницкого, который утверждает, что норма об исчислении срока задержания с момента фактического ограничения свободы не охватывается правосознанием большинства правоприменителей, осуществляющих уголовное преследование. Также автор вполне оправданно указывает на то, что существует противоречие в вышеуказанной норме в том, что фактическое лишение свободы или передвижения (оно происходит на улице, осуществляют его полицейские или граждане) не может производиться в порядке, предусмотренном УПК РФ, либо под фактическим лишением свободы надо понимать не первичный захват на месте, а решение о задержании или иные меры, принимаемые следователем [18, с. 82].

Тем самым вполне обоснованным, логичным и правильным представляется исчисление срока задержания осуществлять с момента попадания подозреваемого в поле зрения лица, производящего расследование по уголовному делу, т. е. с момента доставления, поскольку, ограничение свободы (административное задержание), по своей сути, это не комплекс уголовно-процессуальных мероприятий, которые необходимо выполнить с задержанным лицом следователю или дознавателю. А в случае если лицо задержано незаконно, то и уголовно-процессуальные действия (например, допрос подозреваемого), проведенные в отношении задержанного, будут являться также незаконными и тем самым не могут выступать в качестве доказательств по уголовному делу.

В заключение отметим следующее. В силу УПК РФ по результатам задержания оформляется протокол задержания, который должен быть составлен в срок не позднее трех часов с момента доставления. Здесь возникает еще один вполне логичный вопрос: почему по результатам применения меры процессуального принуждения — задержа-

ния — составляется протокол, когда как по другим такой документ не составляется? По данному вопросу весьма интересную дискуссию поддерживает в научной литературе С. Б. Россинский, который считает, что как минимум необходимо изменить название документа «протокол» на название «постановление» [19, с. 152].

Протокол задержания, в отличие от протоколов, которые составляются по результатам производства следственных действий, имеет ряд особенностей. Любой протокол должен содержать сведения, которые наиболее полно отражают место, время и основания совершения данного процессуального действия. Как вполне справедливо отмечает А. А. Тарасов, большая часть современных протоколов не отвечает этим требованиям, а протокол задержания не содержит упоминания лиц, которые указали на задержанного как на совершившего преступление [20, с. 7]. К числу лиц, которые участвуют в задержании, потерпевший, очевидцы и свидетели совершения преступления не относятся, значит, в протоколе не отражаются, таким образом, значимость протокола задержания почти полностью определяется фиксированием времени доставления и указания на лиц, которые осуществили задержание. Согласно требованиям ч. 2 ст. 92 УПК РФ, в протоколе наряду с датой и временем составления протокола должны быть указаны мотивы задержания, которые законодателем не определены, что порождает вопросы в правоприменении.

На основании вышеизложенного считаем необходимым отметить, что задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения не в достаточной степени урегулирована законодательно, что порождает проблемы её применения. Нормы, регулирующие уголовно-процессуальное задержание, требуют своей корректировки, поскольку использование такой меры принуждения влечет ограничение конституционных прав и свобод личности, что не способствует достижению назначения уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство в уголовном процессе / Б. Я. Гаврилов, А. А. Ильюхов, А. М. Новиков, Н. В.Османова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 224 с.

2. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. — М.: ЮрИнфор, 1999. — 542 с.

3. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. — Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1975. — 175 с.

4. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. — М.: Статут, 2016. — 1280 с.

5. Жогин Н. В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. — М.: Юрид. лит., 1965. — 367 с.

6. Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. — Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1975. — 184 с.

7. Кругликов А. П. Неотложные следственные действия // Уголовное право. — 2004. — № 3. — С. 93—94.

8. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. — М.: Юрид. лит., 1970. — 224 с.

9. Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. — М.: ВШ МВД СССР, 1969. — 178 с.

10. Россинский С. Б. К вопросу о сущности и правовой природе задержания, подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 1 (74). — С. 173—182.

11. Шейфер С. А. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 90—92.

12. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. — М.: Проспект, 2019. — 192 с.

13. Россинский С. Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 1. — С. 74—83.

14. Смирнов А. В. Уголовный процесс. — СПб.: Питер, 2005. — 702 с.

15. Кузнецов С. А. Толковый словарь [Электронный ресурс]. — URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/ (дата обращения 12.01.2022).

16. Стельмах В. Ю. Правовая сущность физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2005. — № 1 (102). — С. 207—212.

17. Гриненко А. В. Самозащита в досудебном уголовном процессе // Адвокатская практика. — 2017. — № 6. — С. 27—31.

18. Кальницкий В. В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем) // Законодательство и практика. — 2014. — № 2 (33). — С. 77—83.

19. Россинский С. Б. Протокол — лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 12 (97). — С. 150—165.

20. Тарасов А. А. О доказательственном значении протокола задержания // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — Т. 5. — № 1. — С. 13—19.

REFERENCES

1. Gavrilov B.Ya., Ilyukhov A.A., Novikov A.M., Osmanova N.V. Pre-trial proceedings in criminal proceedings. M.: UNITI-DANA, 2015. 224 p.

2. Grigoriev V.N. The arrest of a suspect. M.: YurInfor, 1999. 542 p.

3. Kovriga Z.F. Criminal procedural coercion. — Voronezh: Voronezh State University, 1975. — 175 p.

4. The course of the criminal process / ed. L.V. Golovko. M.: Statut, 2016. 1280 p.

5. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. Preliminary investigation in the Soviet criminal process. M.: Yurid. lit., 1965. 367 p.

6. Gerasimov I.F. Some problems of solving crimes. Sverdlovsk: Sredneuralskoe book publishing house, 1975. 184 p.

7. Kruglikov A.P. Urgent investigative actions // Criminal law. 2004. No. 3. pp. 93-94.

8. Larin A.M. Criminal investigation. Planning, organization. M.: Yurid. lit., 1970. 224 p.

9. Luzgin I.M. Investigation as a process of cognition. M.: VSh MVD USSR, 1969. 178 p.

10. Rossinsky S. B. To the question of the essence and legal nature of detention suspected in criminal proceedings // Actual problems of Russian law. 2017. No. 1 (74). pp. 173-182.

11. Sheifer S.A. Problems of development of the system of investigative actions in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Criminal Law. 2002. No. 3. pp. 90-92.

12. Rossinsky S. B. Detention of a suspect: a constitutional-intersectoral approach. M.: Prospekt, 2019. 192 p.

13. Rossinsky S.B. Once again about the concept and essence of investigative actions in criminal proceedings: the discussion is not over... // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. No. 1. pp. 74-83.

14. Smirnov A. V. Criminal process. St. Petersburg: Piter, 2005. 702 p.

15. Kuznetsov S. A. Explanatory Dictionary [Electronic resource] // URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/ (accessed 01/12/2022).

16. Stelmakh V. Yu. Legal essence of physical, factual and criminal procedural detention // Vestnikof the Saratov State Law Academy. 2005. No. 1 (102). pp. 207-212.

17. Grinenko A. V. Self-defense in the pre-trial criminal process // Advocate practice. 2017. No. 6. pp. 27-31.

18. Kalnitsky, V.V. Detention of a suspect by an investigator (inquirer) // Legislation and practice. 2014. — No. 2 (33). —pp. 77-83.

19. Rossinsky S. B. Protocol — an extra link in the mechanism for detaining a person on suspicion of committing a crime // Actual problems of Russian law. 2018. No. 12(97). pp. 150-165.

20. Tarasov A. A. On the evidentiary value of the protocol of detention // Legal Vestnik of Samara University. 2019. V.5. No. 1. pp. 13-19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гапонова Валентина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gaponova Valentina Nikolaevna, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 142 — 158.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 2 (101). P. 142—158.

12.00.09. Уголовный процесс

Научная статья
УДК 343
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.55.012

СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ И ЧАСТНЫХ ПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА

Лыга Алексей Петрович
Омская академия МВД России, Российская Федерация, Омск, lygaaleksei@rambler.ru

Введение: в статье рассмотрены вопросы соотношения публичных и частных правовых интересов при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. Определены отдельные аспекты межотраслевой конвергенции, нашедшие отражение в законодательстве.

Материалы и методы: нормативную правовую основу исследования ставили Конституция Российской Федерации, УПК РФ, ГК РФ, иные источники законодательства, решения Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации, регламентирующие основания и порядок применения мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. Монографические и иные виды исследований, проведенные по разрабатываемой теме, позволили сформировать доктринальную основу статьи. Методологическую основу исследования составили такие методы как анализ, синтез, историзм, формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты исследования: позволили определить условия соотношения частных и публичных правовых интересов при применении залога, наложения ареста на имущество, денежного взыскания и степень развитости юридической конвергенции правового регулирования названных мер принуждения.

Выводы и заключения: проанализированные аспекты позволили сделать вывод о соотношении частных правовых и публичных правовых интересов при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: залог, арест имущества, денежное взыскание, меры имущественного принуждения, частные правовые интересы, публичные правовые интересы, конвергенция.

Для цитирования: Лыга А. П. Соотношение публичных правовых и частных правовых интересов при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101) С. 142—158.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.55.012

© Лыга А. П., 2022

12.00.09. Criminal proceedings

Original article

CORRELATION OF PUBLIC LEGAL AND PRIVATE LEGAL INTERESTS IN THE APPLICATION OF MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION PROPERTY CHARACTER

Alexey P. Lyga
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Russian Federation, Omsk, lygaaleksei@rambler.ru

Introduction: The article deals with the issues of the correlation of public and private legal interests in the application of measures of criminal procedural coercion of a property nature. Certain aspects of intersectoral convergence, reflected in the legislation, are identified.

Materials and methods: the normative legal basis of the study was the Constitution of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, other sources of legislation, decisions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation regulating the grounds and procedure for the application of measures of criminal procedural coercion of a property nature. Monographic and other types of research conducted on the topic under development made it possible to form the doctrinal basis of the article. The methodological basis of the study consisted of such methods as analysis, synthesis, historicism, formal legal and comparative legal.

The result of the study: allowed us to determine the conditions of the correlation of private and public legal interests in the application of collateral, seizure of property and monetary recovery and the degree of development of the legal convergence of the legal regulation of these coercive measures.

Findings and Conclusions: the analyzed aspects allowed us to draw a conclusion about the correlation of private legal and public legal interests in the application of measures of criminal procedural coercion of a property nature, and formulate proposals for improving legislation.

Keywords: pledge, seizure of property, monetary recovery, measures of property coercion, private legal interests, public legal interests, correlation, convergence.

For citation: Lyga A.P. Sootnoshenie publichnyh pravovyh i chastnyh pravovyh interesov pri primenenii mer ugolovno-processual'nogo prinuzhdenija imushhestvennogo haraktera [Correlation of public legal and private legal interests in the application of measures of criminal procedural coercion of a property nature]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 142—158 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.55.012

В послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, через реализацию комплекса мер государственной поддержки, направленных на оказание финансовой помощи населению, указано на повышенную заинтересованность госу-

дарства в обеспечении частных правовых имущественных интересов и благосостояния граждан. В самом широком смысле интерпретировать слова главы государства видится допустимым и в контексте позиций, ранее обозначенных Конституционным Судом Российской Федерации: «вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью»[1]. В части, касающейся сферы уголовного судопроизводства, это говорит о значимости формирования высокой правовой защищенности частных имущественных интересов при применении мер принуждения имущественного характера.

К указанным мерам принято относить наложение ареста на имущество (ст.ст. 115—115.1 УПК РФ), залог (ст. 106 УПК РФ) и денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ). В 2020 г. наложение ареста на имущество применялось 37 тыс. 972 раза (2019 г. — 34 тыс. 945), залог — 124 раза (2019 г. — 262), денежное взыскание — 2 тыс. 334 раза (2019 г. — 3 тыс. 812)[2]. Приведенная статистка демонстрирует снижение частоты применения рассматриваемых мер при их достаточно высоком обеспечительном потенциале.

Многие вопросы соотношения частных и публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве, в особенности межотраслевого характера, сегодня остаются не решенными. Предлагаемые варианты расширения полномочий правоохранителей, в виде применения положений КоАП РФ при блокировке банковских счетов и электронных платежных средств в ходе противодействия организованной преступности (экстремизму, терроризму, наркоторговле)[3], на наш взгляд указывают на явное несоответствие целей и средств их достижения.

Уголовно-процессуальная наука вопросы соотношения частного и публичного интересов поднимает с конца XIX в. [1, с. 6—11]. Значимыми достижениями мыслителей

---

[1] По делу о проверке конституционности положений частей первой, третей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 года № 1-П. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110028/?ysclid=l4wcqk4c72731381557 (дата обращения 25.02.2022).

[2] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 года и 12 месяцев 2020 года. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения 25.02.2022); Отчет судов общей юрисдикции о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об оплпте процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз за 12 месяцев 2019 года и 12 месяцев 2020 года. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения 25.02.2022).

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия финансированию терроризма и (или) иных противоправных деяний: проект федер. закона № 02/04/10-21/00121323 от 11.10.2021 г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1243284-7 (дата обращения 25.02.2022).

той эпохи можно уверенно определить научное обоснование: 1) проявления частного интереса в личных правах обвиняемого и в праве участника процесса на изъявление воли реализовать свое процессуальное право или проявить в отношении него пассивность; 2) безальтернативной обязательности соблюдения процессуальной формы, как гаранта «соглашения» публичных и частных интересов, в обязательном порядке предусмотренных в законе и 3) свободы реализации прав и законных интересов участников процесса посредством публичной деятельности должностных лиц [2, с. 23; 3, с. 59; 4, с. 51].

Оценка обеспеченности частных интересов, а тем более личных имущественных интересов, в советском уголовном процессе неоднозначна. С одной стороны, это связывают с констатацией подмены общественных и частных интересов государственными[1], и урегулированием механизмов защиты интересов лишь обвиняемого [5, с. 23—24]. С другой — отмечается развитость мер имущественного характера и некоторых механизмов удовлетворения интересов государства, потерпевших от преступлений, а также первоочередность защиты материальных и процессуальных интересов личности [6, с. 3; 7, с. 93—94].

В силу политических процессов, проходивших в России в 90-х гг. XX в., категория «баланс интересов» приобрела свойство «индикатора» его развитости. Ратифицировав «Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» от 4 ноября 1959 года[2], Россия приняла обязанность соблюдать баланс между публичными правовыми и частными правовыми интересами. Конституционный и Верховный Суды Российской Федерации стали подчеркивать значимость и обязательность обеспечения «баланса» частного и публичного интересов, как законодателем, так и судами[3]. Однако это не повлекло нормативного закрепления соответствующей дефиниции.

На доктринальном уровне к критериям (характеристикам) «баланса интересов» относят: справедливое соотношение прав, обязанностей и ответственности; наличие развитых механизмов защиты прав; четкое законодательное определение правового статуса участников отношений [8, с. 101—106]; научно-практическую обусловленность [9, с. 65—68]; системность, единообразность [10, с. 75—95]; измеримость, достоверность, проверяемость [11, с. 20—44] и др.

В различных отраслях научного знания дефиниция «баланс интересов» определяется с учетом их специфики [12, с. 10; 13, с. 121]. Ученые пишут о взаимодействии,

---

[1] О концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-I // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

[2] О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней: федер. закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102076913&backlink=1&&nd=102052320&ysclid=l4wdp6wy9c479965339 (дата обращения 25.02.2022).

[3] О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 25 июля 2001 г. № 12-П по делу о проверке конституционности п. 7 ст. 21 Федерального закона в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда РФ// Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 6; Постановление Верховного Суда РФ от 13 декабря 2005 г. № 32-ад05-3 в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 4 квартал 2005 г.//Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 5.

равновесии, соотношении, согласованности интересов. Учет интересов всех субъектов правоотношений и исключение противопоставления одних интересов другим, рассматривают в контексте выделения среди них наиболее значимых. Однако такой подход, думается, уязвим и зависим от рисков чрезмерности усмотрения и злоупотребления правом. Поэтому позицию В. М. Сырых «... равновесие в правоотношениях не означает равенства прав и обязанностей, а может даже свидетельствовать об отсутствии или нарушении баланса как такового » [14, с. 371—373], а также других ученых [15, с. 20], высказывающихся о некорректности использования категории «баланс» и о наиболее точном употреблении термина «гармонизация» — процесс согласованности, слаженности сочетания [16, с. 118], полагаем, следует оценивать более позитивно. В то же время следует отметить, что явление «гармонизация» лишено такого свойства как «измеримость», оно не статично, подвижно, его цель не всегда точно определима [17, с. 19], благодаря чему также представляется не совсем применимой к вопросу определения соотношения частных и публичных правовых интересов.

Категория «пропорциональность» определяется как «зависимость между величинами, при которой увеличение одной из них влечет за собой изменение другой во столько же раз...» [16, с. 157]. Видится именно с ее помощью возможно охарактеризовать соотношение частных и публичных правовых интересов. Полагаем, об этом пишут ученые, рассматривающие развитие соотношения частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве через призму влияния на это политических, идеологических и других факторов [11, с. 9], формирующих пределы правового регулирования общественных отношений.

Уголовный процесс считают сферой наиболее активного взаимодействия публичных и частных интересов [17, с. 31]. Данное явление объясняется двуединостью назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Его достижение обеспечивается нормами императивного и диспозитивного характера, определяющими пределы прав и обязанностей участников судопроизводства.

Обеспечивая защиту свобод и интересов личности путем ограничения произвольного применения публичных средств [19, с. 15; 20, с. 15], диспозитивный метод правового регулирования, предоставляет участникам право выбора модели поведения, но только в случаях, специально предусмотренных законом [21, с. 16—17]. Он рассматривается автономной [18, с. 34] категорией, взаимодействующей с императивным методом правового регулирования [22, с. 9]. Такое взаимодействие проявляется в правовых механизмах, обеспечивающих защиту интересов государства, гражданского общества и интересов частных лиц [23, с. 5]. К данному выводу позволяет прийти содержание уголовно-процессуального законодательства, в котором средства обеспечения частных и публичных правовых интересов развиваются пропорционально.

Полагаем, что такая тенденция сложилась под влиянием юридической конвергенции, то есть: «... взаимодействия элементов внутри системы права, права и иных регуляторов отношений в обществе ... характеризующегося сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов и определенной степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения ...» [8, с. 8]. В рамках данного процесса, средства обеспечения достижения назначения уголовного судопроизводства модернизируются в направлении расширения в них диспозитивного

метода правового регулирования, увеличивающего количество связей с гражданским процессом, содержащем в своем наборе схожие средства обеспечения частных правовых интересов.

Примером такого сближения видится допустимым привести институт медиации, законодательно[1] развившийся в российском гражданском процессе, но не нашедший отражения в уголовном судопроизводстве. Правовое регулирование Республики Казахстан в данном вопросе оказалось более гибким. Принятие Закона Республики Казахстан «О медиации»[2] урегулировало особенности применения данного института в уголовном судопроизводстве (статья 24), что нашло отражение в тексте УПК Республики Казахстан (статья 85).

В российском уголовном процессе примирительные процедуры представлены институтами, имеющими схожее воздействие, а именно: прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием, особый порядок судебного разбирательства, досудебное соглашение о сотрудничестве и другими. Кроме указанных выше, существуют меры, обеспечивающие судопроизводство, имеющие большое сходство с обеспечительными мерами гражданского процесса. Речь идет о залоге (ст. 106 УПК РФ) и наложении ареста на имущество (ст.ст. 115—115.1 УПК РФ). Количество межотраслевых связей данных мер с мерами обеспечения гражданского процесса систематически увеличивается. Но, в силу публичности уголовного процесса, правовое регулирование перечисленных мер не достигло состояния когерентности (достаточно высокой степени связанности и согласованности элементов внутри системы права [8, с. 9]) с гражданским процессом.

Диспозитивный метод правового регулирования при применении наложения ареста на имущество, институционально проявляется в праве потерпевшего (ч. 4 ст. 42 УПК РФ) заявить гражданский иск и в праве гражданского истца на его поддержание в суде или на отказ от него (п.п. 1, 11 ч. 4 ст. 44 УПК РФ). В прямой пропорциональной связи с данным частным правовым интересом, находятся императивные предписания части 1 статьи 160^1 УПК РФ, обязывающие наложить арест на имущество, даже когда гражданский иск не заявлен. В таком решении законодатель, очевидно, стремился урегулировать разумное и соразмерное соотношение частных правовых интересов и публичных средств, обеспечивающих их, независимо от принадлежности интереса одной из сторон уголовного процесса.

Благодаря введению в 2015 году гражданско-правового порядка определения принадлежности подвергнутых аресту безналичных денежных средств (ч. 9 ст. 115 УПК

---

[1] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (в ред. от 26.07.2019 № 197-ФЗ); О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140445&ysclid=l4wbsnufl5480131515 (дата обращения 25.02.2022).

[2] О медиации: закон Республики Казахстан от 28.01.2011 № 401-IV (с изм. и доп.). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401 (дата обращения 25.02.2022).

РФ)[1], законодатель, вывел этот вопрос из уголовно-процессуальной сферы, снизил вовлеченность органов расследования в решение гражданско-правовых конфликтов и развил практику применения преюдиции. В целом, такая модернизация правового регулирования ареста имущества заслуживает позитивной оценки. До ее проведения единая практика «освобождения» безналичных денежных средств, подвергнутых аресту, а также исполнения положений статьи 90 УПК РФ, не была сформирована. Предпринимавшиеся попытки возбуждения перед судом ходатайств о производстве выемки наличных денежных средств в банковском учреждении (фактического обналичивания их с расчетного счета), по понятным причинам не находили поддержки. Равным образом складывалось отношение к практике отмены ареста безналичных денежных средств по результатам рассмотрения ходатайств заинтересованных лиц и обоснования решений об их удовлетворении результатами следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий[2]. Очевидно, что применявшиеся «схемы» выходили за пределы правового регулирования УПК РФ, ставя тем самым участников процесса в положение, граничащее с несоблюдением норм материального и процессуального права.

Устранив органы предварительного расследования от разрешения правового вопроса о принадлежности имущества, законодатель все же не внес ясность в порядок исполнения судебного решения. Различия очередности списания безналичных денежных средств, содержащиеся в положениях части 2 статьи 855 ГК РФ и статьи 111 Федерального закона «Об исполнительном производстве»[3], при том, что полномочием по отмене ареста имущества является исключительной прерогативой органа, проводящего расследование[4], не добавляют ясности в вопрос обеспеченности частных имущественных интересов и согласованности публичных средств их обеспечения. Для преодоления существующей коллизии, предлагается в статье 115 УПК РФ нормативно закрепить безусловность приоритета исполнения судебных решений, следующих из споров о принадлежности арестованных в уголовно-процессуальном порядке безналичных средств. Подобный подход видится допустимым, так как часть 1 статьи 855 ГК РФ допускает установление иным законом специального порядка списания средств со счета.

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181823/?ysclid=l4wbx2atrv10593580 (дата обращения 25.02.2022).

[2] Материалы уголовных дел № 2012/342, № 2014/128. Архив УМВД России по Томской области (дата обращения 25.02.2022).

[3] Об исполнительном производстве: федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (в ред. от 01.04.2020 № 98-ФЗ). URL:http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102117007&ysclid=l4wbyzxn40710618562 (дата обращения 25.02.2022).

[4] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Аврора малоэтажное строительство» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 3 ст. 6.1, ч. ч. 1,3 и 9 ст. 115 и ст. 115.1 УПК Российской Федерации, а также абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве): определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2016 № 2356-О; Об отказе в передаче кассационной жалобы Д.В. Панченко для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2018 № 307-КГ18-2102.

По мнению В. Д. Зорькина: «важной задачей является отыскание баланса между такими ценностями, как свобода собственности и её социальные функции» [24, с. 133]. Интерпретируя сказанное, можно прийти к выводу о возможности ограничения частных правовых интересов в пользу публичных и в тоже время об их обеспечении применением публичных уголовно-процессуальных средств. Будучи закрепленным в Конституции Российской Федерации, данный порядок не предусматривает обратного механизма (ограничения публичных интересов в пользу частных). По мнению исследователей [14, с. 376] такой подход демонстрирует явный «перекос» соотношения частных и публичных правовых интересов в пользу последних.

Частные правовые интересы лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (далее по тексту — «третьи лица»), гражданского истца, гражданского ответчика, потерпевшего или подсудимого (осужденного), затрагиваемые при применении ареста имущества (ч. 3 ст. 115 УПК РФ), по справедливому замечанию Конституционного Суда Российской Федерации[1] и ученых [25, с. 9—14; 26, с. 74—79], защищены неполно. Применение ареста имущества, находящегося у «третьих лиц» и отсутствие оснований для конфискации, ставит вопрос о законности сохранения обеспечительных мер после вступления приговора суда в законную силу. Вместе с этим, возможность обращения на него взыскания в порядке солидарной (субсидиарной) ответственности по гражданскому иску, штрафу или иным имущественным взысканиям явно выходит за рамки уголовного судопроизводства. На отсутствие механизма передачи данного вопроса для рассмотрения в гражданском порядке и потребность в нем обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации[2]. Предлагаем решение данного вопроса относить к исключительной прерогативе суда при вынесении обвинительного приговора, так как схожие позиции им рассматриваются в соответствии с частью 2 статьи 309 УПК РФ.

Публичный механизм уголовно-процессуального залога, посредством императивных и диспозитивных предписаний статьи 106 УПК Российской Федерации, в не меньшей степени, чем наложение ареста на имущество, ограничивает частные правовые интересы.

Применение диспозитивного метода правового регулирования ставит возможность применения этой меры (особо подчеркнем — в публичных целях) в полную зависимость от согласия и внешнего проявления желания на то подозреваемого, обвиняемого или иного залогодателя (ч. 2 ст. 106 УПК РФ). Одновременно, императивный характер

---

[1] По делу о проверке конституционности положений частей 3 и 9 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158679/?ysclid=l4wcjsd32r323007672 (дата обращения 25.02.2022).

[2] По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. № 18-П. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322772/?ysclid=l4wchnhd7943792369 (дата обращения 25.02.2022).

предписаний главы 13 УПК РФ позволяет применить к подозреваемому, обвиняемому иную меру пресечения. Полагаем, в этом проявляется пропорциональное соотношение публичных и частных интересов при применении залога, при том, что в данной части законодатель предоставляет очевидный гандикап частным правовым интересам.

Несмотря на сказанное, ученые отмечают недостаточную развитость частного интереса в правовом регулировании применения залога. Предлагают варианты его модернизации: исключить из закона минимальный предел суммы залога [27, с. 162—168]; размер определять исходя не из тяжести преступления, а из размера причиненного имущественного вреда и суммы гражданского иска [28, с. 98; 29, с. 121; 30, с. 23—30]; сформулировать требования к залогодателю [31, с. 250—253]; исключить из предмета залога ценные бумаги и иностранную валюту [32, с. 108—114]. Глубинно, целесообразность не всех из перечисленных предложений обосновывается обеспечением разумного и соразмерного соотношения публичных или частных интересов. В зависимости от персональных воззрений авторов, приоритет отдается одним из них, тогда как иные, вероятно, определяются как менее ценные, что усиливает теоретическую проблемность их соотношения.

Очевидно, стремясь преодолеть складывающиеся тенденции, Верховный Суд Российской Федерации сделал некоторые подвижки в направлении усиления конвергенции уголовно-процессуального залога и аналогичной обеспечительной меры в гражданском процессе, а именно, высказал точку зрения о допустимости замены предмета залога в случае его утраты[1]. Последняя законодательная инициатива — об установлении срока применения залога, возможности замены данной меры пресечения в случае отказа залогодателя от исполнения обязательств[2], также ориентирована на повышение обеспеченности имущественных прав данного участника. К аналогичной цели стремился законодатель и при введении статьи 115^1 УПК РФ.

Нам видится вполне допустимым посмотреть на обозначенный вопрос шире и предложить развитее пределов правового регулирования залога в направлении урегулирования порядка замены предмета залога имуществом, наиболее удобным для залогодателя. Такой подход к залоговым отношениям предусмотрен статьей 345 ГК РФ, а также не противоречит указанным выше позициям и предложениям. Подобным образом развитию обеспеченности частных и публичных интересов способствовал бы механизм, позволяющий производить замену имущества, подвергнутого аресту для обеспечения гражданского иска, взыскания штрафа или иных имущественных взысканий. По-

[1] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (с изм., внесенными постановлениями Пленума от 24 мая 2016 г. № 23 и от 11 июня 2020 г. № 7); По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389^2 УПК Р оссийской Федерации в связи с жалобой С.А. Филиппова Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2021 г. № 29-П. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/?ysclid=l4wdwegn2x614614587 (дата обращения 25.02.2022).

[2] О внесении изменений в статьи 106 и 389^2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проект федер. закона № 43018-8 от 20 декабря 2021 г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/43018-8 (дата обращения 25.02.2022).

добная процедура применяется в исполнительном производстве в порядке реализации требований части 1 статьи 80 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Для исключения фактов злоупотреблений со стороны правоприменителей, правом инициировать предлагаемые процедуры следует наделить сторону защиты или залогодателя, а обеспечение соразмерности и разумности применяемого ограничения оставить в компетенции суда.

Понятие «юридическая обязанность» в общей теории права определяется как вид и мера необходимого поведения, требуемого законом и соответствующего праву (полномочию) другого лица. Благодаря данной аксиоме, в институте денежного взыскания, находит проявление не только императивный, но и диспозитивный метод правового регулирования.

Условия действия части 2 статьи 111 УПК РФ, диспозитивно позволяют применить денежное взыскание к строго определенному перечню участников процесса, либо отказаться от его применения вовсе. Закон устанавливает альтернативу данной мере принуждения в виде таких мер как «обязательство о явке» или «привод». В тоже время не исключается возможность применения к участнику процесса последовательно всех указанных мер. Не устанавливая строгих правил в данной части, законодатель предоставил правоприменителю право выбора модели поведения (вариативность применения различных мер принуждения), позволяющей соразмерно и разумно подойти к выбору средств принуждения, адекватных складывающейся ситуации. Данный подход вряд ли возможно считать пробелом в праве. Полагаем, в данном случае, наиболее уместно говорить о квалифицированном молчании законодателя.

Предлагаемое в литературе усиление имущественного потенциала денежного взыскания [33, с. 23—29], не позволит преодолеть широко известные проблемы практики применения статьи 117 УПК РФ. Отказ от судебного порядка его применения [34, с. 139—143] и передача этого вопроса в компетенцию следователя и дознавателя, по мнению исследователей, глубоко разработавших данный вопрос, вступит в прямое противоречие со статьей 35 Конституции Российской Федерации [35, с. 123], что следует оценивать ключевым аргументом отказа от развития законодательного регулирования денежного взыскания в обозначенном направлении. Приведенные позиции позволяют отметить высокую степень развитости в нормах, регламентирующих применение денежного взыскания, диспозитивного метода правового регулирования, обеспечивающего реализацию публичных целей уголовного судопроизводства посредством воздействия на частные правовые имущественные интересы.

Проведенное исследование позволило автору сформулировать следующие выводы, касающиеся соотношения частных правовых и публичных правовых интересов при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера:

1. Двуединое назначение уголовного судопроизводства позволяет утверждать, что частные и публичные правовые интересы в нем являются равнозначными ценностями. Поэтому их соотношение при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера, следует рассматривать посредством применения категории «пропорциональность».

2. Степень развитости в действующем правовом регулировании механизмов обеспечения частных и публичных правовых интересов позволяет прийти к выводу

о преобладании в нем императивного метода правового регулирования и большей обеспеченности публичных правовых интересов в механизме применения ареста имущества и залога. При этом потенциал для их диспозитивной модернизации нельзя признать исчерпанным. В связи с чем, предлагается следующее:

I. В целях совершенствования механизма «освобождения» арестованных безналичных денежных средств и преодоления противоречий действующего правового регулирования об очередности исполнения решения суда, указанного в части 9 статьи 115 УПК РФ:

дополнить статью 115 УПК РФ частью 9.1 следующего содержания: «Решение суда, указанное в части 9 настоящей статьи, исполняется в первую очередь, независимо от календарной очередности поступления требований о списании и наличия иных первоочередных требований, определяемых в соответствии с частью 2 статьи 855 ГК Российской Федерации».

II. В целях повышения обеспеченности частных и публичных правовых интересов при применении ареста имущества:

а) дополнить УПК РФ статьей 115.2 *«Замена имущества, подвергнутого аресту»* следующего содержания:

«1. Подозреваемый, обвиняемый вправе завить в суд по месту производства предварительного расследования или рассмотрения уголовного дела ходатайство о замене имущества, арестованного в целях обеспечения гражданского иска, взыскания штрафа или иных имущественных взысканий.

2. Замена может быть произведена на имущество, оценочной стоимостью не менее стоимости имущества, ранее подвергнутого аресту и не более суммы заявленного гражданского иска, возможного штрафа или иных имущественных взысканий. Доказывание добросовестности происхождения и владения имуществом, а так же его оценочной стоимости возлагается на участника, заявившего ходатайство о замене имущества, подвергнутого аресту;

3. Замена имущества, подвергнутого аресту, производится в порядке, установленном статьей 115 настоящего Кодекса. Срок наложения ареста на имущество, при применении положений настоящей статьи, исчисляется с момента применения первичного ограничения и продлевается в порядке, установленном статьей 115^1 настоящего Кодекса»;

III. В качестве механизма, регламентирующего передачу вопроса об удовлетворении гражданского иска за счет имущества лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или несущими по закону материальную ответственность за их действия:

дополнить статью 309 УПК РФ частью 2^2 следующего содержания:

«1. При обосновании в приговоре фактической принадлежности имущества, находящегося у лиц, указанных в части 3 статьи 115 УПК РФ, лицу, признанному приговором виновным в совершении преступления и признании такого имущества не подлежащим конфискации в соответствии со статьей 104.1 УК РФ, по ходатайству гражданского истца (уточняющему ранее заявленный иск), суд вправе передать гражданский иск для рассмотрения вопроса о возмещении причиненного преступлением вреда за счет имущества указанных лиц в субсидиарном порядке, в гражданское (арбитражное) судопроизводство.

2. При принятии по гражданскому иску решений в порядке частей 2 и 2^2 статьи 309 УПК РФ, арест имущества, примененный в порядке уголовного судопроизводства, сохраняется до принятия иска к производству в гражданском (арбитражном) порядке и рассмотрения судом вопроса о применении обеспечительных мер в порядке, установленном ГПК РФ».

IV. В целях совершенствования правового регулирования залога, повышающего обеспеченность частных и публичных правовых интересов:

дополнить УПК РФ статьей 106^1 *«Замена предмета залога»* следующего содержания:

«1. Подозреваемый, обвиняемый или иной залогодатель вправе завить в суд, избравший меру пресечения в виде залога или рассматривающий уголовное дело, ходатайство о замене предмета залога.

2. Замена предмета залога осуществляется в порядке статьи 106 настоящего кодекса. Срок применения меры пресечения в виде залога при замене предмета залога, исчисляется с момента первичного избрания меры пресечения».

Автор считает, что развитие механизмов обеспечения частных правовых интересов, в обозначенных пределах, не поставит уголовное судопроизводство в зависимость от субъективного усмотрения частных лиц и обеспечит их пропорциональное соотношение с интересами публичными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ковалевский М. И. Учение о личных правах. — М.: Изд-во В. М. Саблина, 1906. — 42 с.

2. Вульферт А. К. Курс русского уголовного судопроизводства. — М.: Литограф. изд., 1887(8). — 331 с.; Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры обеспечения неуклонения от правосудия. — СПб.: Сенат. тип., 1906. — 711 с.

3. Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры обеспечения неуклонения от правосудия. — СПб.: Сенат. тип., 1906. — 711 с.

4. Случевский В. А. Учебник русского уголовного процесса. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — 670 с.

5. Азаров В. А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. — Омск: Высшая школа милиции МВД России, 1995. — 188 с.

6. Безлепкин Б. Т., Уголовно-процессуальные вопросы взыскания нажитого преступным путем: лек. / Б. Т. Безлепкин, В. К. Бобров. — Волгоград: ВСШ. — 1982. — 20 с.

7. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. — М.: Юриздат, 1939. — 152 с.

8. Тропская С. С. Правовой статус налогоплательщика: баланс частных и публичных интересов в налоговой сфере // Государство и право. — 2008. — № 5. — С. 101—106.

9. Репьева П. В. К вопросу о принципах баланса интересов // Евразийский союз ученых (ЕСУ). — 2017. — № 10(43). — С. 65—68.

10. Парсонс Т. О социальных системах/пер. с англ. и под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. — М.: Акад. проект., 2002. — 830 с.

11. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... докт. юрид. наук. — Саратов, 2015. — 501 с.

12. Киракосян С. А. Принцип равенства в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-н/Д, 2009. — 25 с.

13. Халиулин В. Е. Согласование интересов субъектов права как предпосылка формирования гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009. — 228 с.

14. Сырых В. М. Логические основания общей теории права Т.3. Современное правопонимание. — М.: Юстинформ, 2007. — 512 с.

15. Пшеничнов М. А. Гармонизация российского законодательства (теория, практика, техника): автореф. дис... докт. юрид. наук. — Н. Новгород, 2011. — 58 с.

16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Сов. энцикл., 1972. — 915 с.

17. Адамецки К. О науке организации. — М.: Экономика, 1972. — 191 с.

18. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактов формирования современного российского уголовного процесса // Законы России. — 2021. — № 6. — С. 31—37.

19. Артамонова Е. А. Частное начало в современном уголовном процессе. Основные формы проявления: монография. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 199 с.

20. Меженина Л. А. Публичность российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2002. — 29 с.

21. Багаутдинов Ф. Н. Расширение частных начал в уголовном процессе // Российская юстиция. — 2002. — № 2. — С. 16—17.

22. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса. — СПб: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. — 417 с.

23. Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Владимир, 2012. — 445 с.

24. Зорькин, В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. — М.: Норма, 2007. — 399 с.

25. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. О совершенствовании правового регулирования порядка наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2020. — № 2 (39). — С. 9—14.

26. Исаев Р. М. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе: вопросы законодательной регламентации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2018. — № 1. — С. 74—79.

27. Царева Ю. В. Залог в системе мер уголовно-процессуального пресечения // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 1. — С. 162—168.

28. Плоткина Ю. Б. Применение мер пресечения, избираемых по решению суда, в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 23 с.

29. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. — Омск: Омская академия МВД России, 2003. — 320 с.

30. Булатов Б. Б., Муравьев К. В. Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования // Законы России. — 2021. — № 6. — С. 23—30.

31. Кочеткова М. Н., Запорожский С. Н. Залог как мера пресечения в уголовном процессе // SCIENCE TIME. — № 3(39). — С. 250-253.

32. Куликов М. И. К вопросу о предмете залога в российском уголовном процессе // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2017. — № 14. — С. 108—114.

33. Тутынин И. Б. Некоторые проблемы применения денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2020. — № 12. — С. 23—29.

34. Гараева Т. Б. Наложение денежного взыскания: проблемы правоприменения в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. — № 5. — 2018. (161). — С. 139—143.

35. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Меры процессуального принуждения. — М.: Спарк, 2003. — 177 с.

REFERENCES

1. Kovalevsky M.I. Uchenie o lichnyh pravah [The doctrine of personal rights]. M.: publishing house of V.M. Sablina, 1906. 42 p. (in Russian).

2. Wulfert A. K. Kurs russkogo ugolovnogo sudoproizvodstva [Course of Russian criminal justice]. M.: Lithograph. Ed., 1887(8). 331 p. (in Russian).

3. Lyublinsky P.I. Svoboda lichnosti v ugolovnom processe. Mery obespecheniya neukloneniya ot pravosudiya [Freedom of the individual in criminal proceedings. Measures to ensure non-compliance with justice]. St. Petersburg: Senate. type., 1906. 711 p. (in Russian).

4. Sluchevsky V.A. Uchebnik russkogo ugolovnogo processa [Textbook of the Russian criminal process]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevichs type, 1913. 670 p. (in Russian).

5. Azarov V.A. Problemy teorii i praktiki ohrany imushchestvennyh interesov lithshnosti v ugolovnom sudoproizvodstve [Problems of theory and practice of protection of personal property interests in criminal proceedings.]. Omsk: Higher School of Militia of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995. 188 p. (in Russian).

6. Bezlepkin B.T., Bobrov V.K. Ugolovno-processualnye voprosy vzyskaniya nazhitogo prestupnym putem: Lekciya [Criminal procedural issues of recovery of acquired by criminal means: Lecture.]. Volgograd: VSSH, 1982. 20 p. (in Russian).

7. Strogovich M.S. Priroda sovetskogo ugolovnogo processa i princip sostyazatelnosti [The nature of the Soviet criminal process and the principle of competition]. M.: Yurizdat, 1939. 152 p. (in Russian).

8. Tropskaya S. C. Pravovoj status nalogoplatel'shchika: balans chastnyh i publichnyh interesov v nalogovoj sfere [Legal status of the taxpayer: the balance between private and public interests in the tax area]. *Gosudarstvo i pravo — State and law*, 2008. no 5. pp. 101—106. (in Russian).

9. Repyeva P.V. K voprosu o principah balansa interesov [On the question of the principles of balance of interests.]. *Evrazijskij soyuz uchenyh (ESU) — Eurasian Union of Scientists (ESU)*, 2017. no 10(43). pp. 65—68. (in Russian).

10. Parsons T. O social'nyh sistemah [On social systems/ translated from English and under the general editorship of V.F. Chesnokova and S.A. Belanovsky]. M.: Akad. project., 2002. 830 p. (in Russian).

11. Belousov S.A. Zakonodatel'nyj disbalans (doktrina, teoriya, praktika) [Legislative imbalance (doctrine, theory, practice): dis. ... dr. juridical sciences]. Saratov, 2015. 501 p. (in Russian).

12. Kirakosyan S.A. Princip ravenstva v rossijskom grazhdanskom prave [The principle of equality in Russian civil law: abstract. dis. ... cand. Jurid. sciences]. Rostov-n/D, 2009. 25 p. (in Russian).

13. Khaliulin V.E. Soglasovanie interesov suektov prava kak predposylka formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii [Coordination of interests of subjects of law as a prerequisite for the formation of civil society in the Russian Federation: dis. ... cand. Jurid.]. Saratov, 2009. 228 p. (in Russian).

14. Syrykh V.M. Logicheskie osnovaniya obshchej teorii prava T.3. Sovremennoe pravoponimanie [Logical foundations of the general theory of law Vol.3. Modern legal understanding]. M.: Justinform, 2007. 512 p. (in Russian).

15. Pshenichnov M.A. Garmonizaciya rossijskogo zakonodatel'stva (teoriya, praktika, tekhnika) [Harmonization of Russian legislation (theory, practice, technique): autoref. dis... dr. Jurid. sciences]. N. Novgorod, 2011. 58 p. (in Russian).

16. Ozhegov S.I. Slovar russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. M.: Soviet Encyclopedia, 1972. 915 p. (in Russian).

17. Adamecki K. O nauke organizacii [About the science of organization.] M.: Economics, 1972. 191 p. (in Russian).

18. Davletov A.A., Azarenok N.V. Balans publichnogo i chastnogo interesov kak osnovopolagayushchij faktov formirovaniya sovremennogo rossijskogo ugolovnogo processa [The balance of public and private interests as a fundamental fact of the formation of the modern Russian criminal process.]. *Zakony Rossii — Laws of Russia,* 2021. no 6. pp. 31—37. (in Russian).

19. Artamonova E.A. Tschastnoe natschalo v sovremennom ugolovnom processe: monographij [Private beginning in the modern criminal process. The main forms of manifestation: monograph.] M.: Yurlitinform, 2014. 199 p. (in Russian).

20. Mezhenina L.A. Publichnost' rossijskogo ugolovnogo processa [Publicity of the Russian criminal process: autoref. dis. ... cand. Jurid. sciences]. Yekaterinburg, 2002. 29 p. (in Russian).

21. Bagautdinov F.N. Rasshirenie tschastnyh natschal v ugolovnom processe [Expansion of private principles in criminal proceedings.]. *Rossijskaj yusticija — Russian Justice*. 2002. no 2. pp. 16—17. (in Russian).

22. Barabash A.S. Publichnoe nachalo rossijskogo ugolovnogo processa [Public beginning of the Russian criminal process.]. St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov «Law Center Press», 2009. 417 p. (in Russian).

23. Tretyakova O.D. Yuridicheskaya konvergenciya [Legal convergence: abstract. dis. ... dr. Jurid. sciences.].Vladimir, 2012. 445 p. (in Russian).

24. Zorkin, V. D. Rossiya i Konstituciya v XXI veke. Vzglyad s Il'inki [Russia and the Constitution in the XXI century. A look from Ilyinka]. M.: Norma, 2007. 399 p. (in Russian).

25. Bulatov B.B., Dezhnev A.S. O sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya poryadka nalozheniya aresta na imushchestvo v ugolovnom processe [On improving the legal regulation of the procedure for arresting property in criminal proceedings.]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2020. no 2 (39). pp. 9—14. (in Russian).

26. Isaev R.M. Nalozhenie aresta na imushchestvo v ugolovnom processe: voprosy zakonodatel'noj reglamentacii [Seizure of property in criminal proceedings: issues of legislative regulation.]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2018. no 1. pp. 74—79. (in Russian).

27. Tsareva Yu.V. Zalog v sisteme mer ugolovno-processual'nogo presecheniya [Pledge in the system of measures of criminal procedural restraint]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii — Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2018. no 1. pp. 162—168. (in Russian).

28. Plotkina Y.B. Primenenie mer presecheniya, izbiraemyh po resheniyu suda, v stadii predvaritelnogo rassledovaniya [Application of preventive measures, elected by a court decision, at the stage of preliminary investigation: dis. ... cand. Jurid. sciences]. M., 2010. 23 p. (in Russian).

29. Bulatov B.B. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugolovnom sudoproizvodstve [State coercion in criminal proceedings]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 320 p. (in Russian).

30. Bulatov B.B., Muravyev K.V. Institut mer presecheniya v UPK Rossijskoj Federacii: dinamika razvitiya i perspektivy sovershenstvovaniya [Institute of preventive measures in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: dynamics of development and prospects for improvement.]. *Zakony Rossii — Laws of Russia,* 2021. no 6. pp. 23—30. (in Russian).

31. Kochetkova M.N., Zaporozhskiy S.N. Zalog kak mera presecheniya v ugolovnom processe [Bail as a preventive measure in criminal proceedings.]. SCIENCE TIME, 2017. no 3(39). pp. 250—253. (in Russian).

32. Kulikov M.I. K voprosu o predmete zaloga v rossijskom ugolovnom processe [On the subject of pledge in the Russian criminal process.]. *Vestnik Instituta mirovyh civilizacij — Bulletin of the Institute of World Civilizations,* 2017. no 14. pp. 108—114. (in Russian).

33. Tutynin I. B. Nekotorye problemy primeneniya denezhnogo vzyskaniya kak mery ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya [Some problems of the application of monetary penalties as measures of criminal procedural coercion.]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2020. no 12. pp. 23—29. (in Russian).

34. Garayeva T.B. Nalozhenie denezhnogo vzyskaniya: problemy pravoprimeneniya v ugolovnom sudoproizvodstve [Imposition of monetary penalty: problems of law enforcement in criminal proceedings.]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika — Law and the state: theory and practice.* 2018. no 5(161). pp. 139—143. (in Russian).

35. Bulatov B.B., Nikolyuk V.V. Mery processualnogo prinuzhdeniya [Measures of procedural coercion]. M.: Spark, 2003. 177 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Лыга Алексей Петрович, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства. Омской академии МВД России, Россия, Омск, 644092, пр. Комарова, 7.
ORCID: 0000-0002-1330-5394
ResearcherID: AAA-6363-2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Aleksei P. Lyga, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of Law and State. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 7, Komarova Ave., Omsk, Russia, 644092.
ORCID: 0000-0002-1330-5394
ResearcherID: AAA-6363-2022

Статья поступила в редакцию 10.11.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 10.11.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 159—172.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. no.2 (101). P. 159—172.

12.00.11. Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Научная статья
УДК 342.56
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.47.61.014

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРАВОСУДИЯ

Попова Ирина Павловна
Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск,
irinabaikal@mail.ru

***Введение*:** в статье исследовано значение понятия «правосудиея» для создания эффективного механизма реализации судебной власти и рассматриваются актуальные проблемы сущностного значения данной категории для правоприменительной практики в различных отраслях права. Изучение понятия правосудия с различных точек зрения требует выработки признаков правосудия вне зависимости от видов судопроизводства.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют положения Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и постановления Конституционного Суда Российской Федерации, научные исследования в области судебной деятельности. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили выявить и раскрыть два подхода к сущностному понятию правосудия, продемонстрировать связь методологических основ категорийного аппарата с правоприменительной практикой, раскрыть основные признаки понятия правосудия, роль усмотрения правоприменителя при использовании оценочных понятий, и в итоге сформулировать авторское понятие «правосудие».

Выводы и заключения: функции суда в современном мире трансформируются, а категория «правосудие» наполняется новым содержанием. Под правосудием следует рассматривать основную форму реализации и содержание судебной власти, заключающиеся в деятельности суда по осуществлению защиты прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, общества и государства путем рассмотрения и разрешения правового спора в определенной процессуальной форме, результатом которой является применение права, обеспеченное возможностью государственного принуждения и выраженное в общеобязательных актах.

© Попова И. П., 2022

Ключевые слова: судебная власть, правосудие, судопроизводство, усмотрение, гарантии, акт правосудия.

Для цитирования: Попова И. П. К вопросу о понятии правосудия// Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С.159—172.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.47.61.014

12.00.11 Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activities

Original article

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF JUSTICE

Irina P. Popova
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, irinabaikal@mail.ru

Introduction: the article examines the meaning of the concept of "justice" for the creation of an effective mechanism for the implementation of judicial power and discusses the actual problems of the essential significance of this category for law enforcement practice in various branches of law. The study of the concept of justice from various points of view requires the development of signs of justice, regardless of the types of legal proceedings.

Materials and methods: The normative basis of the research is the provisions of the Constitution of the Russian Federation, federal constitutional laws, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation, scientific research in the field of judicial activity. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods, methods of comparison, analysis, generalization and description.

Results of the study: it allowed us to identify and reveal two approaches to the essential concept of justice, demonstrate the connection of the methodological foundations of the categorical apparatus with law enforcement practice, reveal the main features of the concept of justice, the role of discretion of the law enforcement officer when using evaluative concepts, and finally formulate the author's concept of "justice".

Findings and Conclusions: the functions of the court in the modern world are being transformed, and the category of "justice" is being filled with new content. Under justice, one should consider the main form of implementation and content of judicial power, consisting in the activities of the court to protect the rights, freedoms and legitimate interests of citizens, organizations, society and the state by considering and resolving a legal dispute in a certain procedural form, the result of which is the application of law provided by the possibility of state coercion and expressed in generally binding acts.

Key words: judicial power, justice, judicial proceedings, discretion, guarantees, act of justice.

For citation: Popova I. P. K voprosu o ponjatii pravosudija [On the question of the concept of justice]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 159—172 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.47.61.014

Состояние правосудия в том или ином государстве является лакмусовой бумагой для оценки состояния уровня права в целом и отношения к субъективным правам и свободам в частности. Вместе с тем следует констатировать, что основы правосудия, а в дальнейшем, формирование его модели закладывается еще до создания государства. Как один из важных социальных институтов, позволяющих разрешать конфликты в обществе, присущие любым отношениям, правосудие зависит от множества факторов и традиционно является предметом исследования [1].

Озвученные и нормативно закрепленные декларации относительно судебной власти и главной формы её реализации — правосудия — вряд ли способны обеспечить состояние защищенности граждан со стороны государства без создания реальных механизмов, в первую очередь обеспечивающих самостоятельность и независимость судебной власти. Неслучайно большинство исследователей эффективность правосудия связывает с этими принципиальными положениями, провозглашая их в числе главных задач судебной реформы. Именно правосудие призвано гарантировать соблюдение установленных в обществе правил, а провозглашение России демократическим правовым государством в главном законе страны (ст. 1 Конституции Российской Федерации) обязывает публичную власть создать и развивать соответствующие государственные механизмы.

Эффективность правосудия, достижимость стоящих перед правосудием целей и задач выступает одним из критериев правового демократического государства, в котором должны обеспечиваться, как охрана и защита прав, свобод и законных интересов, так и баланс публичных и частных интересов.

Ставший классическим принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, с признанием самостоятельности каждой из ветвей власти, закреплен в ст. 10 Конституции Российской Федерации. Согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, с гарантией права на судебную защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации) посредством осуществления правосудия только судом в различных видах судопроизводства: конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного (ст. 118 Конституции Российской Федерации). Нельзя не отметить, что изменения в редакцию ст. 118 Конституции Российской Федерации

внесены относительно недавно, Федеральным законом от 14.04.2020 № 1-ФКЗ[1] и дополнили положения Конституции Российской Федерации самостоятельным видом арбитражного судопроизводства.

Следует солидаризироваться с позицией Н. В. Витрука о том, что между законодательно определяемым правовым положением личности и практикой его реализации всегда есть известный разрыв, и тогда теория способна дать подлинные критерии и ориентиры для законодательной, судебной и иной правоприменительной практики, отвечающей конституционным идеалам и ценностям [2, с. 9]. Обоснованно отмечает А. Н. Ведерников, что судебная защита прав и свобод личности — это одна из сторон проявления сущности власти в государстве, которая заключается в том, что путем судебных решений суд воздействует на поведение людей [3, с. 64].

Л. В. Головко подчеркивая, что судебная власть является единственным видом конституционно признанной государственной власти, а суды — единственным видом учрежденных непосредственно Конституцией государственных органов, которые создаются специально для судопроизводства, т.е. процессуальной деятельности [4, с. 192], констатирует беспрецедентность движения в сторону расширения сферы компетенции суда, которому доверяется разрешение всего большего количества споров, проблем, конфликтов и т.п., а в числе сущностных причин этого — верно подчеркивает необходимость лучшей защиты прав личности [5, с. 42, 44].

В этой связи отдельные ученые сравнивают состояние, которое сейчас проживает Россия, как период, созвучный реформам 1864 г., при этом верно акцентируют внимание на возрастающем значении нравственных измерений права и юридической деятельности, с учетом сложившихся условий беспрепятственного пользования свободой и правом, в отсутствие идеологического воздействия со стороны государства на нравственное начало [6, с. 137].

Однако, являясь фундаментальным понятием права, понятие правосудия нормативно не закреплено, тогда как в практической плоскости сущность определения правосудия является критерием, определяющим стандарты его осуществления, пределы его реформирования и критерии оценки эффективности.

Более того, в ряде норм кодифицированных актов содержатся ссылки на правосудие, т. е. имеются нормы с бланкетным содержанием. В частности, глава 31 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за преступления против правосудия, однако, само понятие правосудия в уголовном законе не раскрывается. В указанном аспекте следует согласиться с позицией И. И. Голубова о том, что требуется однозначное толкование терминов при конструировании норм, поскольку «иное может повлечь за собой отсутствие единообразия в практике применения уголовного закона и, как следствие, нарушение прав граждан, а также иных охраняемых уголовным законом интересов» [7].

---

[1] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования судебной власти: закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.

В ст. 401.6 УПК РФ предусмотрена возможность пересмотра в кассационном порядке судебных решений по основаниям, ухудшающим положение осуждённого, оправданного лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, в пресекательный срок один год, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения правосудия, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. При этом официальное толкование данной нормы Верховным Судом Российской Федерации (далее — ВС РФ) дает лишь общие ориентиры: к видам нарушений уголовно-процессуального закона, искажающим саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия: к ним могут быть отнесены, в частности, нарушения, указанные в пунктах 2, 8, 10, 11 части 2 статьи 389.17, в статье 389.25 УПК РФ, а также иные нарушения, которые лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления гарантированных законом прав на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такое лишение либо такие ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда[1].

В частности, по мнению ВС РФ, к таким нарушениям, влекущим безусловную отмену судебного решения, могут быть отнесены:

1) нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта или тайны совещания судей при постановлении приговора;

2) отсутствие подписи судьи или одного из судей, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально, на соответствующем судебном решении;

3) отсутствие протокола судебного заседания;

4) такие существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных присяжными заседателями ответов.

Таким образом, понимание сущности правосудия, актов правосудия наполняется усмотрением правоприменителя с учетом весьма неконкретных оценочных категорий, а разъяснение ВС РФ, содействуя устранению пробелов в праве, кардинальным образом проблему не решает. При осуществлении правосудия усмотрение должно быть основано на строгом соблюдении как принципов правосудия, так и принципов того вида судопроизводства, где реализуется это дискреционное правомочие. Как верно отмечает О. И. Андреева, «чем в большей степени деятельностью субъекта затрагиваются интересы других лиц, тем детальнее закон должен регулировать это поведение» [8, с. 128]. В свою оче-

[1] О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25 июня 2019 г. № 19 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2019. — № 9.

редь, усмотрению правоприменителя коррелирует обязанность мотивировать свои выводы и решения, с возможностью гарантированных прав на обжалование акта правосудия.

Правосудность принятых решений является предметом проверки вышестоящими судами, и отдельные авторы не расценивают принятые в результате решения проверочных инстанций как акты правосудия. Между тем вышестоящие суды также осуществляют свою деятельность по проверке состоявшихся судебных решений в процессуальной форме, с возможностью принятого нового решения по существу [9].

Подвергается критике в разных отраслях процессуального права и само понятие актов правосудия, постановленных в результате упрощенных процедур.

Например, Д. А. Туманов, высказывает позицию о том, что такие виды судебных решений, как судебные приказы, не могут являться актами правосудия, поскольку необходимая система гарантий, в полной мере характеризующая процессуальную форму, в нем отсутствует, а вынесению судебного приказа никакие гарантии по установлению действительных обстоятельств дела не предшествуют, кроме того, возможность заявить свою позицию по делу всем заинтересованным лицам не предоставляется. По мнению исследователя, единственная гарантия, на основании которой у должника есть возможность возразить против приказа и отменить его в упрощенном порядке, напрямую не влияет на правильность судебного приказа, она находится вне его принятия, а её реализация зависит исключительно от воли должника, что, бесспорно, базируется на принципе диспозитивности, но не компенсирует отсутствия тех механизмов, которые необходимы для того, чтобы считать судебный приказ не просто неким правоприменительным актом, а актом правосудия. Судебный приказ, полагает автор, ничем не отличается от акта любого другого правоприменительного органа. Само же по себе наличие суда, вне системы гарантий вынесения судебного приказа в данном случае, не превращает суд в орган правосудия.

О неправосудной природе судебного приказа, с точки зрения Д. А. Туманова, также свидетельствует допущение законодателем отмены судебного приказа по немотивированному возражению должника. В этом смысле судебный приказ даже менее устойчив, нежели акты несудебных правоприменительных органов, поскольку последние могут быть оспорены, в том числе, в суде, но для их отмены необходимо установление их незаконности, для отмены же судебного приказа в упрощенном порядке устанавливать его незаконность не требуется. В свою очередь, пишет Д. А. Туманов, более чем сомнительно, чтобы актом правосудия считался акт менее устойчивый, нежели акт несудебного органа [10].

Отдельные ученые, анализируя приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, приходят к выводу, что такие виды приговоров не могут постановляться от имени государства. По их мнению, законодатель косвенно признал различие между приговором, постановленным в общем порядке, и приговором, постановленным в особом (сокращенном) судебном разбирательстве, отразив это в ст. 90 УПК РФ посредством отказа в пре-

юдициальной силе приговору, постановленному в особом (сокращенном) судебном разбирательстве. Ученые полагают, что имеются основания для утверждения того, что такой приговор должен обрести свое название как согласительного приговора. По процессуально-процедурному признаку к такому приговору близок заочный приговор, постановленный в отсутствие подсудимого, который также в силу упрощения судебного следствия не должен иметь преюдициальное значение [11].

Однако остается открытым вопрос о том, обладает ли такой приговор признаками акта правосудия, при лишении его возможности вынесения от имени государства? В этом случае возникает закономерный вопрос, продолжая именоваться приговором, но не от имени государства, имеется ли необходимость предоставлять суду решение вопроса о применении согласительных процедур? Приговор как акт правосудия обладает определенными свойствами, и представляется, что утрата одного из них — преюдициальности — не лишает значения акта правосудия, принятого только судом в строго установленной процедурной форме, с предоставлением соответствующих гарантий, и главное — с разрешением главного вопроса уголовного судопроизводства — виновности. Именно это свойство приговора, а никакое иное решение не может разрешить вопроса о виновности, представляется, лишает основы позицию об утрате приговором, постановленным в особых производствах, значения акта правосудия. Процессуальное значение приговора отражает его роль как акта правосудия в системе иных решений в уголовном судопроизводстве. Приговор, как итоговый акт правосудия, разрешая уголовное дело по существу вне зависимости от дифференцированных процедур его постановления, это значение не утрачивает, и также влечет соответствующие правовые последствия. Относительно отмены приговора, постановленного заочно, без проверки правосудности (ч. 7 ст. 247 УПК РФ), можно было бы рассуждать аналогично вышеизложенной позиции Д. А. Туманова о судебном приказе.

Понятие правосудия и наполнение этого понятия конкретным содержанием вызывает новые витки давней дискуссии не только в аспекте дифференцированных форм судопроизводства, но и в связи с введением в него цифровизации и автоматизации. В научной литературе обсуждается возможность использования в правосудии юнитов искусственного интеллекта, появилось выражение «флэш-правосудие», под которым понимается заимствование в текстах судебных решений содержания итоговых актов органов предварительного расследования или позиций сторон, выраженных в ходе судопроизводства [12; 13].

Обращение к семантическому значению слова «правосудие» позволяет сделать вывод о том, что оно раскрывается в двух аспектах: 1) как деятельность («правый суд», «деятельность судебных органов») и 2) как решение («справедливый приговор, решение по закону, по совести», как справедливое решение дела, спора») [14, с. 483; 15, с. 577]. В свете чего, раскрывая понятие правосудия, ключевым является не только субъект, правомочный принимать акты правосудия, в качестве такового законом предусмотрен только суд и судьи, как носители судебной власти, что не оспаривается при различных под-

ходах к содержанию исследуемой категории, но и осуществляемая деятельность, и её результат. В первую очередь, следует понимать соотношение исследуемого понятия со справедливостью, что имманентно с учетом генезиса правосудия, отождествляемого с правосудием [16, с. 15].

Конституционный Суд Российской Федерации также соотносит правосудие с требованием справедливости, о чем неоднократно отмечал в своих решениях. Так, в постановлении от 14.02.2000 № 2-П, в котором в качестве главного тезиса используется следующее утверждение: «право на судебную защиту предполагает наличие гарантий, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Одной из таких гарантий применительно к уголовному судопроизводству является закрепленное в статье 123 (часть 3) Конституции РФ положение об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон»[1].

К числу признаков, позволяющих отличать правосудие от иных видов государственной деятельности, можно отнести следующие:

1) правосудие осуществляется только судом, что нашло отражение не только в конституционных положениях, но и закреплено в отраслевом законодательстве;

2) правосудие осуществляется только установленными в законе способами; в строго регламентированной процессуальной форме, с обеспечением процессуальных гарантий;

3) правосудие как вид государственной деятельности завершается принятием акта правосудия; обязательного к исполнению всеми органами, организациями, учреждениями гражданами, под угрозой ответственности за его неисполнение.

Понятие правосудия и акта правосудия толкуется авторами с учетом двух подходов.

В первом случае, ученые склонны рассматривать правосудие в более узком смысле, понимая под правосудием только такую судебную деятельность, которая направлена на разрешение главных вопросов социального конфликта. Например, в уголовном судопроизводстве это вопрос виновности и ответственности, разрешение уголовного дела по существу, причем различные авторы формулируют свои точки зрения относительно отдельных признаков правосудия и его актов, различаясь в отношении к постановлениям, которые, по мнению некоторых сторонников более узкого подхода, в отличие от приговора, не выступают актами правосудия [17, с. 12; 18, с. 45].

Ряд авторов полагает, что единственным актом осуществления правосудия в уголовном судопроизводстве является приговор суда, и относят к правосудию также осу-

[1] По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А. Б. Аулова, А. Б. Дубровской, А. Я. Карпинченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Мустафина и А. А. Стубайло: постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 14 февр. 2000 г. № 2-П // СЗ РФ. — 2000. — № 8. — Ст. 991.

ществление соответствующими судами процессуальной деятельности по пересмотру постановленных судами первой инстанции приговоров и последующих решений. Разрешение иных споров (конфликтов) правового характера, которые осуществляются судами с соблюдением свойственной правосудию процедуры в досудебных, и судебных стадиях производства по уголовному делу, по их мнению, не является осуществлением правосудия [19, с. 67—85; 20, с. 17, 26—28].

Во втором случае правосудие толкуется в более широком смысле, охватывая такую процессуальную деятельность суда, которая может осуществляться не только при постановлении итогового решения по делу, но по процедуре, аналогична разрешению дела судом, и к тому же содержит все признаки правосудия. Например, уголовно-процессуальный закон регламентирует не только постановление приговора, но и деятельность суда, как в досудебных, так и судебных стадиях уголовного судопроизводства. В тех случаях, когда эта деятельность не носит организационно-распорядительный характер, а в той либо иной степени связана с разрешением правового спора (конфликта) сторон (заинтересованных лиц), а по итогам судебного заседания судом принимается обязательное для исполнения судебное решение, вполне закономерно, что это признается осуществлением правосудия.

С. В. Максимов, рассматривая правосудие как объект уголовно-правовой охраны, также приводит два подхода к этому понятию, однако, основное их предназначение в его исследовании — определить охраняемый уголовным законом объект. В этой связи он видит в понятии правосудия 1) исключительно судебную деятельность; 2) в более широком понимании — рассматривает и иные виды юрисдикционной деятельности, непосредственно связанные с работой суда [21].

Весьма дискуссионной является позиция, согласно которой под правосудием автор рассматривает всю деятельность, которая возникает в связи с рассмотрением дел и материалов в суде (вплоть до направления или вручения участникам судопроизводства повесток (извещений) о вызове в суд или своевременного вручения копий судебных решений [7].

Рассматривая через призму совокупности признаков правосудия позиции сторонников более широкого толкования исследуемого понятия, следует солидаризироваться с ними в силу следующих аргументов. В качестве основы для аргументации следует рассмотреть данный вопрос на примере уголовного судопроизводства, отличающегося не только стадийностью, но и принятием различных процессуальных решений при движении уголовного дела. Процессуальная деятельность осуществляется судом не только в стадии судебного разбирательства с разрешением главного вопроса о виновности постановлением приговора, что всеми авторами расценивается как правосудие и его итоговый акт, но и в ходе реализации полномочий суда в рамках судебного контроля и санкционированием в досудебном производстве или в стадии исполнения приговора. Наличие потребности в судебном контроле порождено возникшим спором в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, спор разрешается только судом, в строго

установленной процессуальной форме, с соблюдением принципов правосудия, с принятием обязательного к исполнению итогового акта, обеспеченного принудительными средствами. По большому счету посредством судебного контроля также осуществляется охрана и защита прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства или тех лиц, кто таковыми еще не признан, но чьи права и законные интересы затронуты или находятся в риске воздействия со стороны государственной власти [22].

Несмотря на то, что решения, принятые судом в досудебном порядке или в стадии исполнения приговора, не разрешают главный вопрос, но они разрешают возникший социальный спор процессуальными средствами, а деятельность суда не носит организационно-технический характер, а связана с суждением о праве в конкретном конфликте, направлена на защиту прав и законных интересов, с обеспечением гарантий участникам конфликта [23].

В этой связи уместно сослаться и на позицию Пленума ВС РФ, рассматривающего деятельность по рассмотрению и разрешению судом вопросов, связанных с исполнением приговора одной из форм осуществления правосудия[1].

Судебные органы, будучи единственными инстанциями, осуществляющими правосудие, функционируют в целях разрешения конкретного конфликта, устранения спора о праве, что всегда связано с защитой нарушенных и оспариваемых прав, свобод и законных интересов [24, с. 58]. Предоставляя высший уровень защиты, посредством точного соблюдения предписанного законом порядка и норм судопроизводства [25, с. 17], верно подчеркивается, что акт правосудия должен соответствовать критерию правовой предсказуемости, обозначенной в научной литературе как то, что итоговый результат осуществления правосудия не должен зависеть от субъективного фактора, т. е. от личности правоприменителя [26, с. 378—380].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что функции суда в современном мире трансформируются, а категория «правосудие» наполняется новым содержанием. По сути, правосудие есть не только форма реализации судебной власти, но и отражает её содержание, поскольку выраженное суждение о праве, облаченное в соответствующих актах по итогам судебного заседания, принадлежит только суду вне зависимости от видов судопроизводства. Как представляется, с учетом вышеизложенных сущностных признаков правосудия, его определение возможно изложить следующим образом: правосудие — основная форма реализации и содержание судебной власти, заключающиеся в деятельности суда по осуществлению защиты прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, общества и государства путем рассмотрения и разрешения правового спора в определенной процессуальной форме, результатом которой является применение права, обеспеченное возможностью государственного принуждения и выраженное в общеобязательных актах.

---

[1] О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 20 дек. 2011 г. № 21 (в ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. — 2012. — № 2. — С. 2—6.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Салтыков К. Г. Римское право и латинский язык как факторы интерпретации юридического термина «правосудие» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 3 (98). — С. 36—42.

2. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. — 448 с.

3. Ведерников А. Н. Конституционное право личности на судебную защиту в Российской Федерации. — Томск: Изд-во Том ун-та, 2012. — 236 с.

4. Головко Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. — М.: Изд. дом «Городец», 2022. — 464 с.

5. Головко С. В. Роль суда: между защитой индивидуальны прав и легитимацией ограничений индивидуальных прав. Суд и государство / под ред. Л. В. Головко, Б. Матьё. — М.: Статут, 2018. — 272 с.

6. Алмазов Б. Н. Личность в правовом поле. — Екатеринбург: Изд. дом УрГЮА, 2005. — 152 с.

7. Голубов И. И. О противоречиях в понимании термина «правосудие» в юридической науке // Юридическое образование и наука. — 2013. — № 3. — С. 29—34.

8. Андреева О. И. К вопросу о способах правового регулирования в российском уголовном процессе // Вестник Самарского государственного университета. — 2014. — № 11/2 (122). — С. 125—132.

9. Бородинова Т. Г. Деятельность вышестоящих судов по проверке приговоров // Российская юстиция. — 2013. — № 6. — С. 34—37.

10. Туманов Д. А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 9. — С. 13—20.

11. Аширбекова М. Т. О некоторых видах приговора суда первой инстанции / М. Т. Аширбекова, В. Н. Тронева // Мировой судья. — 2017. — № 10. — С. 30—35.

12. Козырева А. А. Применение технологий искусственного интеллекта в правосудии / А. А. Козырева, Т. В. Пирожкова // Администратор суда. — 2021. — № 2. — С. 12—16.

13. Багаутдинов Ф. Н. Флеш-правосудие: допустимость и пределы // Российский судья. — 2021. — № 4. — С. 62—64.

14. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля / сост. Н. В. Шахматова и др. — СПб., 2004. — 735 с.

15. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 2003. — 907 с.

16. Правосудие в современном мире: моногр. / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов и др.; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Норма, 2018. — 784 с.

17. Рябцева Е. В. Правосудие в уголовном процессе. — 2-е изд., доп. — М.: Юрлитинформ, 2010. — 400 с.

18. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: Инфра-М, 2010. — 240 с.

19. Абашева Ф. А. Осуществление правосудия в системе уголовно-процессуальных функций. — Ижевск, Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. — 148 с.

20. Азаров В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам / В. А. Азаров, В. А. Константинов. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 216 с.

21. Максимов С. В. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны // Журнал российского права. — 2013. — № 4. — С. 65—72.

22. Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе. — М.: Проспект, 2016. — 304 с.

23. Николюк В. В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Уголовное право. — 2012. — № 3. — С. 93—100.

24. Малько А. В. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения / А. В. Малько, В. В. Субочев, А. М. Шериев. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. — 192 с.

25. Изварина А. Ф. Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования. — М.: Проспект, 2015. — 304 с.

26. Аверин А. В. Правосудие и право. 2-е изд., доп. / А. В. Аверин, Ю. А. Гроза. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 440 с.

REFERENCES

1. Saltykov K.G. Roman law and Latin language as factors of interpretation of the legal term "justice" // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 3 (98). pp. 36-42.

2. Vitruk N.V. General theory of the legal status of the individual. – M.: Norm: INFRA-M, 2018. – 448 p.

3. Vedernikov A.N. The constitutional right of an individual to judicial protection in the Russian Federation. – Tomsk: Publishing House of the Tomsk University, 2012. – 236 p.

4. Golovko L.V. The state and its criminal proceedings. – Moscow: Publishing House "Gorodets", 2022. – 464 p.

5. Golovko S.V. The role of the court: between the protection of individual rights and the legitimization of restrictions on individual rights. The court and the state. / edited by L.V. Golovko, B. Mathieu. – M.: Statute, 2018. – 272 p.

6. Almazov B.N. Personality in the legal field. – Yekaterinburg: Publishing House of UrGUA, 2005. – 152 p.

7. Golubov I.I. On contradictions in the understanding of the term "justice" in legal science // Legal education and science. – 2013. – No. 3. – pp. 29-34.

8. Andreeva O. I. On the question of methods of legal regulation in the Russian criminal process // Bulletin of the Samara State. univer-ta. – 2014. –№ 11/2 (122). pp. 125–132.

9. Borodinova T.G. The activity of higher courts for the verification of sentences // Russian Justice. - 2013. – No. 6. – pp. 34-37.

10. Tumanov D.A. Once again about whether a court order is an act of justice, or Reflections on the essence of justice // Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2016. – No. 9. – pp. 13-20.

11. Ashirbekova M.T., Troneva V.N. On some types of sentence of the court of first instance // Justice of the Peace. – 2017. – No. 10. – pp. 30-35.

12. Kozyreva A.A., Pirozhkova T.V. Application of artificial intelligence technologies in justice // Court Administrator. - 2021. No. 2. – pp. 12-16.

13. Bagautdinov F.N. Flash justice: admissibility and limits // Russian Judge. – 2021. – No. 4. – pp. 62-64.

14. Explanatory dictionary of the living Great Russian language by V.I. Dal / comp. N.V. Shakhmatova et al. – St. Petersburg, 2004. – 735 p.

15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. – M., 2003. – 907 p.

16. Justice in the modern world: a monograph / V. M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva, A. S. Avtonomov, etc.; edited by V. M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva. — 2nd ed., supplement and revision — M. : Norm, 2018. — 784 p.

17. Ryabtseva E.V. Justice in criminal proceedings. 2nd ed., supplement – M.: Yurlitinform, 2010. – 400 p.

18. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice / 2nd ed., reprint. and additional – M.: Norm: Infra-M, 2010. – 240 p.

19. Abasheva F.A. The implementation of justice in the system of criminal procedural functions. – Izhevsk, Ed. House "Udmurtia University", 2007. – 148 p.

20. Azarov V.A., Konstantinov V.A. Interim decisions of the court of first instance in the administration of justice in criminal cases. – Moscow: Yurlitinform, 2013. – 216 p.

21. Maksimov S.V. Justice as an object of criminal law protection // Journal of Russian Law. - 2013. – No. 4. – pp. 65-72.

22. Burmagin S.V. Status and activity of the court in criminal proceedings. – M.: Prospect, 2016. – 304 p.

23. Nikolyuk V. V. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 20, 2011 No. 21 "On the practice of application by courts of legislation on the execution of a sentence" // Criminal law. – 2012. – No. 3. – pp. 93-100.

24. Malko A.V. Rights, freedoms and legitimate interests: problems of legal support. / A.V. Malko, V.V. Subochev, A.M. Sheriev. – M.: Norm: INFRA-M, 2017. – 192 p.

25. Izvarina A.F. The judicial system of Russia: conceptual foundations of organization, development and improvement. – Moscow: Prospect, 2015. – 304 p.

26. Averin A.V., Groza Yu.A. Justice and law. 2nd ed., supplement – M.: Yurlitinform, 2020. – 440 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Ирина Павловна, кандидат юридических наук, доцент,
председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке, доцент кафедры уголовного процесса.
Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0002-6065-4888
ResearcherID: Y-3120-2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Irina Pavlovna, Candidate of Law, associate professor
Chairman of Ust-Ilim City Court of Irkutsk Region Honorary Retirement, Associate Professor of Department of Criminal Procedure.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110,
Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.
ORCID: 0000-0002-6065-4888
ResearcherID: Y-3120-2019

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С.173 — 180.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no.2 (101). P. 173—180.

02.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.67.18.015

К 100-летнему юбилею Рафаила Самуиловича Белкина

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИКИ В НАУЧНОМ ТРУДЕ Р. С. БЕЛКИНА «КРИМИНАЛИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ. ЗЛОБОДНЕВНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ»

Грибунов Олег Павлович
Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Российская Федерация, Иркутск, gribunov@mail.ru

Введение: на протяжении последних лет свой вклад в развитие криминалистики внесли многие отечественные ученые, но ярким представителем советской и российской криминалистической школы, корифеем криминалистики является заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный академик Российской академии естественных наук, генерал-майор милиции, участник Великой Отечественной войны Рафаил Самуилович Белкин. 11 июля 2022 года отмечается 100-летие со дня его рождения.

Материалы и методы: методологической основой исследования является диалектический метод научного познания, а также системный метод познания криминалистических закономерностей. Кроме того, автором в процессе исследования применялись иные общенаучные методы: анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнительно-правовой, описания, обобщения и др.

Результаты исследования позволили определить, что роль и значение научных достижений уважаемого ученого в становлении и развитии криминалистической науки не вызывает сомнений, т. к. их концептуальность очевидна и обоснована в многочисленных трудах как отечественных, так и зарубежных криминалистов. Каждый, кто получал высшее юридическое образование и изучал криминалистику, и, конечно же, тот, кто так или иначе в научной сфере имеет отношение к наукам уголовно-правового цикла, не мог не пользоваться трудами Р. С. Белкина, и, прежде всего, это касается диссертационных исследований.

Выводы и заключения: статья представляет собой краткий анализ известного научного труда Р. С. Белкина «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня»

© Грибунов О.П., 2022

2001 года в контексте актуальности мысли Великого криминалиста современным реалиям научного обеспечения деятельности правоохранительных органов в противодействии преступности.

Ключевые слова: Р. С. Белкин, криминалист, ученый, теория криминалистики, расследование, предупреждение преступлений.

Для цитирования: Грибунов О. П. Концептуальные основы криминалистики в научном труде Р. С. Белкина «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С.173—180.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.67.18.015

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

To the 100th anniversary of Raphael Samuilovich Belkin

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF CRIMINALISTICS IN R. S. BELKIN "CRIMINALISTICS: PROBLEM'S TODAY"

Oleg P. Gribunov
Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk, gribunov@mail.ru

Introduction: over the past years, many domestic scientists have made their contribution to the development of forensic science, but a prominent representative of the Soviet and Russian forensic school, the coryphaeus of forensic science is the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Major General police, a participant in the Great Patriotic War Rafail Samuilovich Belkin. 11 july 2022 the 100th anniversary of his birth is celebrated.

Materials and methods: the methodological basis of the study is the dialectical method of scientific knowledge, as well as the systematic method of cognition of forensic laws. In addition, the author used other general scientific methods in the process of research: analysis and synthesis, induction and deduction, comparative legal, description, generalization, etc.

The results of the study made it possible to determine that the role and significance of the scientific achievements of a respected scientist in the formation and development of forensic science is beyond doubt, since their conceptuality is obvious and substantiated in numerous works of both domestic and foreign criminologists. Everyone who received a higher legal education and studied forensic science, and, of course, who in one way or another in the scientific field is related to the sciences of the criminal law cycle, could not but use the works of R. S. Belkin, and above all, this applies to dissertation research.

Findings and conclusions: the article is a brief analysis of the well-known scientific work of R. S. Belkin "Criminalistics: Problems of Today" 2001 in the context of the relevance of the thought of the Great criminologist to the modern realities of scientific support for the activities of law enforcement agencies in combating crime.

Keywords: R. S. Belkin, criminologist, scientist, theory of criminology, investigation, crime prevention.

For citation: Gribunov O.P. Konceptual'nye osnovy kriminalistiki v nauchnom trude R. S. Belkina «Kriminalistika: problemy segodnjashnego dnja. Zlobodnevnye voprosy rossijskoj kriminalistiki» [Conceptual foundations of criminalistics in R. S. belkin "criminalistics: problems'today"]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 173—180 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.67.18.015

Для того, чтобы представить круг научных интересов и объем вопросов, поднимаемых Р. С. Белкиным в своих работах, стоит ознакомиться с книгой Е. Р. Россинской «Избранные труды / Рафаил Самуилович Белкин» [1], посвященной 85-летию великого ученого, где, полагаем, особое место занимает всем известна работа Р. С. Белкина «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня», вышедшая в свет в 2001 году как научный труд, где критически проанализированы криминалистические «фантомы», наносящие ущерб науке и практике борьбы с преступностью. На протяжении многих лет цитирование высказываний Великого ученого имели место практически во всех научных трудах в прямой или косвенной постановке вопроса об этих самых «фантомах».

Очередной раз при прочтении данной книги, без концентрации мысли на «фантомах» криминалистики, обращаем внимание на некоторые «злободневные вопросы российской криминалистики» восприятия 2001 года с их «примеркой» на год 2022 — в год 100-летия со дня рождения Великого ученого криминалиста Рафаила Самуиловича Белкина.

Простота изложения, доступность и великолепие мысли, прозорливость и проницательность — вот главное в постулатах и идеях Р. С. Белкина.

Так, оценивая влияние научно-технического прогресса на науку, Р. С. Белкин все разнообразие научной мысли объединил в 10 постулатах [2, с. 13—14]:

«1) ускорение темпов развития науки в целом („информационный взрыв“), особенно в „точках роста“, т. е. в точках взаимодействия наук;

2) математизация и формализация знаний;

3) проникновение математики во все новые области знаний;

4) тенденция перехода от анализа к синтезу, системному анализу — отсюда интерес к моделированию, структурно-функциональному методу, принципу дополнительности;

5) рост научного потенциала общества;

6) возрастание роли и эффективности науки;

7) интеграция наук;

8) появление комплексных наук;

9) всеобщий интерес к методологии, логике и философии науки;

10) кибернетизация научных исследований».

Искусно назвав их «как следствием научно-технического процесса» (далее - НТП) [2, с. 18].

И это не удивительно, поскольку, как истинный ученый, Рафаил Самуилович предвидел скачок в периодах развития науки с точки зрения удвоения знаний, из которых ускоренное развитие науки в целом («информационный взрыв»), особенно в «точках роста», т. е. в точках взаимодействия наук; проникновение математики во все новые области знаний (в настоящее время это — теория больших данных — «биг-дата» (Big Data)); математизация и формализация знаний, — которая будет способствовать открытию новых возможностей развития криминалистики и повышению практической эффективности. И, надо сказать, весьма верно прогнозировано направление процесса математизации криминалистики — разработка проблем криминалистической идентификации.

Возрастание роли и эффективности науки; интеграция наук; кибернетизация научных исследований именно сегодня, как представляется автору настоящей статьи, актуальны как никогда.

Абсолютно верно отмечены причины ускоренного развития криминалистики, из которых «ускоренное развитие тех отраслей знаний, данные которых используются в криминалистике» и «решение задач судебной экспертизы» [2, с. 18] подтверждены сегодня правоприменительной практикой.

И вот как тонко и озабоченно высказался Р. С. Белкин об отношениях с Украиной: «Искусственно воздвигнутый языковой барьер существенно ослабил связи между криминалистами Украины и учеными России» [2, с. 18]. И это в 2001 году! А рост развития науки на рубеже 2000 годов уже тогда заметил почтенный юбиляр: «Но закон ускоренного развития науки в условиях НТП, нейтрализованный на время политическими реалиями жизни общества, вновь стал набирать силу в России» [2, с. 18]. А его идею о создании единого общероссийского научного и информационного центра в области криминалистики, пожалуй, можно соотнести с РИНЦ.

Нельзя не отметить фундаментальные изречения Р. С. Белкина, что «важнейшим следствием НТП стало усиление интегративной роли философии, сближения философского и нефилософского знания» [2, с. 25—26].

И конечно же, мнение Ученого «о новом взгляде на природу криминалистики как синтетической науки» [3] предопределило дальнейшее развитие криминалистического знания.

Простое по изложению и глубине смысла по содержанию следует признать тезис Рафаила Самуиловича относительно «служебной функции криминалистики» в части «внедрения в судопроизводство достижений иных наук» и «наличии в криминалистике известного правового содержания» [2, с. 39].

Невозможно не отметить в достаточной степени доступной информацию о следах, образах и отражении: «Три „кита“ современной криминалистики», как категории, «составляющей основу как „практической криминалистики“, так и криминалистической теории». Именно отражение — «тот третий „кит“, на котором зиждется все здание криминалистической науки от определения ее предмета до практических приложений». И дальнейшее освещение вопроса методологии науки. Именно Рафаил Самуилович абсолютно верно указал на отражение как на такую концептуальную категорию, которая образует фундамент криминалистики, а именно понятие «след» [4, с. 208]. И, конечно же, нельзя не обратить внимание на глубокие философские рассуждения о связи криминалистики с философией, прежде всего в контексте развития категории «отражение».

При этом философский смысл понятия отражения профессор сознательно ограничивает «одной из наиболее существенных для криминалистики сфер — отражение в неживой природе. Отражение же в живой природе не менее значимо для криминалистической науки» [2, с. 53]. В этом смысле следует согласиться с тем, что «психические формы отражения — в сознании человека» протекают принципиально по иным закономерностям. Вообще понятие «отражение» Рафаил Самуилович рассматривает в двух самостоятельных аспектах в разрезе «криминалистического смысла» [2, с. 52—58] и «уголовно-процессуального смысла» [2, с. 58—60]. Интересным и познавательным следует признать предложенную систему связей акта отражения: «отражаемые объекты — средства отражения — отражаемые объекты — результат отражения» [2, с. 54].

Вне всяких сомнений, уникальной следует назвать технику подачи новой терминологии, интегрированной в криминалистику. Так, «системозначимая» идея — идея криминалистической стратегии филигранно рассмотрена через призму военной стратегии [2, с. 74—75].

Заслуживает внимание и представляет известный интерес рассуждения Р. С. Белкина о нравственных началах деятельности следователя — морали, этике, обмане, конфликте. Его четкие и однозначные тезисы: «Нужно либо признать в правоохранительной деятельности обман допустимым, либо его запретить; принципиальное решение этого вопроса может быть только однозначным» [2, с. 104]; «Все это позволяет лишний раз задуматься: не пора ли отказаться, наконец, от абстрактно-лицемерного утверждения о том, что всякий обман, к которому прибегает следователь или оперативный сотрудник, — аморален?» [2, с. 106—107] — посыл не допускать двойных стандартов в деятельности правоохранительных органов.

Не обошел стороной Р. С. Белкин и извечный вопрос о взаимосвязи науки и практики. Давая оценку новым криминалистическим научным концепциям, профессор абсолютно справедливо, именует «тревожным явление, когда практика игнорирует то, что ей предлагает наука» [2, с. 123], а причиной тому — избыточное количество научных трудов в виде «книжных методик» [2, с. 126—127], которые, к слову сказать, необходимы в образовательной деятельности, а практикам нужны «специальные криминалистические алгоритмы и программы» [2, с. 128]. Однако вместе с тем наука и практика едины: «Да, теория мертва, если она не дает побегов на дереве жизни, но дерево это рискует засохнуть, если его корни не будут питаться соками живой, а не мертвой теории» [2, с. 129], комментируя, констатирует Рафаил Самуилович известное изречение И. Гёте «Суха, мой друг, теория везде, а древо жизни пышно зеленеет!».

Интересны, как представителям науки, так и практическим сотрудникам, главы, посвященные научному прогнозу и эмпирическому предвидению и ошибке в уголовном судопроизводстве. При этом последние не менее актуальны и в настоящее время, которые профессор классифицировал на следственные, экспертные, судебные.

Уделил Р. С. Белкин внимание и стороне защиты, называя её представителей, причем без всякого ехидства, «санитарами судопроизводства», констатируя при этом, что «санитар» должен быть именно санитаром, а не могильщиком судопроизводства; путь к истине должен быть праведным, и давно уже сказано, что цель оправдывает не всякие средства ее достижения [2, с. 202]. Вне всяких сомнений, относительно соблю-

дения прав и законных интересов личности, это главные постулаты сегодняшнего дня в правоприменительной деятельности в контексте реализации принципа законности.

Не обошел стороной уважаемый профессор и тему связи криминалистики и уголовного процесса: «процесс — формы деятельности, криминалистика — содержание этой деятельности» [2, с. 203], при этом он просто и незамысловато назвал главу «Процессуальные ловушки и криминалистические хитрости». Следует отметить, как четко и по существу он отстаивал идею о возможности проведения судебных экспертиз «в стадии возбуждения уголовного дела», которая была реализована законодателем только в 2013 году, давая оценку с известной степенью ироничности, относительно правовой природы и юридической силы справки специалиста — не имеющей доказательственного значения [2, с. 204—205]. Здесь же профессор размышляет о независимости эксперта, и при этом упоминает о качестве экспертизы, за которым следит руководитель государственного экспертного учреждения; и в этом Р. С. Белкин видит «процессуальную ловушку: контроль необходим, но он противоречит процессуальному статусу эксперта». Интересны рассуждения ученого относительно применения нового технического средства или новой исследовательской процедуры, которые в действовавшем на тот период времени УПК РСФСР имели исчерпывающий перечень. В качестве примера приведена одорологическая выборка и полиграф. Ну и, конечно же, главным постулатом и «процессуальной новеллой» Рафаила Самуиловича, нашедшего свое отражение в российском уголовно-процессуальном законе, является обоснование и закрепление следственного действия «проверка показаний на месте».

Очень показательно Р. С. Белкин отметил роль и значение использования института понятых, обозначив это как процессуальную форму, «которая может не только пеленать криминалистику по рукам и ногам, всячески препятствуя использованию в судопроизводстве современных достижений научно-технического прогресса». Филигранно сравнив роль понятых в правосудии «с осечкой, — слышен звук, а выстрела не происходит», констатируя, что «никакой роли в правосудии понятые не играют и играть не могут». И опять же, только в 2013 году эти идеи были реализованы законодателем.

Довольно обстоятельно и с особой долей критики Р. С. Белкин дает комментарий содержанию нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) относительно права следователя присутствовать при производстве экспертизы, отмечая спорность и неоднозначное понимание данного положения. Следует признать справедливыми суждения профессора относительно «посягательства на независимость эксперта, его процессуальный статус» [2, с. 213]. Вполне предсказуема ситуация, которой и следует опасаться, — постановка перед экспертом дополнительных вопросов, не указанных в постановлении, что, конечно же, является «процессуальной ловушкой» для следователя. Следует отметить, что в ст. 197 УПК РФ данное право закреплено и сегодня.

Представляет интерес рассуждение профессора относительно явки с повинной, которую еще в 2001 году он обозначил «как соглашение следователя с допрашиваемым», т. к. фактически к явке с повинной лицо подводиться в результате допроса при уличении допрашиваемого во лжи, а это, по мнению Рафаила Самуиловича, означает, что «никакая не явка с повинной, как ее понимает законодатель, это даже не иллюзия, а в известной смысле соглашение следователя с допрашиваемым, когда в обмен на правдивые показа-

ния искусственно создается смягчающее вину обстоятельство». И, как было заявлено в начале данной статьи, «фантомам криминалистики» комментарии позволим себе не давать, ибо только при подготовке своего диссертационного исследования автор насчитал более 30 научных статей относительно данного постулата Р. С. Белкина.

В завершение хотелось бы еще раз вспомнить мнение и позицию Р. С. Белкина относительно новой терминологии: «введение в криминалистику нового термина оправдано лишь в двух случаях: при появлении в науке нового понятия, которое не может быть выражено старыми терминами, и при новом аспекте рассмотрения старого понятия, когда термин необходим для обозначения выявленного качества объекта» [2, с. 81]. И дальше: «Бесполезно искать объяснения подобной замены терминов, разве что вспомнить чеховскую иронию: „*Они хочут свою образованность показать и всегда говорят о непонятном*“. Следует согласиться с профессором в том, что „революционные“ преобразования языка криминалистики, когда общеизвестные и общепонятные термины заменяются иностранными словами, ничего не добавляют к содержанию обозначаемых понятий». И здесь абсолютно верны такие термины, как, например, следующий: «криминалистика защиты», «криминалистика обвинения» и т. п. именуются Рафаилом Самуиловичем, как «образные выражения». Полагаем, стоит обойтись без комментариев.

Резюмируя изложенное, можем с уверенностью утверждать о том, что данный труд, как, собственно, и иная научная литература Великого криминалиста — Рафаила Самуиловича Белкина — без преувеличения может быть настольной книгой как студента и курсанта, так и практического сотрудника с многолетним опытом, как начинающего ученого — аспиранта и кандидата наук, так и доктора наук, профессора, как и, собственно, любого человека, которого волнуют вопросы борьбы с преступностью и ее эффективностью с точки зрения защиты прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства. И, выражаясь словами профессора и перефразируя их относительно самого автора, стоит добавить: «*А книжка Белкина Р. С. продолжает свою научную жизнь».*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинская Е. Р. Избранные труды — М.: Норма, 2008. — 768 с.

2. Белкин Р. С. Криминалистика: Проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М.: Норма; Инфра-М, 2001. — 240 с.

3. Белкин Р. С. О природе криминалистической науки // Труды Академии МВД РФ. — М., 1996. — С. 5—13.

4. Грибунов О. П. Криминалистическая теория причинности в контексте установления механизма следообразования: философские и теоретические аспекты // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 446. — С. 207—211.

REFERENCES

1. Rossinskaya E.R. Selected works. M.: Norma, 2008. — 768 p.

2. Belkin R.S. Criminology: Problems of today. Topical issues of Russian criminalistics. — M. : Norma-Infra, 2001. 240 p.

3. Belkin R.S. On the nature of forensic science // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. M. 1996. pp. 5–13.

4. Gribunov O.P. Forensic theory of causality in the context of establishing the mechanism of trace formation: philosophical and theoretical aspects // Bulletin of the Tomsk State University. 2019, no. 446,pp. 207-211.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грибунов Олег Павлович, доктор юридических наук, профессор, директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1.
ORCID: 0000-0002-9288-1364
AuthorID: 303242
SPIN- код: 6215-1184

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gribunov Oleg Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 664035, Russia, Irkutsk, st. Shevtsova, d. 1.
ORCID:0000-0002-9288-1364
AuthorID: 303242
SPIN- код: 6215-1184

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С.181— 192.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no.2 (101). P. 181—192.

12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Научная статья
УДК 343.102
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.93.64.016

Железняк Игорь Николаевич,
Восточно-Сибирский институт МВД Российской Федерации, Российская Федерация, Иркутск, zheleznyakin@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ НЕГЛАСНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГРАЖДАН С ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Введение: в статье исследованы проблемы, возникающие в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел при выявлении и предупреждении цифровых преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, оперативно-розыскное законодательство, локальные нормативные акты органов государственных власти. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы обобщения и описания, приемы наблюдения, сравнения и анализа.

Результаты исследования: проблема противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, на современном этапе развития общества является одной из самых актуальных в области оперативно-розыскной деятельности. В рамках исследования к числу дополнительных мер по повышению эффективности борьбы с рассматриваемой категорией преступлений предлагается наращивание темпов цифровизации возмездного конфиденциального сотрудничества, в том числе введение института анонимности в рассматриваемый вид сотрудничества.

Выводы и заключения позволили сформулировать отдельные положения в части выработки новых подходов к оперативно-розыскному противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

© Железняк И. Н., 2022

Ключевые слова: выявление и предупреждение преступлений, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, цифровые преступления, Интернет, конфидент, анонимность, законодательство.

Для цитирования: Железняк И. Н. Проблемы цифровизации негласного сотрудничества граждан с органами, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С. 181—192.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.93.64.016

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

THE PROBLEMS OF DIGITALIZATION OF THE TACIT COOPERATION OF CITIZENS WITH THE BODIES CARRYING OUT OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Igor N. Zheleznyak
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk, zheleznyakin@gmail.com

Introduction: the article examines the problems arising in the activities of operational units of internal affairs bodies in the detection, prevention and prevention of digital crimes committed on the Internet information and telecommunications network.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, operational-investigative legislation, local regulations, state authorities. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, which has a universal character, as well as cognitive methods of generalization and description, methods of observation, comparison and analysis.

The result of the study: the problem of countering crimes committed using the Internet information and telecommunications network is the most relevant in the theory of operational investigative activity at the present stage of development of society, which has both theoretical and methodological and applied nature. As part of the study, among the additional measures to improve the effectiveness of countering the category of crimes in question, it is proposed to increase the pace of digitalization of paid confidential cooperation under contract, including the introduction of the institute of anonymity of the type of cooperation in question.

Findings and Conclusions: made it possible to clarify certain provisions related to the development of new approaches to operational investigative counteraction to crimes committed using the Internet information and telecommunications network.

Keywords: detection and prevention of crimes, operational investigative activities, operational investigative measures, digital crimes, Internet, confidential, anonymity, legislation.

For citation: Zheleznyak I. N Problemy cifrovizacii neglasnogo sotrudnichestva grazhdan s organami, osushhestvljajushhim operativno-rozysknuju dejatel'nost' [The problems of digitalization of the tacit cooperation of citizens with the bodies carrying out operational investigative activities]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 181—192 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.93.64.016

«Любая достаточно развитая технология неотличима от магии»[1] — так гласит третий закон известного английского писателя, футуролога, научного публициста, популяризатора науки и изобретателя Артура Кларка. Исследуя обоснованность выведенного А. Кларком постулата и окунувшись в ретроспективу исторических хроник, можем с уверенностью констатировать, что технологичность различных отраслей и сторон жизнедеятельности общества априори является необходимой доминантой его развития и прогресса. Указанное суждение справедливо для любой сферы науки, исследуемой человечеством.

Государственные приоритеты в части развития технологий автором данной статьи также не подвергаются сомнению. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе выступления на международной конференции по искусственному интеллекту и анализу данных Al Journey 2021 отметил, что стране необходимо наращивать темпы цифровой трансформации, чтобы технологии будущего повышали качество жизни людей. Глава государства также заявил, что происходящая трансформация затрагивает не только экономическую, но и социальную сферу и систему государственного управления[2].

Отечественная юриспруденция с позиции практической деятельности сообщества юристов не является исключением из этого правила. Иначе говоря, право, как отрасль и любое из составляющих его направлений, является объектом, на который нацелено наращивание темпа цифровой трансформации, проводимое государством. Поверхностный взгляд на тренды в цифровизации юриспруденции выявит в первую очередь глобальную цифровизацию судебной системы страны, включающую возможности не только размещения принятых судебных актов открытого характера с удостоверением легитимности их цифрового варианта, но и, например, возможность подачи сторонами арбитражного или гражданского процесса документов в цифровом исполнении, заверенных электронными средствами верификации и последующей защиты онлайн-документа от фальсификации.

Начало цифровизации российской юриспруденции стало возможным благодаря Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406, одним из положений которой закреплена информатизация судебной системы и внедрение современных информационных технологий в её деятельность.

Чуть более замедленный темп цифровой трансформации можно наблюдать в отрасли уголовной юстиции, о чем нередко пишут заинтересованные исследователи. Так, А. И. Цыреторов отмечает, что применительно к деятельности органов предвари-

[1] URL://https://ru.wikipedia.org/wiki/Три_закона_Кларка

[2] URL://https://www.vedomosti.ru/economics/news/ 2021/11/12/895706-putin-prizval-naraschivat

тельного следствия, дознания и прокуратуры говорить о некоем аналоге единой автоматизированной информационной системы (АИС) не приходится. Конечно, на вооружении правоохранительных органов имеются эффективные информационные инструменты, но они не образуют единую межведомственную цифровую онлайн-платформу взаимодействия прокуроров, следователей, дознавателей и судов. Можно сказать, что деятельность правоохранительных органов в данной сфере носит фрагментарный, несистемный характер, усилия последних сконцентрированы, как правило, на вопросах цифровизации организационно-управленческой деятельности и внутреннего документооборота [1, с. 94].

Приведенный тезис лишь доказывает актуальность исследуемой автором статьи проблематики.

Вместе с тем даже ученые в области уголовной и уголовно-процессуальной наук склонны к обесцениванию оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) правоохранительных органов.

В этом смысле считаем разумным не согласиться с существующим положением, при котором исследования в области оперативно-розыскного права, а значит, и новации, в том числе в области информатизации ОРД, появляются по правилу вторичности или «второсортности».

Так, Е. В. Кузнецов, отмечает, что анализ действующего оперативно-розыскного законодательства позволяет констатировать существование признаков, свидетельствующих о возможности выделения ОРД в качестве отдельной отрасли права, поскольку ОРД обладает самостоятельным и отличительным набором элементов, составляющих основу предмета отрасли права (субъекты, их права и обязанности, юридические факты), а также собственными методами правового регулирования. [2, с. 26].

За период своего существования Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ об ОРД, закон) при своей общей нормативной незрелости являющийся старожилом среди действующих нормативных правовых актов в сфере уголовной юстиции, претерпел более семидесяти изменений [3], являясь наиболее стабильным среди «коллег» по криминальному блоку. Характер вносимых в закон изменений носил, как правило, точечный, несистемный характер, связанный с выявлением практическими сотрудниками тупиков в возможности реализации субъектами ОРД своих прав при решении поставленных перед ними задач. Самым заметным «цифровым нововведением» в законе, принятом еще до существования в стране GSM-связи, стало включение Федеральным законом от 6 июля 2016 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» № 374-ФЗ пятнадцатого оперативно-розыскного мероприятия (далее — ОРМ) «Получение компьютерной информации».

Несомненно, сложно назвать подобные темпы цифровой трансформации оперативно-розыскного законодательства отвечающими актуальным потребностям правоприменителей.

Однако чтобы оценить предложенный вывод, необходимо определить границы искомых потребностей субъектов ОРД в противодействии преступности.

Считая отправной стадией настоящего исследования общественные процессы с уровнем влияния на них цифровизации, следует отметить импонирующую автору статьи точку зрения Д. Н. Лузько о том, что «стремительное расширение информационного пространства, достижения науки и техники в значительной мере преобразовали современное общество, способствовали возникновению различных форматов обмена информацией между людьми посредством использования современных информационных технических средств». [3, с. 63].

К сожалению, достижения технологического прогресса не остались незамеченными представителями преступного мира, коим также не чужда новизна, что, в свою очередь, способствовало появлению в обществе нового типа преступности, называемой «цифровой».

А поскольку оперативно-розыскное право, как составной элемент юриспруденции, является неотъемлемым участником общественных процессов, предлагаем последовательно разобраться в темпах цифровизации ОРД.

Так, в соответствии со ст. 2 ФЗ об ОРД одной из задач описываемой деятельности является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Как отмечалось ранее, указанная задача представляется фундаментальной по отношению к остальным трем, перечисленным в ст. 2 закона, ведь именно она свидетельствует о «генетическом коде» сыскной деятельности, заложенном в основу профильного нормативного правового акта [4, с. 60].

Поскольку цели ОРД (защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств) коррелируются с её задачами, законодатель определил в ст. 1 закона, что ОРД — вид деятельности, осуществляемой её субъектами гласно и негласно в пределах их полномочий посредством проведения ОРМ.

Значит ли это, что ОРМ, их виды и юридико-техническая пластичность формулировок, позволяющая Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации периодически выносить акты, разъясняющие непрямолинейность их значения, являются базисом для оценки эффективности темпов цифровой трансформации оперативно-розыскного законодательства?

Полагаем, что нет. Ведь противодействие преступности — значительно более комплексный институт, затрагивающий не только механизмы активного противоборства, но и приобретение источников осведомленности или, например, использование инструментов профилактики криминальных проявлений.

В указанном тезисе полагаем необходимым солидаризироваться с С. В. Тимофеевым, полагающим, что решение проблемы оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий, заключается в разрешении существующих противоречий между потребностью в повышении эффективности их предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования, и неполнотой научно обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию оперативно-розыскной теории и практики [5, с. 223].

Обратившись к статистическим данным, получим очередное свидетельство безрезультативности мер, принимаемых уполномоченными государственными структурами в области цифровой трансформации оперативно-розыскного законодательства.

Согласно сведениям МВД России[1], в Российской Федерации в 2017 г. зарегистрировано 90,5 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ), в 2018 г. — 174,6 тыс. преступлений, в 2019 г. — 294,4 тыс. в 2020 г. — 510,3 тыс., а в 2021 г. — 517,7 тыс. преступлений. Рост преступлений, совершенных с использованием ИТТ, имеет показательный характер.

Оценить реальную картину уровня криминализации русскоязычного сегмента информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — сеть Интернет, Интернет) невозможно в силу неизбежного запаздывания любых средств мониторинга по сравнению с интенсивностью развития технологий [6, с.200].

Несмотря на наличие в законе механизмов активного противоборства цифровой преступности, позитивных тенденций за последние пять лет такая борьба не снискала. Означает ли это, что архаичные формулировки имеющихся в законе мероприятий, бесконечно разъясняемые судебной практикой, лишь внешне напоминают цифровую трансформацию, декларируемую государством как приоритет? Возможно. Однако важным представляется, что существующее научное сообщество не перестаёт генерировать идеи оптимизации перечня ОРМ, отвечающего реалиям технологичного времени и вызовам цифровизации преступного мира.

Вместе с тем на «авансцене» противодействия преступности вне времени и технологий существует фундаментальный фактор исследуемого уравнения, и это — человек. Вся информация, так или иначе связанная с преступлением, генерируется людьми, передается людям, дозируется, трансформируется и скрывается людьми. Следуя крылатому выражению Натана Ротшильда: «Кто владеет информацией — тот владеет миром», можно, имея некий универсальный человеческий ресурс, обладающий всей совокупностью соотношения с информацией, обладающей криминальным окрасом, более эффективно строить систему противодействия преступности.

Указанные позиции предопределили необходимость закрепления конфиденциального содействия лиц на законодательном уровне. В 1995 г. при введении в действие существующего закона в ст. 17 были регламентированы вопросы содействия граждан органам, осуществляющим ОРД. В этом году мы отметим 27-летие её существования в первозданном виде.

В соответствии с частью первой указанной статьи: «Отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту. Эти лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий, и не вправе предоставлять заведомо ложную информацию указанным органам».

[1] URL://https://мвд.рф/folder/101762

Резонно предполагать, что в мире цифровой преступности, где в доминирующем большинстве случаев злоумышленник и потерпевший не встречаются очно, правила указанной статьи должны экстраполироваться на существующие модели совершения преступлений. При этом в своей основе содействие конфидентов «доцифровой» эпохи мало чем отличается от содействия в эру появления гаджетов и Интернета.

Большинство специалистов в области ОРД едины во мнении, что сущность содействия заключается в добывании конфидентами представляющей оперативный интерес информации, которая связана с фактом совершения преступления либо относится к процессу его приготовления, а также сокрытия следов.

Однако в мире, уверенно движущемся в сторону цифровой трансформации всех социально образующих процессов, в том числе и процессов совершения преступлений, когда члены преступных сообществ разделены не только улицами одного города, но зачастую странами и континентами, лично не знакомы и никогда не встречались, существенной пользы от конфидента, живущего на территории оперативного обслуживания и имеющего паспорт с регистрацией, объективно не больше, чем от телефонной будки на углу площади.

Существующая судебная практика подтверждает указанный тезис.

Так, Орджоникидзевский районный суд города Новокузнецка вынес приговор по уголовному делу, возбуждённому в отношении 20-летнего местного жителя. Фигурант входил в состав преступного сообщества, специализировавшегося на сбыте наркотиков. Всего в ходе следствия были установлены 14 участников схемы торговли запрещенными веществами. По версии следствия, с мая 2019 г. по июнь 2020 г. преступное сообщество в составе 14 человек незаконно сбывало синтетические наркотики в крупных и особо крупных размерах на территории 13 населенных пунктов Кемеровской области, а также в городе Томске. Для реализации преступного умысла членами сообщества был создан интернет-магазин.

Деятельность преступного сообщества была организована таким образом, что участники, зная о существовании других членов и о структуре организации, в большинстве не были знакомы друг с другом лично. Все общение между участниками сообщества происходило посредством интернет-мессенджера. Для каждого структурного подразделения были разработаны инструкции, которые должны были неукоснительно выполняться всеми участниками, которые выполняли функции «руководителей», «кураторов», «операторов», «программистов», «финансистов», «менеджеров по персоналу», «администраторов чатов», «оптовых закладчиков» и «закладчиков». Деятельность сообщества была пресечена сотрудниками управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Кемеровской области[1].

Выше был приведен характерный пример ситуации, когда для замысла и совершения многосоставного преступления, требующего вовлечения в него большого круга лиц, равно как и для распределения полученных незаконных доходов, совершенно не требуется очных встреч под покровом ночи в условленных местах. Всё происходит в интернет-сетях.

[1] URL://https://мвд.рф/news/item/24508089?year=2022&month=1&day=13

Полагаем, в этом смысле современные проблемы требуют современных решений.

Интернет — бесконечный мир, созданный людьми, ими же населенный и хранящий информацию, оцениваемую в более чем 50 миллиардов терабайт. По данным портала SkillFactory.ru, в 2021 г. социальными сетями в «Рунете» пользовались 99 миллионов челове, или 67,8 % населения страны[1]. Чем не идеальный ресурс в руках сотрудника оперативного подразделения, решающего задачи ОРД? Однако на данном этапе развития оперативно-розыскного законодательства возможности оперативника ограничены критериями и позициями закона, отвечающими реалиям 1995 г.

Автором совершенно не случайно упомянут тот факт, что в 2022 г. редакция статьи 17 закона отметит свое 27-летие, не будучи ни разу модернизированной. Существующая правовая основа негласного сотрудничества[2] граждан не отвечает основному принципу цифровизации общественных отношений — анонимизация такового сотрудничества.

Каждый из нас стоял перед проблемой внутреннего выбора — оставлять свой цифровой след в Интернете или нет. Это касалось различных сторон взаимодействия с сетью, например, регистрация в социальных сетях, указание своих персональных данных в интернет-магазинах, заполнение форм электронных платежей и пр. И каждый раз в подавляющем большинстве случаев пользователь, открывая новую для себя «дверь» в цифровом мире, делал это нехотя, в первую очередь по причине своей деанонимизации. Сокрытие пусть даже и легальных действий от большинства, сакральность своих персональных данных — важная часть взаимодействия отечественных пользователей с мировой сетью. Так устроена психология российского человека, ему так комфортнее. Очевиден и эволюционный фактор рассматриваемого поведенческого паттерна, который сложился не за одно столетие общественно-государственных отношений. Вряд ли стоит цитировать учебник по менеджменту, упоминая о том, что внутренний комфорт в осуществляемой сфере деятельности является важнейшим из слагаемых продуктивности и мотивированности кандидата. Но ФЗ об ОРД в силу своей «ветхости» не предполагает необходимости внедрения новаций под призмой рассматриваемой проблематики.

Стоит также упомянуть, что именно в рамках негласного сотрудничества субъекты ОРД приобретают наиболее ценные источники оперативной информации, в связи с чем указанные отношения носят долгосрочный и возмездный характер.

Казалось бы, в первой части статьи 17 закона присутствует допущение «с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам». Однако, во-первых, сохранение конфиденциальности содействия не предполагает обязательности анонимности такового, а лишь предусматривает одну из форм такового содействия — негласную, во-вторых, существует практика добровольного сообщения гражданами (по телефонной связи, в письменных обращениях) с явно выраженным желанием остаться неизвестными о фактах противоправных деяний либо замысле таковых. В-третьих, рассматриваемое допущение было введено в текст закона по причине необходимости законодательного

[1]URL://https://blog.skillfactory.ru/auditoriya-soczialnyh-setej-i-messendzherov-v-2021-godu/

[2] Под ним здесь и далее мы понимаем деятельность конфидентов, заключивших соответствующий контракт с органами, осуществляющими ОРД.

закрепления принципа «меньшего зла», а именно приоритета факта реагирования на криминальную информацию над установлением достоверности её источника.

Верной, по мнению автора статьи, также является позиция авторов комментария к ФЗ об ОРД, отмечающих следующее: «В практике достаточно часто возникают ситуации, когда граждане обращаются в правоохранительные органы с заявлениями, не желая сообщать данные о себе, либо при условии сохранения в тайне факта их обращения в правоохранительные органы, а также с информацией, которая, на их взгляд, значима для практических работников. Такую помощь нельзя назвать конфиденциальным содействием. Если рассматривать подобное участие в оперативно-розыскной деятельности как содействие, то всякое лицо, обратившееся в правоохранительный орган с заявлением, может попасть в категорию содействующих лиц» [7].

В действительности существующее допущение анонимности в содействии граждан декларативно и не несет под собой никаких обязательств со стороны государства. Скорее всего, в дистанционной беседе при выдвижении указанных требований со стороны кандидата в конфиденты оперативный сотрудник откажет ему в соблюдении анонимности, ссылаясь на положения ведомственного регулирования такового негласного содействия, бухгалтерской отчетности, а также простого недоверия к источнику информации, не желающему себя идентифицировать. В результате интересы противодействия цифровой преступности будут сломаны об административно-бюрократический барьер, порожденный архаичным текстом закона и принятых в его исполнение ведомственных нормативных правовых актов.

Рассуждая о цифровизации конфиденциального сотрудничества лиц, в первую очередь предлагаем провести знак тождественности между понятием цифровизации и анонимизации конфиденциального сотрудничества (содействия) в цифровой среде с возможностью законодательной корректировки правового положения указанных лиц.

Присутствующая на первый взгляд стройность и актуальность существующих положений статьи 17 не проходит элементарных проверок на их диджитализацию[1].

Например, часть 2 ст. 17 ФЗ об ОРД предполагает возможность заключения контракта органами, осуществляющими ОРД, с совершеннолетними дееспособными лицами независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политических убеждений.

Существующие предписания, раскрывающие процедуру указанного действия, содержатся в закрытых ведомственных нормативных правовых актах и априори не могут предусматривать их реализацию в цифровом виде по причине отсутствия соответствующего механизма в законе.

Кроме того, несмотря на возможность заключения контракта с лицом, согласившимся оказывать конфиденциальное сотрудничество, очевидно, что стороной контракта выступает конкретное лицо — т. е. совершеннолетнее дееспособное лицо. Рассматрива-

[1] Диджетализация – это способ, благодаря которому множество областей социальной жизни начинают строиться вокруг цифровой связи и информационной инфраструктуры. Термин «диджитализация» произошел от английского digitalisation, которое дословно переводится как «оцифровывание» или «приведение в цифровую форму» [9].

емые критерии также вступают в противоречие с возможностью нормативного закрепления эффективного цифрового негласного сотрудничества.

Помимо этого, возвращаясь к критерию мотивированности конфидента, нельзя не упомянуть положения части 5 статьи 18 ФЗ об ОРД, предусматривающей возможность получать вознаграждения и другие выплаты за сотрудничество с органами, осуществляющими ОРД. При этом количество существующих ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы получения этих средств в подотчет, предоставления документов, подтверждающих их целевое использование, а также постоянных финансовых проверок и ревизий, создают условия тотальной невозможности использования мотива материального стимулирования при оперативно-розыскном рекрутинге [8, с. 37].

Таким образом, еще одним обстоятельством, препятствующим скорейшей цифровизации конфиденциального сотрудничества на данном этапе, является неискоренимая в российской государственной системе убежденность в коррумпированности сотрудников оперативных подразделений. Да, позволить себе быть расточительным и не считать деньги на борьбу с преступностью может только богатое государство, не нуждающееся в квитанциях и расписках.

Подводя промежуточный итог исследования ФЗ об ОРД на предмет его «ветхости» в одном из аспектов и инертности законодателей в части проводимой государством работы в сфере наращивания темпов цифровизации противодействия цифровой преступности, следует отметить, что решением данной проблемы может выступать только скорейшее формирование устоявшейся в оперативно-розыскной среде научно-практической позиции об эффективности конфиденциального сотрудничества, направленного на борьбу с цифровой преступностью, основанного на принципе анонимности. Следует уяснить, что конфидент из сети (конфидент следующей ступени эволюционного развития) — это самое ценное приобретение оперуполномоченного, занимающегося противодействием цифровым преступлениям (правда, не стоит рассчитывать на то, что он предоставит вам копию своего паспорта).

Представляется, что указанное новшество не только жизненно необходимо с точки зрения объективной потребности, но и, несомненно, неизбежно в моделируемых нами условиях. Устранение же подобной неопределенности позитивно повлияет на развитие института конфиденциального сотрудничества при противодействии преступности в информационной среде.

Предвосхищая вопросы о возможности использования такого «безликого» конфидента для дезинформирования органа, осуществляющего ОРД, или перспективах двурушничества при такой форме сотрудничества, стоит отметить, что эти обстоятельства возможны и на данном этапе развития института конфиденциального сотрудничества и могут быть минимизированы лишь с помощью профессионализма самого оперуполномоченного.

В завершение исследования следует отметить, что «оперативно-розыскная деятельность ... объективно невозможна без значительной степени секретности. Прежде все-

го, это касается сведений о лицах, участвующих в ней или способствующих ей»[1]. Собственно, об этом автор и рассуждал в настоящей работе, выступающей в качестве постановки очередной проблемы в области совершенствования ФЗ об ОРД.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цыреторов А. И. Использование цифровых технологий в досудебном уголовном производстве России / А. И. Цыреторов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2021. — № 5 (85). — С. 92—98.

2. Кузнецов Е. В. Методы правового регулирования оперативно-розыскного права: проблемы теории и практики / Е. В. Кузнецов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2011. — № 3 (58). — С. 26—37.

3. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / Н. С. Железняк. — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2019. — 332 с. — ISBN 978-5-7889-0285-2. — DOI 10.51980/2019_79.

4. Лузько Д. Н. Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности: перспективы развития [Электронный ресурс] // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 5 (8). — С. 62—66. — Электрон. текст. дан. (17 027 072 байт). — 60 электрон. опт. диск. (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.

5. Железняк И. Н. Оценка законодательной инициативы Верховного Суда Российской Федерации о введении понятия «уголовный проступок»: вопросы наказуемости и оперативно-розыскной деятельности / И. Н. Железняк // Вестник Кузбасского института. — 2021. — № 4 (49). — С. 58—64. — DOI 10.53993/2078-3914/2021/4(49)/58-64.

6. Тимофеев С. В. Выявление и предупреждение преступлений в сети интернет: проблемы и пути их решения / С. В. Тимофеев, Э. Ю. Пороховой // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 220—229. — DOI 10.24412/2312-3184-2021-4-220-229.

7. Волчецкая Т. С. Прикладные аспекты противодействия информационно-мировоззренческим угрозам в цифровом пространстве и особенности их профилактики / Т. С. Волчецкая, М. В. Авакьян // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6 (127). — С. 194—201. — DOI 10.17803/1994-1471.2021.127.6.194201.

8. Вагин О. А. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / О. А. Вагин, А. П. Исиченко, А. Е. Чечётин. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 28.03.2022).

9. Куприна К. А. Диджитализация: понятие, предпосылки возникновения и сферы применения / К. А. Куприна, Д. Л. Хазанова // Вестник научных конференций. — 2016. — № 5—5 (9). — С. 259—263.

REFERENCES

1. Tsyretorov, A.I. The use of digital technologies in pre-trial criminal proceedings in Russia / A. I. Tsyretorov // Vestnik of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation. — 2021. — № 5(85). — pp. 92-98.

2. Kuznetsov, E. V. Methods of legal regulation of operational investigative law: problems of theory and practice / E. V. Kuznetsov // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2011. — № 3(58). — Pp. 26-37.

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О.

3. Zheleznyak, N. S. Issues of updating the Federal Law «On operational investigative activities» / N. S. Zheleznyak. — Krasnoyarsk : Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. — 332 p. — ISBN 978-5-7889-0285-2. — DOI 10.51980/2019_79.

4. Luzko D. N. Information support of operational investigative activities: prospects for development [Electronic resource] // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2020. — № 5 (8). — Pp. 62-66. — Electron. text. dan. (17,027,072 bytes). — 60 electron. opt. disk. (CD-ROM). — Cover from the disc label.

5. Zheleznyak, I. N. Evaluation of the legislative initiative of the Supreme Court of the Russian Federation on the introduction of the concept of «criminal offense»: issues of punishability and operational investigative activities / I. N. Zheleznyak // Bulletin of the Kuzbass Institute. — 2021. — № 4(49). — Pp. 58-64. — DOI 10.53993/2078-3914/2021/4(49)/58-64.

6. Timofeev, S. V. Detection and prevention of crimes on the Internet: problems and ways to solve them / S. V. Timofeev, E. Y. Porokhovoy // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — № 4(99). — pp. 220-229. — DOI 10.24412/2312-3184-2021-4-220-229.

7. Volchetskaya, T. S. Applied aspects of countering information and ideological threats in the digital space and features of their prevention / T. S. Volchetskaya, M. V. Avakian // Actual problems of Russian law. — 2021. — T. 16. — № 6(127). — pp. 194-201. — DOI 10.17803/1994-1471.2021.127.6.194201.

8. Vagin, O.A. Commentary on the Federal Law «On operational investigative activities» (article by article) / O.A. Vagin, A.P. Isichenko, A.E. Chechetin // SPS ConsultantPlus (accessed: 03/15/2021)

9. Kuprina, K. A. Digitalization: the concept, prerequisites for the emergence and scope of application / K. A. Kuprina, D. L. Khazanova // Vestnik of scientific conferences. — 2016. — № 5-5(9). — Pp. 259-263.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Железняк Игорь Николаевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД**.** Восточно-Сибирский институт МВД Российской Федерации". 6640074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zheleznyak Igor Nikolaevich, PhD, Head of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment in the Department of Internal Affairs,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov str., Irkutsk, Russia, 664074.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022 № 2 (101). С. 193 — 205.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022
Vol. no. 2 (101). P. 193—205.

12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Научная статья
УДК 343. 98.068
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.12.94.017

СИСТЕМА И МЕХАНИЗМ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Пермяков Андрей Леонидович
Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, peran176@mail.ru

Введение: в статье обращено внимание на такую научно-криминалистическую категорию, как механизм расследования; несмотря на прямое отношение данного понятия к предмету науки криминалистики, оно к настоящему моменту не явилось предметом всестороннего изучения, не определен круг явлений и объектов материальной действительности, которые к нему относятся.

Материалы и методы: для получения представленных результатов исследования применялись общенаучные методы, такие как наблюдение, описание, сравнение и др., а также логические методы анализа, синтеза, дедукции и индукции, основанные на материалистической диалектике как всеобщем методе криминалистической науки.

Результаты исследования: в результате удалось обосновать выделение механизма расследования как отдельной научно-криминалистической категории, отличной от понятия «система расследования». Кроме того, сделан справедливый тезис о присутствии внутри механизма расследования преступления некоторой системы, не совпадающей со многими существующими представлениями о данном феномене.

Выводы и заключения: в результате исследования выдвинуты следующие тезисы: а) механизм расследования преступления может быть рассмотрен как частный случай системы и как категория, имеющая в своей основе систему расследования; б) система расследования, лежащая в основе механизма, как мы его себе представляем, не имеет в качестве своего субстрата отдельные государственные органы, осуществляющие предварительное следствие и дознание, и этапы расследования не являются основой формирования структуры системы и механизма расследования; в) основным подходом рассмотрения механизма расследования как одной из форм системы является структурно-функциональный, реализуемый через более узкое понятие — структура в её связи с функциями отдельных составных частей; г) распространенной формой осуществления элементом механизма своей функции является возможность производить изменения.

© Пермяков А. О., 2022

Ключевые слова: механизм расследования преступления, система расследования преступления, общая теория систем, элементы механизма расследования.

Для цитирования: Пермяков А. Л. Система и механизм расследования преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101) — С. 193—205.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.12.94.017

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

SYSTEM AND MECHANISM OF CRIME INVESTIGATION

Andrey L. Permyakov
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, peran176@mail.ru

Introduction: The article draws attention to such a scientific and forensic category as the mechanism of investigation; despite the direct relation of this concept to the subject of forensic science, it has not yet been the subject of comprehensive study, the range of phenomena and objects of material reality that relate to it has not been determined.

Materials and methods: to obtain the presented results of the study, general scientific methods were used, such as observation, description, comparison, etc., as well as logical methods of analysis, synthesis, deduction and induction, based on materialistic dialectics as a universal method of forensic science.

The result of the study: as a result, it was possible to justify the allocation of the investigation mechanism as a separate scientific and forensic category different from the concept of the investigation system. In addition, a fair thesis has been made about the presence within the crime investigation mechanism of a certain system that does not coincide with many existing ideas about this phenomenon.

Findings and Conclusions: as a result of the study, the following theses were put forward as conclusions: a) the mechanism for investigating a crime can be considered as a special case of the system and as a category that has a core investigation system; b) the investigation system underlying the mechanism, as we imagine it, does not have as its substrate individual state bodies carrying out preliminary investigation and inquiry, and the stages of the investigation are not the basis for the formation of the structure of the system and the mechanism of investigation; c) the main approach of considering the investigation mechanism as one of the forms of the system is structural and functional, implemented through a narrower concept — structure in its connection with the functions of individual components; d) a common form of implementation by an element of the mechanism of its function is the ability to make changes.

Keywords: crime investigation mechanism, crime investigation system, general theory of systems, elements of the investigation mechanism.

For citation: Permyakov A.L. System and mechanism of crime investigation. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 193—205 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.12.94.017

Предлагая рассматривать механизм расследования преступления, как отдельную научно-криминалистическую категорию и используя такой термин, хотелось бы предупредить некоторые случаи неправильного понимания феномена, который за ним кроется. Рассматривая его как одну из огромного множества возможных форм систем, автор считает целесообразным в понятии заложить предпосылки его выделения из тех групп систем, к которым он, по своей сути, относиться не может. Для этого применяем существующее общее понятие «механизм», определение которого предусматривает такие характерные особенности.

Любопытным представляется анализ соотношения таких понятий, как механизм и система расследования. Прежде всего, следует подчеркнуть, что в окружающем мире сложно представить себе какой-либо объект, субъект, явление и тому подобную категорию, которая бы не являлась системой или была частью какой-либо системы. Еще в 1971 году А. Е. Уемов поднимал трудноразрешимую проблему определения понятия системы. «Если бы даже мы охватили единым определением все те множества объектов, которые относятся к системам согласно всем известным определениям, это не могло бы нас гарантировать от того, что мы не учли какие-то неизвестные или могущие появиться в будущем определения» [1, с. 2]. Механизм расследования, как мы его себе представляем, также является, по своей сути, системой. Однако система расследования — понятие более широкое, чем механизм. Вероятно, такая безграничность форм проявления систем и вызывает различное понимание системы расследования преступлений и, соответственно, существенно различные формулировки этого понятия. В общем эти определения не вступают в конфликт. В какой-то степени можно считать, что авторы разных по сути определений рассматривают систему расследования на различных её уровнях или берут за основу различные концепты системы. Используя различные позиции, с которых они рассматривают систему расследования преступления, они видят разные сущности и поэтому по-разному их описывают. В контексте их исследований, возможно, им и необходимо видеть такого рода систему расследования, в котором она соответствует условиям достижения поставленных перед исследованием задач и целей.

Термин «система» предполагает слишком большое количество вариантов, скрывающихся за ним, сущностей, в основе каждой из которых будет находиться опять-же совокупность взаимосвязанных элементов, образующих единое целое формирование. Так, в химии, за системой может скрываться, например, классификация химических элементов по Д. И. Менделееву. Открытая великим ученым закономерность, по которой эти элементы были размещены в определенной последовательности, также может быть определена как система. Древним философом Платоном была сформирована собственная философская система. Систематичность может проявляться, кроме того, в деятельности, как проявление закономерных повторений, если человек, например, систематически совершает преступления. Суть правовой системы или системы моральных ценностей также существенно отличается от сути перечисленных феноменов. Существующие в ми-

ре виды преступников, например, телефонные мошенники, могут быть представлены и классифицированы в системе, несмотря на то, что многие из них никоим образом не взаимодействуют, находясь даже на разных континентах. Существуют также система счисления, система Станиславского, Солнечная система, политическая система и т. д. При всем этом систему расследования преступления вполне возможно воспринимать по аналогии с некоторыми из этих форм, далекими от смысла дефиниции механизм.

Если рассматривать механизм широко, то обязательно, имея внутри себя систему, механизм при этом является более узким понятием, чем понятие система. Каждый механизм представляет собой систему, но не в каждой системе присутствуют все признаки механизма. В основе каждого из этих понятий, грубо говоря[1], лежит совокупность связанных элементов, выделенная из некоторой среды. Связь или отношения между элементами, связанные с их свойствами, определяют структуру, объединяют элементы, формируя некоторую целостность и обособленность этой сложной сущности от среды, в которой она существуют. Кроме элементов, их свойств, связующих сущностей и структуры механизм и система расследования обладают подсистемами, управляющими системами, целью, состоянием, изменениями, жизненным циклом, входящими и выходящими потоками и другими общими характерными системными особенностями. Другими словами, механизм обладает всеми необходимыми признаками, по которым его следует считать системой, т. е. одной из форм ее проявления. Однако, используя в своих рассуждениях именно понятие «механизм», мы не умножаем тем самым такую сущность, как система, без необходимости, но прибегаем к этому по причине того, что часто авторы, рассуждая о системе расследования, далеки в своих рассуждениях от феномена, который называется механизмом.

А. М. Запаренко, ссылаясь в своей статье на Г. Г. Зуйкова, определяет систему расследования преступлений как совокупность практических органов и их функций, непосредственно связанных с расследованием преступлений и управлением этим процессом [2, с. 472; 3, с. 13], предлагая включать в эту систему органы предварительного следствия и дознания. «Система расследования преступлений в целом и система органов предварительного следствия МВД России как её составная часть относятся к системам с иерархической структурой, для которых характерно преобладание вертикальных взаимодействий (т. е. взаимодействий власть — подчинение) между элементами внутри системы, поэтому для эффективной реализации основной функции расследования преступлений важное значение имеют процессы реализации управленческих функций органами управления системы».

Система расследования, представленная в такой форме, далека от сферы интересов криминалистики, не рассматривающей преступления как социальное явление. Единичное преступление и деятельность отдельного следователя — это то, «на что направ-

[1] Когда речь идет о совокупности элементов, принято говорить уже не о теории систем, а о теории множеств. Это очень важно для многих «адептов» общей теории систем. Система для них это, прежде всего, целостная сущность. Это принципиальное положение, однако очень часто в определениях, формулируемых различными учеными, можно увидеть, как система представляется совокупностью некоторых связанных сущностей. Это потребовало от нас добавить слова «грубо говоря».

лен объектив микроскопа» ученого-криминалиста. Если криминалисты и изучают закономерности деятельности множества следователей, то это происходит тогда, когда речь идет о следственной группе. Объектом расследования такой группы будет одно преступление или эпизод преступной деятельности по отдельному уголовному делу. Закономерности работы системы органов предварительного следствия к предмету криминалистики прямо не относятся. В поле научно-криминалистических интересов они могут попасть только как фактор, влияющий на деятельность отдельного следователя.

Аналогичным А. М. Запаренко и Г. Г. Зуйкова образом рассматривал эту категорию и А. А. Модогоев. Примененные им, по всей видимости, положения функционального подхода [4, с. 50] теории систем, позволили ему выдвинуть справедливый тезис о том, что, рассматривая расследование преступлений как систему, необходимо обращать внимание, прежде всего, на функции её элементов, результат и процесс их практической деятельности. В качестве элементов подразумеваются при этом различные органы предварительного следствия [5, с. 5]. В его рассуждениях по этому поводу автор статьи обратил особое внимание на то, что, на первое место исследователь ставит функции элементов. Функция отдельного элемента здесь является его свойством. Эти тезисы вполне можно перенести в рассмотрение механизма расследования. Во внутренней системе механизма расследования они вполне справедливы. Однако предлагаемый подход отличается от представленного тем, что элементами или, другими словами, субстратом системы механизма расследования являются не «различные органы предварительного расследования». И, как известно, кроме свойства элементы системы обладают отношениями между собой и проявлениями внешней среды. Эти отношения, на равных основаниях с функциями могут также иметь системообразующее значение.

Еще в 1978 году Г. Г. Зуйков определил систему расследования преступлений, как совокупность практических органов и их функций, непосредственно связанных с расследованием преступлений и управлением этим процессом [3, с. 13]. Это определение принято широким научным сообществом, и его или подобные ему можно часто встретить в научных публикациях и изданиях [2, с. 472; 5, с. 5; 6]. Элементами этой системы являются МВД, Следственный комитет, ФСБ, прокуратура, а также другие правоохранительные органы и не правоохранительные органы, задействованные напрямую в борьбе с преступностью и обеспечении правопорядка. Здесь мы снова возвращаемся к позициям ученых, которые рассматривают систему расследования, субстратом которой выступают правоохранительные органы. При анализе сущности сопоставляемых понятий «механизм расследования преступления» и представляемая подобным образом «система расследования», отличия этих понятий проявляются особенно ярко. Это расширенное понимание системы расследования, как организации правоохранительных органов, расследующих преступления и их участие в системе правоприменительной деятельности. При таком рассмотрении механизм расследования отдельного преступления будет только элементарной частицей этого сложного глобального феномена. К предмету и объекту исследования криминалистики такая система расследования имеет весьма косвенное отношение.

М. Ю. Лакомская в своем издании «Тактические операции в системе расследования преступлений», хотя и не дает определения понятию системы расследования, однако по содержанию работы видно, что за этим она видит не систему правоохранительных

органов, а некоторую «следственную деятельность», и системообразующим элементом, а также основным средством ее является выдвижение и проверка следственной версии посредством проведения тактической операции [7, с. 76]. Такая система расследования уже ближе к механизму. Однако здесь следует подвергнуть критике привязку рассматриваемого ею понятия к проверке версии, осуществляемой путем проведения тактической операции. Следует не забывать, что на последующем и окончательном этапах расследования преступления часто версии о механизме расследуемого преступления или об отдельных его элементах уже не выдвигаются и не проверяются. Механизм расследования при этом продолжает действовать. Следователь, например, может на этих этапах заниматься сбором характеризующего материала, документально фиксировать уже установленные сведения, делать исправления в содержании собранных материалов в случае выявления формальных ошибок, проводить допросы еще не допрошенных свидетелей, показания которых могут только подтвердить ранее полученные показания других участников уголовного дела. Все это возможно осуществлять в сочетании с выдвижением каких-то версий, но такие версии не будут являться основными следственными или их альтернативами, и уж точно не потребуют проведения тактических операций для проверки. Подразумеваемая таким образом М. Ю. Лакомской система расследования преступлений будет слишком узкой категорией по сравнению с системой механизма.

Существует также и иное понимание системы расследования преступлений, которое, полагаем, более востребовано в криминалистике, учитывая прикладной, ярко выраженный практически ориентированный характер этой науки. Е. С. Лобунец в своей статье, которая так и называется — «Система расследования преступлений», определяет это понятие как социальную, динамическую, самоуправляемую, функциональную совокупность управляющей и управляемой подсистем, объединяющих в себе различные элементы, объединенные различными связями, основанными на необходимости обмена информацией. Отмечаем использование здесь системно-объектного подхода, в котором часто принято много внимания обращать на рассмотрение закономерностей в деятельности управляемой и управляющей систем. При этом автором сделан акцент на то, что «деятельность внутри данной системы основывается на информационных процессах и связана с поиском, получением, накоплением, переработкой и использованием информации» [8, с. 15].

В этих тезисах ученый не является «первопроходцем», о чем он сам отмечает в публикации. Действительно, еще Р. С. Белкин в некоторых своих работах рассматривал систему расследования как социальную, динамическую, самоуправляемую, функциональную совокупность управляющей и управляемой подсистем, объединяющих в себе различные элементы, объединенные различными связями, основанными на необходимости обмена информацией [9, с. 52]. Внутри такой системы осуществляется деятельность, объектом которой является информация. Процессы, которые при этом протекают, представляют собой поиск, получение, накопление, переработку и использование информации. Такое понимание системы, гениально сформулированное автором, позволяет увидеть за ним систему расследования преступления на любом из уровней. Если представлять систему расследования, заложенную в механизме, и систему, как совокупность правоохранительных органов, это будет одинаково справедливо, и поэтому такое понятие не будет в полной мере повторять понятие механизма расследования. При таком подходе

механизм расследования преступления может быть рассмотрен как управляемая подсистема в системе расследования, то есть только как отдельный её элемент.

На первый взгляд, под этим определением, как и в рассмотренных выше рассуждениях Г. Г. Зуйкова и А. Г. Запаренко, можно увидеть систему органов, прямо связанных с расследованием преступлений. Однако, несмотря на то, что в определении и в самой статье не поясняется, о каких именно подсистемах идет речь, в содержании статьи под этим явлением подразумевается обладающий признаками системы отдельно взятый, но при этом абстрактный процесс расследования, включающий в себя традиционные общепризнанные этапы. Из этого можно сделать справедливый, думается, вывод о том, что Е. С. Лобунец в своих рассуждениях видит элементами системы расследования его этапы, сам при этом, критикуя этот подход, отмечает о размытости их краев. Такой подход довольно часто можно встретить в криминалистике. Авторы могут не использовать в своих рассуждениях понятие «система расследования», но по смыслу оно часто подразумевается при этом. Как отмечает, например, И. М. Лузгин, «этап (или часть) расследования — это такой его элемент, который представляет собой взаимосвязанную систему действий» [10, с. 86].

Полностью поддерживаем данную мысль. В целом подобный тезис, предполагающий систему расследования, состоящую из этапов, можно рассматривать как одно из положений, формирующих существующую в настоящее время парадигму криминалистического знания. Однако система, лежащая в основе механизма расследования, не имеет в качестве своих элементов этапы или какие-либо другие привязанные к определенным промежуткам времени сущности. Несколько забегая вперед, считаем необходимым сказать, что в механизме расследования присутствует модульная система, к рассмотрению модулей которой еще планируем обратиться в дальнейшем. В предлагаемом подходе этапы расследования не являются элементами системы, ее субстратом, а могут быть рассмотрены только как промежутки времени, в которых действует и изменяется механизм расследования. Некоторые характерные особенности этих этапов, отличающие их друг от друга, безусловно, оказывают существенное влияние на процесс эволюции механизма расследования. И его состояние будет иметь определенные характерные только для того или иного этапа расследования особенности, но все же, сами этапы не являются структурными элементами механизма расследования в нашем его понимании.

Предположить тождественность понятий система и механизм расследования было бы ошибкой еще по одной причине. В отношении первого феномена с одинаковой относимостью можно использовать любого рода системный подход для его исследования, изучения или описания. Это может быть, например, системно-структурный, системно-объектный, функциональный, параметрический формализованный и другие подходы. Рассмотрение механизма расследования подразумевает преимущественно структурно-функциональный анализ изучаемого феномена, хотя и принцип функциональной системы, подразумевающий рассмотрение обратной афферентации[1] также не чужд этому (ре-

[1] Революционная в физиологии теория функциональных систем П. К. Анохина хорошо сочетается с описанием механизма расследования, представленном О. В. Челышевой, в которой также присутствует подобная афферентации обратная связь.

волюционная в физиологии теория функциональных систем П. К. Анохина [11, с. 332—334] хорошо сочетается с описанием механизма расследования, представленного О. В. Челышевой [12, с. 188—190], в которой также важное место занимает подобная афферентации обратная связь). Так при исследовании систем с общих позиции теории систем, центральным является широкое понятие система, в структурно-функциональном анализе принцип целостности реализуется через более узкое понятие — структура в её связи с функциями с их приоритетом. Примерно, как структурно-функциональный анализ возник в качестве антитезы линейному одномерному историзму по Гегелю [4, с. 49], так и механический подход к изучению деятельности следователя предлагается как альтернатива рассмотрению расследования преступления с линейных процессуально-системных позиций.

Предлагаем рассматривать расследование преступления при учете отдельных его элементов, выполняющих определенные функции, архитектуры их расположения в структуре сформированного механизма, функций групп элементов, которыми каждый из них в отдельности не наделен, а также других особенностей такого подхода. Наше понимание предполагает дуалистическое представление механизма, с одной стороны, как связанные в единую сущность материальные объекты или субъекты, а с другой — действия, свойства, отношения, связи и влияние этих объектов. Наложение этих аспектов друг на друга даст наиболее полное представление о механизме. Именно таким образом будет находиться в поле зрения исследователя и структура системы механизма расследования и функции отдельных ее элементов или групп элементов.

Между тем, в своих рассуждениях мы не сможем избежать системно-объектного подхода [13, с. 717—723] к рассмотрению механизма расследования. Взаимодействие управляемой и управляющей системы можно увидеть внутри самого механизма, если, например, представить самого следователя как систему отношений, функций и свойств, а также подчиняющуюся ему систему процесса проведения отдельного следственного действия, включающую его участников, используемые объекты, систему правового регулирования отношений, возникающих при проведении и т. д.

А. И. Волков, рассуждая о структуре системы расследования преступлений, предлагает рассматривать её, как некую архитектуру, «созданную по закономерностям механизма, обеспечивающего системные связи между её структурными элементами (компонентами) — криминалистическим обеспечением, оперативно-розыскной и экспертной деятельностью, процессуальным и правовым обеспечением — посредством фокусированного полезного результата, формулируемого как максимально возможное ограничение проявлений преступности» [14, с. 80]. В этом определении, его автор удачно, полагаем, частично описал структуру именно механизма расследования, а не просто его системы. При этом, он в подтверждение нашим тезисам о данном феномене, описывая сущность понятия «структура» указывает на основные составляющие механизма расследования, такие, как его структура и элементы (компоненты). Механический характер закономерностей, по которым формируется описываемое им явление, о чем прямо указывается в определении, еще больше добавляет соответствия сделанных им выводов нашим убеждениям. Однако данная дефиниция не может быть принята нами в таком виде как одно из определений понятия структура механизма расследования. Использование ее авторами в определении такого дифферента, как результат, на который направлено

действие данного феномена, и определение ими его как «максимально возможное ограничение проявлений преступности» позволяет отнести данное понятие к области криминологических знаний. Использовать его в рассуждениях о единичном преступлении или его отдельных элементах будет некорректно. Автор данного определения видит не ту систему, которая лежит в основе механизма расследования.

Одной из основных особенностей, которая выделяет механизм из всего множества других систем является свойство динамичности [15]. Когда сложившаяся или сформированная система приобретает динамический характер или начинает действовать во времени и пространстве, отдельные ее элементы, двигаясь, начинают воздействовать на другие и на окружающую среду, ее часто можно называть механизмом. Однако и рассматривать механизм расследования с заложенной в нем системой только как процесс будет неправильным. Е. С. Лобунец, рассматривая систему расследования преступления, попадает в ловушку, сформированную существующей парадигмой, в которой присутствует принимаемый большинством ученых тезис о составе процесса расследования из предварительного, начального, последующего и заключительного этапов. Такой тезис, на наш взгляд детерминирован иногда встречающимся отождествлением понятий процесс расследования и система. «Предварительное расследование складывается из тесно связанных между собой, последовательно сменяющих друг друга этапов. Их совокупность и образует систему предварительного расследования» [8, с. 11], пишет Е. С. Лобунец в своей статье. Такое рассмотрение процесса расследования позволяет ему сделать в целом справедливый вывод о том, что основной задачей, стоящей перед следователем для достижения целей расследования является «консолидация» следственных действий внутри этапа расследования, чем, по его аргументированному мнению, будет достигаться систематизация их (следственных действий). Действительно, в представляемом им таким образом явлении он усматривает многие признаки системы, такие как: а) объединение в системе расследования нескольких взаимосвязанных элементов; которыми автор считает этапы, которые в свою очередь являются подсистемами, объединяющими следственные действия, выступающие субстратом подсистемы, б) наличие своей цели и задачи; в) наличие основного процесса (информационного); г) наличие надсистемы — уголовного судопроизводства, в котором рассматриваемая система выступает в качестве отдельного этапа. При всем этом хорошо видно, что речь идет не о том явлении, которое подразумевали предыдущие авторы, рассуждая о системе расследования. Представляемая таким образом система расследования уже гораздо ближе по содержанию и своему уровню к механизму расследования преступления, но все же, лежащее в её основе разделение расследования на этапы не позволяет признать её той самой системой, которая лежит в основе механизма расследования преступлений. Кроме того, следственные действия сами по себе не являются субстратом системы механизма расследования.

Рассуждая о системе, лежащей в основании механизма расследования, считаем необходимым определить границы этого феномена. Так, система, заложенная в основе механизма расследования даже в общем понимании этих категорий должна иметь некоторые ограничения. В этом не удается избежать общетеоретическую проблему границ системы. Подходов, к определению круга элементов, которые необходимо включать в систему существует множество, и при каждом из них, определяемые границы системы могут существенно отличаться. Более того, даже если рассмотреть один функциональ-

ный принцип определения границ системы, и взять, к примеру, за основание отнесения того или иного объекта к элементам рассматриваемой системы механизма расследования, только взаимосвязь, определяющую порядок включения части в целое, то в подтверждение междисциплинарного характера криминалистики, и учитывая теоретическую неограниченность сферы правового регулирования, можно прийти к парадоксальному выводу диалектического характера о неограниченно широком круге элементов механизма расследования. Включая в систему, лежащую в основе механизма расследования те объекты, которые любым образом связаны со следователем или другими центральными деталями механизма, мы будем пытаться охватить необъятное. Все, что окружает следователя, или повлияло на него в период его становления как личности или как профессионала так или иначе связано с принятием им решений, а, следовательно, связано с элементами механизма расследования, которые следователь формирует или использует. Такое reduction ad absurdum можно разрешить только дополнительными критериями, на основании которых станет возможным сузить круг элементов системы до целесообразного.

Подробное рассмотрение этого вопроса требует достаточно объемного ресурса и не может быть здесь в полной мере отражено по причине ограничений допустимого размера настоящей публикации. Думается, еще возможно сможем вернуться к этой теме и более подробно рассмотреть связанные с этим вопросы в формате отдельной статьи. Здесь же стоит отметить, насколько это возможно сделать в краткой форме, что избежать такого рода ошибки можно было бы при условии признания объектов или явлений частью системы расследования в том случае, если их влияние на формирование знания о расследуемом преступлении носит детерминирующий характер с прямым непосредственным влиянием на данный процесс. Можно назвать это правило прямой и непосредственной детерминации.

Резюмируя итоги рассуждений, считаем необходимым выделить следующие тезисы настоящей статьи:

1. Механизм расследования преступления может быть рассмотрен как частный случай системы и как категория, имеющая в своей основе систему расследования.

2. Система расследования, лежащая в основе механизма, как представляется, не имеет в качестве своего субстрата отдельные государственные органы, осуществляющие предварительное следствие и дознание, и этапы расследования не являются основой формирования структуры системы и механизма расследования.

3. Основным подходом рассмотрения механизма расследования как одной из форм системы является структурно-функциональный, реализуемый через более узкое понятие — структура в её связи с функциями отдельных составных частей.

4. Распространенной формой осуществления элементом механизма своей функции является возможность производить изменения.

И в заключение следует отметить, что в основе структуры рассматриваемого явления, т. е. механизма расследования, лежит состав преступления, который необходимо доказать следователю с дополнениями, из обстоятельств, перечисленных в статье 73 УК РФ, не являющимися частью одного из элементов состава преступления. Для доказывания каждого из этих элементов следователь формирует модули механизма расследования. В каждом из модулей присутствуют элементарные части механизма, которые прямо

оказывают влияние на процесс формирования доказанного знания. Характер детерминизма, присутствующего во влиянии рассматриваемого явления или объекта должен быть прямым. Такое требование позволит избежать вовлечения в механизм расследования неограничено широкого круга явлений и объектов. При этом мы не должны отказываться от рассмотрения механизма или системы расследования в широком или расширенном смысле, делая некоторые исключения в правиле прямой и непосредственной детерминации.

Предлагаемый нами подход к рассмотрению механизма расследования должен способствовать выделению авторами особенностей в исследуемом ими расследовании отдельных групп преступлений [16], разработке частных методик расследования с учетом специфики механизма преступлений исследуемой категории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уемов А. И. Методы построения и развития общей теории систем: Секционный коллоквиум: История и перспективы развития системного подхода и общей теории систем. — М.: Наука, 1971. — 21 с.

2. А. М. Функции управления органов предварительного следствия МВД России в системе расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 1 (10). — С. 472—474.

3. Зуйков Г. Г. Организация расследования преступлений как практическая деятельность, предмет исследования и преподавания // Организация расследования преступлений органами внутренних дел: сб. ст. — М., 1978. — С. 11—23.

4. Блауберг И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. — М.: Наука, 1973. — 271 с.

5. Модогоев А. А. Система расследования преступлений. — М., 1992. — 315 с.

6. Гришин Ю. А. Из историии развития системы досудебного расследования в Украине: учеб. пособ. — Луганск: РИО ЛИВД, 1998. — 146 с.

7. Лакомская М. Ю. Тактические операции в системе расследования преступлений: учеб.-практ. пособ. / М. Ю. Лакомская. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. — 130 с.

8. Лобунец Е. С. Система расследования преступлений // Экономика, социология и право. — 2020. — С. 10—16.

9. Криминалистика. Т. 1 / под ред. Р. С. Белкина. — М.: Академия МВД СССР, 1978. — 407 с.

10. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования / И. М. Лузгин. — М., 1997. — 216 с.

11. Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. — М.: Медицина, 1975. — 448 с.

12. Челышева О. В. Гносеологические основы отечественной криминалистики / дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2003. — 300 с.

13. Маторин С. И. Системно-объектный подход как основа общей теории систем / С. И. Маторин, А. Г. Жихарев // Научные ведомости. — 2019. — Т. 46. — № 4. — С. 717—723.

14. Волков А. И. Структура системы расследования преступлений // Современное право. — 2016. — № 6. — С. 78—80.

15. Пермяков А. Л. Движение как составляющая механизма расследования // Вестник ВСИ МВД России. — 2021. — № 4. — С. 202—212.

16. Грибунов О. П. К вопросу о необходимости разработки узкоспециализированных методик расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 1 (96). — С. 146—156.

REFERENCES

1. Uemov A.I. Methods of construction and development of the general theory of systems: Sectional colloquium: History and prospects for the development of the system approach and the general theory of systems//Moscow: Ed. «Science,» — 1971. — 21 p. (in Russian).

2. Zaparenko A.M. Functions of the management of the preliminary investigation bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the crime investigation system//Actual problems of Russian law. — 2009. — №. 1 (10). — Pp. 472-474. (in Russian).

3. Zuikov G.G. Organization of crime investigation as a practical activity, subject of research and teaching//Organization of crime investigation by internal affairs bodies: Collection of articles. — Moscow, 1978. — Pp. 11-23. (in Russian).

4. Blauberg I.V., Yudin E.G. Formation and essence of the systemic approach. — Moscow: Ed. «Science,» 1973. — 271 p. (in Russian).

5. A.A. Modogoev Crime Investigation System. — Moscow, 1992. — 315 p. (in Russian).

6. Grishin Yu.A. From the history of the development of the pre-trial investigation system in Ukraine. Tutorial. — Lugansk: RIO LIVD, 1998. — 146 p. (in Russian).

7. Lakomskaya M.Yu. Tactical operations in the crime investigation system: educational and practical manual/M.Yu. Lakomskaya. — Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. — 130 p. (in Russian).

8. Lobunets E.S. Crime Investigation System//Economics, Sociology and Law. 2020. — Pp 10-16. (in Russian).

9. Forensics. T. 1/ed. R.S. Belkin. — Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1978. — 407 p. (in Russian).

10. Luzgin I.M. Methodological problems of investigation/I.M. Luzgin. — Moscow, 1997. — 216 p. (in Russian).

11. Anokhin P.K. Essays on the physiology of functional systems — Moscow «Medicine.» 1975. — 448 p. (in Russian).

12. Chelysheva O.V. Gnoseological foundations of domestic criminalistics/Diss.... Doctor of Legal Sciences of St. Petersburg. — 2003. — 300 p. (in Russian).

13. Matorin S.I., Zhikharev A.G. System-object approach as the basis of the general theory of systems//Scientific statements. — 2019. — vol. 46. — №. 4. — Pp. 717-723. (in Russian).

14. Volkov A.I. Structure of the crime investigation system//Modern law. — 2016. — № 6. — Pp. 78-80. (in Russian).

15. Permyakov A.L. Movement as a component of the investigation mechanism// Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — № 4. — Pp. 202-212. (in Russian).

16. Gribunov O.P. On the need to develop highly specialized investigation methods // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — № 1 (96). — Pp. 146-156.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пермяков Андрей Леонидович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, 664071, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0001-7402-7503

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Permyakov Andrei Leonidovich, Ph.D., Associate Professor, Deputy Head of the Department of Forensic Science of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664071, Russia, Irkutsk, ul. Lermontova, 110.

ORCID: 0000-0001-7402-7503

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С.206 —215.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. no.2 (101). P. 206—215.

12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Научная статья
УДК 343.13
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.29.18.018

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Самоделкин Александр Сергеевич[1], Тимофеев Сергей Владимирович[2]
[1] Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Российская Федерация, г. Москва, putin@list.ru
[2] Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, Российская Федерация, Иркутск, tsv.1981@mail.ru

Введение: статья посвящена исследованию современных методик выявления и раскрытия преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий, анализу возникающих в связи с этим проблем в практике деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел. Авторы отмечают, что современные цифровые технологии, помимо экономических преимуществ, предопределили возникновение новых видов преступлений, активизации процессов совершенствования преступниками способов сокрытия их следов. Это в значительной степени требует изменения в подходах правоохранительных органов к организации оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, кардинально изменили не только объекты поиска, добывания, сбора, анализа и использования информации, представляющей оперативный интерес и имеющих доказательственное значения по уголовным делам, но и изменение подходов к использованию «традиционных» методов оперативно-розыскной деятельности. В исследовании проанализированы понятия цифровых преступлений, проведена их классификация. Кроме того, в статье актуализированы особенности организационно-тактического и методического обеспечения деятельности оперативных сотрудников по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий. На основе результатов проведенного исследования были предложены меры правового, организационно-тактического характера, способствующих повышению эффективности решения задач при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Материалы и методы: основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, уголовное, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство, ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, а также познавательные методы обобщения, описания, приемы наблюдения, сравнения и анализа.

© Самоделкин А. С., Тимофеев С.В., 2022

Результаты исследования: отсутствие комплексных научно-обоснованных методик выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, а также имеющиеся пробелы в отечественном законодательстве, препятствуют повышению уровня раскрываемости данных преступлений и сокращению сроков расследования уголовных дел данной категории.

Выводы и заключения: существует объективная потребность в проведении комплексных экспертных исследований, направленных на решение проблем, связанных с организационно-тактическим и методическим обеспечением деятельности оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел. Создание и апробация современных методик, требуют: использование передового отечественного и международного опыта противодействия киберпреступлениям; повсеместного внедрения высокоэффективных аппаратно-программных комплексов исследования цифровых следов преступления; совершенствования оперативно-розыскного законодательства в области расширения возможностей использования в оперативно-розыскной деятельности института содействия граждан, обладающих специальными знаниями и имеющими возможность эффективно добывать сведения, представляющих оперативный интерес, в цифровой среде.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, информационные технологии, информационно-телекоммуникационные технологии, сеть Интернет, выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие преступлений.

Для цитирования: Самоделкин А. С., Тимофеев С. В. Современные методы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. —2022. — № 2 (101). — С. 206—215.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.29.18.018

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

MODERN METHODS OF DETECTING AND DISCOVERING CRIMES COMMITTED WITH THE USE DIGITAL TECHNOLOGIES

Alexander S. Samodelkin[1], Sergey V. Timofeev[2]

[1] All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Moscow, putin@list.ru

[2] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Russian Federation, Irkutsk, tsv.1981@mail.ru

Introduction*:* the article is devoted to the study of modern methods for detecting and solving crimes committed using digital technologies, the analysis of the problems arising in connection with this in the practice of the operational units of the internal affairs bodies. The authors note that modern digital technologies, in addition to economic advantages, have predetermined the emergence of new types of crimes, the activation of the processes of improving

criminals' ways of hiding their traces. This largely requires a change in the approaches of law enforcement agencies to the organization of operational-investigative and criminal procedural activities, which have radically changed not only the objects of search, acquisition, collection, analysis and use of information of operational interest and evidentiary value in criminal cases, but also a change approaches to the use of "traditional" methods of operational-search activity. The study analyzed the concepts of digital crimes, carried out their classification. In addition, the article updates the features of organizational, tactical and methodological support for the activities of operational officers to identify and solve crimes committed using digital technologies. Based on the results of the study, measures of a legal, organizational and tactical nature were proposed that contribute to increasing the efficiency of solving problems in the implementation of operational-search activities.

***Materials and methods**:* The basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, criminal, criminal-procedural and operational-investigative legislation, departmenttal regulatory legal acts regulating the issues of operational-investigative counteraction to crimes committed using digital technologies. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as cognitive methods of generalization, description, methods of observation, comparison and analysis.

The results of the study: the lack of comprehensive evidence-based methods for detecting and solving crimes committed using digital technologies, as well as existing gaps in domestic legislation, impede an increase in the level of detection of these crimes and a reduction in the time for investigating criminal cases of this category.

Findings and Conclusions: there is an objective need to conduct comprehensive expert research aimed at solving problems related to organizational, tactical and methodological support for the activities of operational and investigative units of internal affairs bodies. The creation and testing of modern methods require: the use of advanced domestic and international experience in combating cybercrime; the widespread introduction of highly efficient hardware and software systems for the study of digital traces of a crime; improving the operational-search legislation in the field of expanding the possibilities of using in the operational-search activities the institution of assistance to citizens who have special knowledge and are able to effectively obtain information of operational interest in the digital environment.

***Keywords**:* operational-search activity, information technologies, information and telecommunication technologies, the Internet, detection, prevention, suppression, detection of crimes.

***For citation**:* Samodelkin A. S., Timofeev S. V. Sovremennye metody vy¬javlenija prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem cifrovyh tehnologij [Modern methods of detecting and discovering crimes committed with the use digital technologies]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 2017—216 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.29.18.018

Современный этап развития человечества характеризуется процессом глобального и стремительного развития различных видов цифровых технологий, повсеместно внедряемых во все сферы деятельности человека, общества и подавляющего числа государств мира в целом. Повсеместное внедрение этих технологий не обошло стороной та-

кую сферу общественных отношений, как преступность. Цифровые технологии стали широко использоваться делинквентами, в качестве эффективного, удобного, относительно безопасного и малозатратного для них средства и способа совершения деяний, уголовно наказуемых в большинстве стран мира. При этом процесс адаптации методов, используемых правоохранительными органами в противодействии современным цифровым преступлениям, сопровождается множеством проблем. Это требует существенной переориентации деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), прежде всего органов внутренних дел (далее — ОВД) на действенный ответ киберпреступности и комплексному противодействие этому общественно опасному явлению.

В современном мире киберпространство, как правило, не знает государственных границ. В этой связи в числе наиболее актуальных и значимых угроз, которым необходимо противодействовать правоохранительным органам, следует отнести:

— атаки на бизнес-структуры программами-вымогателями;

— использование социальной инженерии с целью хищения денежных средств с банковских карт и счетов граждан;

— нарастающий рынок продажи персональных данных лиц, пользующихся банковскими услугами и онлайн-торговли;

— рост количества вредоносных программ для мобильных устройств;

— использование средств фальсификации — голоса, сообщений, цифровых событий и т. д.;

— распространение готовых инструментов для кибератак (программное обеспечение для вымогательства, как вид услуг);

— создание интернет-площадок «маркетплейсов», предоставляющих возможности для распространения запрещенных товаров, предметов, веществ и услуг;

— различные виды «шутинга»;

— использование кибероружия (например, DDoS-атаки на информационно-телекоммуникационные ресурсы частных и государственных компаний и т. д.).

Статистика свидетельствует о том, что в последнее время в Российской Федерации значительно вырос удельный вес таких преступлений. Так, за последние пять лет, количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, вырос с 90,5 тыс. до 517,7 тыс. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 4,3 % в 2017 году, до 25,8 % в 2021 году[1].

Такие показатели статистической отчётности свидетельствуют о необходимости адекватных мер, направленных на повышение уровня раскрываемости этих преступлений, сотрудниками правоохранительных органов.

Е. А. Малыхина, исследуя проблемы преступности, справедливо отметила: «Борьба с преступностью играет важную роль в формировании и поддержании устойчивого правового государства. Соблюдение должного уровня правопорядка и законности — одна из приоритетных задач современного общества...» [1, с. 188].

[1] Общие сведения о состоянии преступности. Состояние преступности 2017—2021 гг. [Электронный ресурс]. — URL: https://mvd.ru (дата обращения: 01.04.2022).

Следует согласиться с мнением И. Н. Железняка, который справедливо замечает: «Законодатель же в своем нормотворчестве априори выступает в роли догоняющего, зачастую так и не сумев разобраться в процессах, выступающих катализаторами возникновения тех или иных событий, механизмах молниеносной экстраполяции существующих паттернов в обществе или, что более близко нам в исследовании, в вопросах оптимизации правил противодействия преступности» [2, с. 67].

Верной, полагаем, также является позиция О. П. Грибунова о том, что «Специфика рассматриваемых преступлений предопределяет некоторые особые условия, необходимые для успешного осуществления хода предварительного следствия» [3, с. 321].

Чтобы полнее уяснить значимость противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий, необходимо рассмотреть вопросы, относящиеся к понятию данного явления, классификации их видов, роли системного анализа и сущности мониторинга цифровой информации, исследовать вопросы, связанные с современными методами противодействия правоохранительных органов, актуализировать особенности организационно-тактического обеспечения деятельности оперативных подразделений, а также предложить меры по совершенствованию правового характера, способствующих повышению эффективности решения этой задачи.

В настоящем исследовании предлагаем рассмотрение понятия цифровых преступлений с точки зрения совершения преступлений, при которых цифровые (электронные) технологии выступают в качестве средства их совершения, а не объекта преступного посягательства. Это обусловлено тем, что подавляющее число регистрируемых в Российской Федерации деяний относятся к данной категории.

Исследование практики деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел (далее — ОВД) показало, что наиболее эффективными и доступными методами выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, являются: оперативно-технический, агентурный и уголовно-процессуальный (рис. 1):

Рисунок 1. Классификация современных методов выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий

Далее остановимся и рассмотрим эти методы более подробно.

Первый и в настоящее время основной метод выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий является оперативно-технический. Сущностью которого является в осуществлении оперативно-розыскной деятельности путем применения сотрудниками оперативных подразделений преимущественно в негласной форме методов и средств, закрепленных в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), а также использования мониторинга и системного анализа информации, размещенной в цифровой среде сети Интернет, в том числе в неиндексируемой ее части[1].

Преимущество данного метода очевидно, и в сочетании с аналитикой больших данных, машинным обучением позволяет формировать целостную картину интернет-пространства в целях выявления потенциальных и реальных угроз, обеспечения правоохранительных органов возможностями сценарного планирования для профилактики различных правонарушений и более оперативного обнаружения, и реагирования.

Второй метод — агентурный, в современных условиях не утратил свою актуальность и значимость. Это обусловлено тем, что получаемые сведения, представляющие оперативный интерес и возможное доказательственное значение, не могут решить одну из основных проблем, возникающих при выявлении и раскрытии цифровых преступлений — высокий уровень анонимности преступников. Анонимность — это одно из главных преимуществ, появившихся у делинквентов, обусловленная развитием технологий криптошифрования данных, передаваемых по сетям связи.

В связи с этим небезынтересным следует признать мнение российских учёных-юристов о том, что с точки зрения отечественного понимания сущности оперативно-розыскной деятельности агентурный метод является её ядром и представляет собой совокупность приемов и способов легендированного поведения негласных сотрудников (агентов) и оперативных сотрудников правоохранительных органов и спецслужб по выведыванию оперативно значимой информации и документированию противоправных действий путем установления или развития доверительных отношений с её обладателями [4, с. 1].

Исходя из наличия французских истоков в практике использования сыскными органами Российской империи агентурного метода оперативной работы, а также применения с середины XIX в. в англосаксонской и континентальной системах права, имеющего французское происхождение термина «агент» используется в контексте словосочетания agent provocateur (фр.). При этом некоторые авторы, исследующие данный метод в теории оперативно-розыскной деятельности в рамках научной дискуссии, берут на себя смелость предположить, что термин «провокация» в рассматриваемом контексте является производным от словосочетания «агент-провокатор», заимствованного российским обществом и правовой системой в начале 80-х гг. XIX в. из понятийного аппарата негласной работы французской полиции [5, с. 23].

По нашему мнению, термин «провокация» при совокупности приёмов и методов, применяемых с привлечением лиц, оказывающих негласное содействие органам, осу-

[1] Та часть интернета, которая не имеет индексацию в поисковых системах. Например, Darknet, Dark Web, Deepnet, Deep Web, Invisible Web или Hidden Internet.

ществляющим ОРД в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в цифровом пространстве не совсем уместен. Так как при реализации полномочий, закрепленных в ст. 15 Закона об ОРД, органы, осуществляющие ОРД, имеют соответствующие компетенции, в том числе и право устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе.

Применительно к теме настоящего исследования и агентурного метода в частности, при решении задач по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, этот метод может использоваться, например, в «оперативной игре» при проведении таких комплексных и сложных с тактической точки зрения оперативно-розыскных мероприятий, как «Проверочная закупка», «Оперативный эксперимент», «Оперативное внедрение» и «Контролируемая поставка».

Обращает на себя внимание тщательность и подробность изложения понятия «оперативная игра» профессора Н. С. Железняка, который в одном из своих научных трудов дает определение этого понятия: «система операций и мероприятий, в ходе которых орган государственной безопасности от имени и при участии двойного агента систематически направляет противнику различного рода дезинформационные сведения и отчеты агента с легендированными данными о его деятельности. В результате оперативной игры действия противника оказывались под контролем органов государственной безопасности и с помощью агента направлялись в выгодном им направлении. Оперативные игры, в которых использовались полученные двойным агентом от противника радиосредства, назывались радиоиграми» [6, с. 27].

Третий метод выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий — уголовно-процессуальный. Данный метод следует отнести к одному из важных в деятельности оперативных подразделений ОВД по оперативно-розыскному обеспечению предварительного расследования уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений исследуемой категории.

В практике деятельности оперативных подразделений понятие «оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования» также используется как термин «оперативное сопровождение». Так, И. В. Большов под данной дефиницией понимает «как основанный на законах и иных подзаконных актах комплекс мер, направленный на создание условий для эффективного решения определенных ФЗ „Об оперативно-розыскной деятельности“ главных задач оперативно-розыскной деятельности. В число видов оперативно-розыскного обеспечения включаются следующие: правовое, организационное, агентурно-разведывательное, информационно-аналитические и другие виды обеспечения...» [7, с. 154].

Однако несмотря на большое количество научной и методической литературы, в практической деятельности отмечается недостаток современных практикоориентированных методических рекомендаций и методик расследования преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, в том числе экономической направленности. Так, профессор Н. В. Павлюченко отмечает, что преобразования, произошедшие в нашей стране за последние двадцать лет, серьезным образом изменили облик преступности, особенно в сфере экономической деятельности [8, с. 111].

В контексте нашего исследования уголовно-процессуальный метод выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий включает в себя комплекс оперативно-розыскных и иных мероприятий, основанный на полномочиях, органов осуществляющих ОРД и возложенных на них задач, по установлению фактических данных, имеющих доказательственное значение по уголовному делу.

Таким образом, ретроспективный анализ исследований, посвященных разработке проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий, показывает необходимость в проведении комплексных экспертных исследований, направленных на решение проблем, связанных с организационно-тактическим и методическим обеспечением деятельности оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел, в том числе:

— создание и апробация современных методик;

— использование передового отечественного и международного опыта противодействия киберпреступлениям;

— повсеместное внедрение высокоэффективных аппаратно-программных комплексов исследования цифровых следов преступления;

— совершенствование оперативно-розыскного законодательства в области расширения возможностей использования в ОРД института содействия граждан, обладающих специальными знаниями и имеющими возможность эффективно добывать сведения, представляющих оперативный интерес, в цифровой среде.

— повышение цифровой грамотности и экспертизы в вопросах цифровой безопасности — усложнение и цифровизация сферы общественных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малыхина Е. А. Структура и содержание криминалистической характеристики хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта и ее значение для частной методики расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 1 (88). — С. 188—200.

2. Железняк И. Н. Дискреционность полномочий в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел как маркер «ветхости» профильного закона / И. Н. Железняк // Общество и право. — 2021. — № 4 (78). — С. 67—71.

3. Грибунов О. П. Некоторые особенности производства осмотра места происшествия по делам о хищениях комплектующих деталей железнодорожного транспорта / О. П. Грибунов, Е. А. Малыхина // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. науч. ст., посв. 50-летию Юридического института БФУ им. И. Канта. — 2017. — С. 321—327.

4. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2020. — 795 с.

5. Кольцов Д. В. Агентурная провокация в оперативно-розыскной деятельности: решение проблемы лексико-терминологической неопределенности //Труды Академии управления МВД России. — 2020. — № 3 (55). — С. 19—29.

6. Железняк Н. С. Термины и выражения, применяемые в оперативно-розыскной деятельности: слов.-справ. / под ред. Н. С. Железняка. — Красноярск, 2015. — С. 56.

7. Большов И. В. Вновь к вопросу определения понятия оперативно-розыскного обеспечения //Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — № 5. — С. 150—154.

8. Павличенко Н. В. Современное состояние методик расследования преступлений в сфере экономической деятельности / Н. В. Павличенко, П. И. Иванов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. — № 3 (39). — С. 110—115.

REFERENCES

1. Malykhina E.A. The structure and content of the criminalistic characteristics of thefts of components of railway transport facilities and its significance for the private investigation methodology // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (88). pp. 188-200.

2. Zheleznyak I. N. Discretionary powers in the operational investigative activities of internal affairs bodies as a marker of the "dilapidation" of the profile law / I. N. Zheleznyak // Society and Law. 2021. no. 4(78), pp. 67-71.

3. Gribunov O.P., Malykhina E.A. Some features of the inspection of the scene of the incident in cases of theft of railway components // In the collection: Modern problems of legal science and law enforcement practice. collection of scientific articles dedicated to the 50th anniversary of the I. Kant Law Institute of the BFU. 2017. pp. 321-327.

4. Theory of operational investigative activity: textbook / edited by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky. 4th ed., reprint. and additional M., 2020. 795 p.

5. Koltsov D. V. Agent provocation in operational search activity: solving the problem of lexical and terminological uncertainty //Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 3 (55), pp. 19-29.

6. Zheleznyak N.S. Terms and expressions used in operational investigative activities: dictionary-reference / edited by N.S. Zheleznyak. Krasnoyarsk, 2015. p. 56.

7. Bolshov I. V. Again to the question of defining the concept of operational investigative support //Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2013. no. 5, pp. 150-154.

8. Pavlichenko N. V., Ivanov P. I. The current state of methods of investigation of crimes in the sphere of economic activity //Legal science and practice: Vestnik of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 3 (39), pp. 110-115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Самоделкин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра № 2. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.
ORCID: 0000-0002-4208-8384

Тимофеев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в органах внутренних дел. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0002-4172-1571

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samodelkin Alexander Sergeevich, Doctor of Law, Associate Professor. Head of Research Center No. 2. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 25, building 1., st. Povarskaya, Moscow, 121069.
ORCID: 0000-0002-4172-1571

Timofeev Sergey Vladimirovich, Candidate of Law, senior lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment in the Department of Internal Affairs. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov st., Irkutsk, Russia, 664074.
ORCID: 0000-0002-4172-1571

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 216—227.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. no.2 (101). P. 216—227.

12.00.14. Административное право. Административный процесс

Научная статья
УДК 351.74
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.75.25.019

КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Беженцев Александр Анатольевич
Санкт-Петербургский университет МВД России, Российская Федерация, Санкт-Петербург, adovd@mail.ru

Введение: кодификация заключается в том, что она является формой коренной переработки действующих нормативных актов в определенной сфере отношений, способом качественного упорядочения законодательства, обеспечения его согласованности и компактности, а также «расчистки» нормативного «массива», освобождения его от устаревших, не оправдавших себя норм. В процессе кодификации составитель стремится объединить и систематизировать действующие нормы, а также переработать их содержание, изложить нормативные предписания четко и внутренне согласованно, с учетом реалий времени обеспечить максимальную полноту регулирования соответствующей сферы отношений. Кодификация законодательства об административной ответственности должна быть направлена на то, чтобы критически переосмыслить действующие нормы, устранить противоречия и несогласованность между ними.

Материалы и методы: методологической основой научной статьи выступили общие (анализ, синтез, дедукция, индукция), частно-научный (структурного анализа), а также специальные методы (формально-юридический и правого моделирования) научного познания, обосновывающие целесообразность концептуальной кодификации законодательства об административной ответственности.

Результаты исследования: систематизация означает приведение определенного множества элементов в систему, ключевым моментом которой будет установление системных связей между её элементами. Рассматриваются два возможных способа систематизации законодательства об административной ответственности. Первый из них — «сплошная кодификация», в случае которой системные связи создаются путем предоставления совокупности норм единой формы в виде кодекса, в который войдут все соответствующие нормы. Второй способ — «концептуальная кодификация», которая имеет целью не объединение в одном нормативно-правовом акте абсолютно всех норм, касающихся административной ответственности, а создание единой, логической и стабильной нормативной конструкции административной ответственности на основе системы соответствующих принципов, поэтому данным способом возможно в значительной степени устранить пробелы, существующие на данный момент в действующих законах, устанавливающих административную ответственность.

© Беженцев А. А., 2022

Выводы и заключения: с целью минимизации коллизий, несогласованностей и пробелов в правовом регулировании, обосновывается вывод о целесообразности систематизации законодательства об административной ответственности в форме кодификации, для чего необходимо создать концепцию соответствующего кодифицированного акта, на основании которой можно проводить требуемую систематизационную работу. Сделан вывод о необходимости кодификации законодательства об административной ответственности способом концептуальной кодификации, преимуществом которой можно считать то, что в результате её осуществления, с одной стороны, не нарушается системность норм, содержащихся в актах законодательства, регламентирующих различные сферы общественных отношений и одновременно содержащих нормы об административной ответственности в этих сферах, а с другой — на базе системы соответствующих принципов создается новая система норм института административной ответственности.

Ключевые слова: административное законодательство, административное правонарушение, субъекты административных правонарушений, административная ответственность, нормативная конструкция административной ответственности, институт административной ответственности, сплошная кодификация, концептуальная кодификация, принципы административной ответственности.

Для цитирования: Беженцев А. А. Кодификация законодательства об административной ответственности: современная концепция // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С.216—227.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.75.25.019

12.00.14. Administrative law; administrative process

Original article

CODIFICATION OF LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY: A MODERN CONCEPT

Alexander A. Bezhentsev
Saint-Petersburg university Ministry of the Internal Affairs of Russian Federation,
Russian Federation, St. Petersburg, adovd@mail.ru

Introduction: codification lies in the fact that it is a form of radical reworking of existing regulations in a certain area of relations, a way of qualitatively streamlining legislation, ensuring its consistency and compactness, as well as clearing the normative array, freeing it from obsolete, unjustified norms. In the process of codification, the compiler seeks to combine and systematize the existing norms, as well as rework their content, set out the regulatory requirements clearly and internally, taking into account the realities of the time, to ensure the maximum completeness of the regulation of the relevant sphere of relations. The codification of the legislation on administrative responsibility should be aimed at critically rethinking the existing norms, eliminating contradictions and inconsistencies between them.

Materials and Methods: the methodological basis of the scientific article was general (analysis, synthesis, deduction, induction), particular scientific (structural analysis), as well

as special methods (formal legal and legal modeling) of scientific knowledge, substantiating the expediency of the conceptual codification of legislation on administrative responsibility.

The results of the Study: systematization means bringing a certain set of elements into a system, the key point of which will be the establishment of systemic links between its elements. Two possible ways of systematizing the legislation on administrative responsibility are considered. The first of these is "solid codification", in which case systemic links are created by providing a set of norms of a single form in the form of a code, which will include all relevant norms. The second method is "conceptual codification", which aims not to combine absolutely all the norms related to administrative responsibility in one legal act, but to create a single, logical and stable regulatory structure of administrative responsibility based on a system of relevant principles, therefore, in this way it is possible to a large extent extent to eliminate the gaps that currently exist in the current laws establishing administrative responsibility.

Findings and Conclusions: in order to minimize conflicts, inconsistencies and gaps in legal regulation, the conclusion is substantiated that it is expedient to systematize the legislation on administrative responsibility in the form of codification, for which it is necessary to create the concept of the corresponding codified act, on the basis of which it is possible to carry out the required systematization work. It is concluded that it is necessary to codify the legislation on administrative responsibility by the method of conceptual codification, the advantage of which can be considered that as a result of its implementation, on the one hand, the systemic nature of the norms contained in legislative acts regulating various spheres of public relations and at the same time containing norms on administrative responsibility is not violated. responsibility in these areas, and on the other hand, on the basis of a system of relevant principles, a new system of norms for the institution of administrative responsibility is being created.

Keywords: administrative legislation, administrative offense, subjects of administrative offenses, administrative responsibility, normative structure of administrative responsibility, institute of administrative responsibility, continuous codification, conceptual codification, principles of administrative responsibility.

For citation: Bezhentsev A.A. Kodifikacija zakonodatel'stva ob administrativnoj otvetstvennosti: sovremennaja koncepcija [Codification of legislation on administrative responsibility: a modern concept]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 216—227 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.75.25.019

В настоящее время с учетом значительного массива законодательства об административной ответственности требуются инновационные и современные концепции кодификации законодательства об административных правонарушениях. Очевидно, что среди всех существующих видов систематизации законодательства для нужд административной ответственности в наибольшей степени подходит именно кодификация [1, с. 79—82; 2, с. 50—54; 3, с. 94—100; 4, с. 13—22; 5, с. 59—63; 6, с. 480—487; 7, с. 19—24; 8, с. 5—13; 9, с. 15—24; 10, с. 63—67].

Кодификация — это форма правотворчества. Будучи обобщением действующего правового регулирования, она, в то же время, направлена на установление новых норм,

отражающих назревшие потребности общественной жизни и преодолевающих пробелы правового регулирования, на замену неудачных, устаревших правовых предписаний новыми. Кодификация — это форма совершенствования законодательства по содержанию, и её результатом является новый сводный законодательный акт стабильного содержания, который заменяет ранее действующие нормативные акты по данному направлению. Сочетание в кодификации упорядочения и обновления законодательства позволяет рассматривать её как наиболее совершенную, высшую форму правотворчества.

Всё вышесказанное в полной мере относится и к сфере административной ответственности [11, с. 82—88]. На сегодняшний день можно констатировать существование в значительной мере дезинтегрированного массива законодательства об административной ответственности, который состоит из двух основных видов нормативно-правовых актов:

— первый — это действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ);

— второй — это законы об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации, которые устанавливают административную ответственность в регионах.

Отсюда следует, что преодоление принципиальных пробелов и нормативных коллизий, которые фактически сложились в правовом регулировании административной ответственности, объективно невозможно без проведения сплошной систематизации разнородных актов административно-юрисдикционного законодательства. При этом, учитывая большое количество коллизий, несогласованностей и пробелов в правовом регулировании, систематизацию законодательства об административной ответственности следует проводить в форме кодификации. Однако, прежде всего, должна быть создана концепция соответствующего кодифицированного акта, на основании которой можно проводить требуемую систематизационную работу.

Для создания соответствующей концепции необходимо решить ряд задач, среди которых основными являются следующие:

— определение сферы правового регулирования, которая должна быть охвачена соответствующим кодификационным актом;

— определение границ кодификации;

— определение структуры кодифицированного акта.

Наиболее сложными в этом перечне — первые две задачи.

В базис кодификации могут быть положены фактически два взаимосвязанных правовых явления — это нормативная конструкция административной ответственности и институт административной ответственности.

Выбор в качестве основы кодификации нормативной конструкции или института административной ответственности имеет свои преимущества и недостатки. Создание кодифицированного акта на основе норм, которые образуют нормативную конструкцию, намного проще, это делает кодифицированный акт достаточно стабильным, поскольку именно нормативная конструкция испытывает меньше изменений, но при этом его применение невозможно без дополнительных нормативных актов, определяющих конкретные основания административной ответственности — составы конкретных административных правонарушений. Для правоприменения в таком случае необходимо обращаться

как минимум к двум нормативно-правовым актам: в котором определена нормативная конструкция административной ответственности и в котором определены составы конкретных административных правонарушений.

С другой стороны, кодификация, в основу которой положен весь институт административной ответственности в целом, позволит создать единый нормативно-правовой акт, содержащий в себе и нормативную конструкцию административной ответственности и все возможные составы административных правонарушений. В то же время, как показывает опыт, такой кодифицированный акт не будет стабильным, поскольку с овладением новых сфер правового регулирования потребность в использовании в нем нормативной конструкции административной ответственности будет расширяться, следовательно, потребуется вносить изменения в перечень административных правонарушений. Кроме того, объективные трудности представляет собой полное собрание всех административных правонарушений в одном акте.

Если внимательно посмотреть на описанный выше опыт кодификации законодательства об административной ответственности, то нетрудно заметить, что в советские времена законодатель пошел эволюционным путем от Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях к соответствующим кодексам. При этом Основы представляли собой не что иное, как нормативную конструкцию административной ответственности со всеми её атрибутами. А кодексы об административных правонарушениях содержали в себе нормы, образовывали полноценный институт административной ответственности.

Теоретически возможно повторить путь систематизации, пройденный в советское время, но практически это сделать невозможно, поскольку пришлось бы проводить, с позволения сказать, «декодификации» действующего КоАП РФ, что весьма проблематично. Однако наличие такого нормативно-правового акта, которым является КоАП РФ, определенным образом ограничивает законодателя в выборе вариантов систематизации.

Тем не менее и в этом случае есть два возможных пути или способа систематизации. Первый из них можно условно назвать «сплошная кодификация», которая заключается в том, что за основу будущего кодифицированного акта берется действующий КоАП РФ. При этом в него добавляются нормы, предусматривающие административную ответственность и физических и юридических лиц, которые находятся за пределами действующего КоАП РФ. При этом дорабатывается общая часть КоАП РФ с учетом особенностей ответственности юридических лиц.

В то же время избрание такого варианта вызывает целый ряд проблем. Во-первых, необходимо собирать в кодекс все составы соответствующих правонарушений. Во-вторых, в кодекс должны войти нормы, регламентирующие особые процедуры привлечения к ответственности юридических лиц. Эти вопросы имеют больше практическое, чем теоретическое значение, к тому же они должны решаться в комплексе.

Если в один акт включаются все составы правонарушений, а процессуальные конструкции остаются за его пределами, то фактически осуществляется систематизация составов правонарушений, и это трудно объяснить с точки зрения целесообразности. Какая польза от того, что в одном документе будут собраны все возможные составы административных правонарушений? Тем более что и субъектов правонарушений, и органов административной юрисдикции достаточно большое количество, и для привлечения

к административной ответственности вряд ли удастся обойтись только одним нормативно-правовым актом.

Если же поставить целью обобщить и процессуальные конструкции, и основания административной ответственности, то неизбежно столкнемся с целым рядом проблем.

Первую из этих проблем можно сформулировать как проблему выделения из отдельных законов норм, описывающих признаки состава правонарушения и в первую очередь юридических лиц.

Как и для административного правонарушения, объективные признаки, характеризующие внешнюю сторону правонарушения юридического лица, в совокупности составляют его объективную сторону. К признакам объективной стороны традиционно относят деяния и последствия его совершения, причинную связь между ними, время, место, способ и средства совершения административного правонарушения. Однако для правонарушений юридических лиц нехарактерны указания на время, место, способ и средства их совершения. Чаще всего описывается только само противоправное деяние и довольно редко — его общественно вредные последствия.

Деяния, как основной признак объективной стороны правонарушения юридического лица, так же, как и для физических лиц, может проявляться в действиях или бездействии. При этом, поскольку действия юридических лиц, как правило, выражаются через действия физических лиц, входящих в их состав, описание деяний юридических лиц осуществляется таким же образом, как и для физических лиц.

Во многих случаях сложность и многоаспектность видов деятельности, осуществляемая многими субъектами хозяйствования, которая является предметом государственного регулирования, обусловливает определенные особенности формулировок отдельных элементов составов правонарушений таких субъектов и в первую очередь юридических лиц. Однако следует отметить, что рассмотрение дел о правонарушениях в административном порядке выдвигает определенные требования юридико-технического характера для формулирования объективной стороны. Одной из таких требований следует считать отсутствие субъективных оценочных характеристик деяния или имеющих гипотетический характер. Это необходимо для того, чтобы исключить привнесение в рассмотрение дела элементов спора о наличии или отсутствии объективной стороны, иначе было бы необходимым применять судебную процедуру рассмотрения.

Поскольку систематизация означает приведение определенного множества элементов в систему, то ключевым её моментом будет установление системных связей между этими элементами. В случае сплошной кодификации такие связи создаются путем предоставления совокупности норм единой формы в виде кодекса, в который войдут все соответствующие нормы. Однако системные связи можно организовать и другим способом — через создание единых принципов реализации таких норм, т. е. создание соответствующих принципов, которые и будут играть роль связей между всеми нормами, регламентирующими административную ответственность, хотя и содержаться они могут в разных нормативных актах. Построенный на таком способе создания системных связей способ систематизации можно условно назвать «концептуальной кодификацией». Такая кодификация имеет целью не объединение в одном нормативно-правовом акте абсолютно всех норм, касающихся административной ответственности, а создание единой, логи-

ческой и стабильной нормативной конструкции административной ответственности на основе системы соответствующих принципов.

В этом случае за основу также может быть взят действующий КоАП РФ, но при этом должны быть существенно доработаны понятийный аппарат административной ответственности; описаны основания административной ответственности с учетом того, что субъектами административных правонарушений признаются и физические и юридические лица; уточнены перечень и принципы применения административных санкций; обстоятельства, исключающие административную ответственность; принципы взаимосвязи с другими нормативно-правовыми актами. В таком варианте кодификации обязательно необходимо предусмотреть нормы, которые распространяли действие норм-принципов соответствующего кодифицированного акта на все случаи привлечения к административной ответственности, в том числе за правонарушения, составы которых предусмотрены в других нормативно-правовых актах.

За счет того, что в концептуальном кодексе будут содержаться определяющие принципы административной ответственности, он сможет в значительной степени устранить пробелы, существующие на данный момент в действующих законах, устанавливающих административную ответственность. С другой стороны, это даст возможность упростить разработку будущих законов по соответствующим вопросам.

Что же касается той части КоАП РФ, где расположены конкретные составы административных правонарушений, то она должна остаться в том же объеме, но с учетом изменений в системе административных санкций и формулировках объективной стороны некоторых составов, при этом обязательно должны быть сформулированы принципы пополнения этой части новыми составами административных правонарушений.

Достоинствами такого варианта можно считать то, что в результате его реализации получится стабильный нормативно-правовой акт, удобный в использовании всеми субъектами административно-деликтных отношений. Полагаем, необходимо переходить от попыток создания кодексов «правонарушений» к созданию концептуальных кодексов. Причем кодекс здесь будет выступать результатом систематизации законодательства лишь частично, в большей степени он будет базисным кодексом, создаст концептуальную основу одного из видов властной государственной деятельности, одной из распространенных форм реализации исполнительной власти — административной ответственности.

Преимуществом концептуальной кодификации можно считать то, что в результате её осуществления, с одной стороны, не нарушается системность норм, содержащихся в актах законодательства, регламентирующих различные сферы общественных отношений и одновременно содержащих нормы об административной ответственности в этих сферах, а с другой — создается новая система норм института административной ответственности. При этом существование одной системы никоим образом не мешает существованию другой.

На сегодня существует несколько концепций кодификации законодательства об административной ответственности, но все они в основном базируются на идее сплошной кодификации, причем главной целью такой кодификации является объединение в одном нормативно-правовом акте всех составов административных правонарушений. Усиливаются тенденции к избранию именно такого способа кодификации, на это

влияет и опыт стран СНГ, которые не отступили от этой модели в процессе принятия новых соответствующих кодексов, которые экстренно принимались ввиду того, что «современному обществу, приступившему к строительству правового демократического государства в странах СНГ, срочно нужен был доктринально и концептуально новый кодифицированный акт, регламентирующий вопросы административной ответственности» [12, с. 20; 6, с. 118—125; 9, с. 20—22].

В 2019 году разработан проект федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Он подготовлен во исполнение поручения Правительства Российской Федерации от 4 июня 2019 г. № ДМ-П4-29пр (пункты 3.1 и 3.2) на основе Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, опубликованной 10 июня 2019 года на официальном сайте Правительства Российской Федерации в сети Интернет[1].

В новый КоАП РФ предлагается включить три раздела: «Общая часть», «Особенная часть», «Субъекты административной юрисдикции».

В общей части должны быть отражены вопросы, касающиеся, в том числе, понятия административного правонарушения и административной ответственности, административных наказаний и правил их назначения, освобождения от административной ответственности и от административного наказания.

В особенную часть предлагается включить 36 глав, объединяющих в себе составы административных правонарушений на основе их классификации по видовым объектам противоправного посягательства.

В третьем разделе перечисляются субъекты административной юрисдикции, уполномоченные на возбуждение, рассмотрение и пересмотр дел об административных правонарушениях.

Проект кодекса в отличие от проектов многих других законов доступен для обсуждения широким кругом как ученых, так и общественности, было проведено несколько круглых столов, на которых свои мысли по поводу проекта высказывали соответствующие специалисты, причем как теоретики, так и практики. И хотя во время обсуждений, острых дискуссий высказывалось очень много замечаний и предложений, к сожалению, большая часть из них осталась без внимания разработчиков проекта.

К сожалению, в том виде, в котором сейчас существует проект, он не решает главной задачи, которая ставилась перед ним, а именно преодолеть принципиальные пробелы и нормативные коллизии, которые фактически сложились в правовом регулировании административной ответственности. Указанный проект, который представляет собой несколько улучшенный вариант действующего КоАП РФ, способствует этому очень незначительно.

Как представляется, существенным недостатком проекта является подход к выбору предмета кодификации. В названии проекта «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» акцент сделан на административных проступках, и создается впечатление, что ключевой задачей кодификации является объединение в одном акте всех составов административных проступков. Однако это не так. Собствен-

[1] Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059).

но административные правонарушения есть исключительно основания возникновения такого явления, как административная ответственность, поэтому и проект должен быть направлен на всестороннее урегулирование комплекса отношений административно-деликтного характера.

Использованное в проекте традиционное построение КоАП РФ предусматривает включение в него всего перечня административных правонарушений, что снижает главные достоинства любого кодифицированного акта — обеспечивать, с одной стороны, прямое действие его норм, а с другой — высокую стабильность его содержания. Именно такие достоинства присущи, например, Уголовному кодексу Российской Федерации (далее — УК РФ), принципы построения которого целесообразно использовать при оптимизации как действующего КоАП РФ, так и проекта нового кодекса.

Однако прямое действие норм УК РФ обеспечивается тем, что в его Особенной части очень мало статей, мало бланкетных норм, к тому же наиболее важным для квалификации преступлений является описание не столько преступного деяния, сколько его общественно опасных последствий, поскольку подавляющее большинство составов преступлений являются материальными.

Принципиально иная картина имеет место в случае кодификации проекта КоАП РФ. Здесь, в отличие от УК РФ, подавляющее большинство составов административных проступков являются формальными, а сама объективная сторона большинства проступков заключается в нарушении различных правил, порядков, инструкций, вообще законодательства. Иначе говоря, нормы, в которых описываются составы таких правонарушений, являются бланкетными, для их правильного правоприменения необходимо воспользоваться дополнительными нормативными источниками, иногда сразу несколькими.

Кроме того, обращает на себя внимание то, что подавляющее большинство норм Особенной части проекта нового КоАП РФ является, по сути, ничем иным, как санкциями других норм и к тому же норм различной отраслевой принадлежности. При таком подходе к кодификации, фактически происходит «расчленение» соответствующей нормы, когда её гипотеза и диспозиция содержатся в одном нормативно-правовом акте, а санкция в другом. Иными словами, такая кодификация приводит не к усилению единства и улучшению качества нормативного массива, что должно быть её ведущей задачей, а, наоборот, — к «распылению» содержания отдельных норм по разным актах законодательства, а в ряде случаев и по различным отраслям права.

Невозможно обойти вниманием и тот факт, что перечень административных проступков очень часто меняется (в основном в направлении расширения), а это является результатом большой подвижности общественных отношений, которые попадают в сферу публичного управления. Поэтому правильным было бы отказаться от традиции включать в единый кодифицированный акт весь массив составов административных проступков, поскольку в этом нет объективной необходимости, и это не оправдывается с точки зрения соблюдения требований систематизации и нормопроектирования.

Фактически логика развития административного законодательства России, которая должна быть построена на закономерностях развития административного права и понимания его места в системе права, подталкивает нас к мысли о правильности направления концептуальной кодификации. Значительное количество законов, составляющих основу административного законодательства являются именно концептуальными закона-

ми, поэтому можно сделать вывод о том, что сплошная кодификация в административном праве нецелесообразна, учитывая огромное разнообразие общественных отношений, образующих его предмет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кудрявцева К. Р. Кодификация административного законодательства: актуальность и перспективы // Административное право и процесс. — 2021. — № 4. — С. 79—82.

2 Нагорных Р. В. О целях систематизации административного права и законодательства в условиях реализации доктрины административного конституционализма в современной России // Юридический мир. — 2021. — № 6. — С. 50—54.

3. Побежимова Н. И. Кодификация законодательства об административных правонарушениях: новеллы Кодекса РФ об административных правонарушениях; пути их решения, ответственность предпринимателей / Н. И. Побежимова, О. В. Игитова // Вестник Евразийской академии административных наук. — 2020. — № 4 (53). — С. 94—100.

4. Воронов А. М. Административная реформа: динамика развития в современной России // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Каплунова. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. — С. 13—22.

5. Стахов А. И. Административные деликты как основа кодификации административно-процессуального законодательства // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2020. — № 1 (76). — С. 59—63.

6. Зырянов С. М. Концептуальные проблемы третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях // Сибирское юридическое обозрение. — 2019. — Т. 16. — № 4. — С. 480—487.

7. Попугаев Ю. И. Основные концептуальные положения по разработке общей и особенной частей нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. — 2019. — № 6. — С. 19—24.

8. Докукина И. А. Развитие систематизации и кодификации в современном административном праве // Российское право онлайн. — 2018. — № 2. — С. 5—13.

9. Андриянов В. Н. Новая кодификация законодательства об административных правонарушениях: состояние и перспективы // Сибирский юридический вестник. — 2018. — № 3 (82). — С. 15—24.

10. Доброхотов М. Ю. Кодификация административного законодательства: проблемы и перспективы / М. Ю. Доброхотов, А. Н. Дерюга // Правовая парадигма. — 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 63—67.

11. Ноздрачев А. Ф. Обзор научно-практического семинара «Эволюция административной ответственности в России» / А. Ф. Ноздрачев, Т. А. Левоненкова // Административное право и процесс. — 2021. — № 5. — С. 82—88.

12. Магомедов Б. М. Административно-деликтное законодательство государств — участников СНГ: взгляд на начало процесса его кардинального реформирования спустя 20 лет // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2012. — № 3. — С. 20.

13. Круглов В. А., О кодификации законодательства об административных правонарушениях в содружестве независимых государств / В. А. Круглов, В. Г. Татарян // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. — Могилев, Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. — 2020. — С. 118—125.

14. Магомедов Б. М. Реформирование административно-деликтного законодательства государств — участников Таможенного союза // Административное право и процесс. — 2012. — № 6. — С. 20—22.

REFERENCES

1. Kudryavtseva K. R. Codification of administrative legislation: relevance and prospects // Administrative law and process. 2021,no. 4, pp. 79–82.

2. Nagornykh R. V. On the goals of systematization of administrative law and legislation in the context of the implementation of the doctrine of administrative constitutionalism in modern Russia // Legal World. 2021,no. 6, pp. 50–54.

3. Pobezhimova N. I., Igitova O. V. Codification of the legislation on administrative offenses: novelties of the Code of the Russian Federation on administrative offenses; ways to solve them, the responsibility of entrepreneurs // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2020, no. 4 (53), pp. 94–100.

4. Voronov A. M. Administrative reform: the dynamics of development in modern Russia // Actual problems of administrative and administrative procedural law: a collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference (Sorokin readings) / Under the general editorship A. I. Kaplunova. — St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020,pp. 13–22.

5. Stakhov A.I. Administrative torts as a basis for codification of administrative procedural legislation // Scientific Vestnik of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 1 (76), pp. 59–63.

6. Zyryanov S. M. Conceptual problems of the third codification of the legislation on administrative offenses // Siberian Legal Review. 2019, Vol. 16, no. 4, pp. 480–487.

7. Popugaev Yu. I. Basic conceptual provisions for the development of the general and special parts of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses // Administrative law and process. 2019, no. 6,pp. 19–24.

8. Dokukina I. A. Development of systematization and codification in modern administrative law // Russian law online. 2018,no. 2,pp. 5–13.

9. Andriyanov V. N. New codification of the legislation on administrative offenses: state and prospects // Siberian Legal Vestnik. 2018,no. 3 (82), pp. 15-24.

10. Dobrokhotov M. Yu., Deryuga A. N. Codification of Administrative Legislation: Problems and Prospects // Legal Paradigm. 2018, Vol. 17, no. 1. pp. 63— 67.

11. Nozdrachev A. F., Levonenkova T. A. Review of the scientific and practical seminar «Evolution of administrative responsibility in Russia» // Administrative law and process. 2021, no. 5,pp. 82–88.

12. Magomedov B. M. Administrative and tort legislation of the CIS member states: a look at the beginning of the process of its cardinal reform after 20 years // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2012, no. 3, pp. 20.

13. Kruglov V. A., Tataryan V. G. On the codification of legislation on administrative offenses in the Commonwealth of Independent States // Collection of scientific articles: «Legal culture in modern society». — Mogilev, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2020, pp. 118–125.

14. Magomedov B. M. Reforming the administrative and tort legislation of the states — participants of the Customs Union // Administrative law and process. 2012, no. 6. pp. 20–22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беженцев Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова д. 1.
ORCID: 0000-0002-9909-9869

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Bezhentsev Alexander Anatolievich, Candidate of Law, Associate Professor, colonel of police, chief chair of administrative activity agencies of the internal affairs. Saint-Petersburg university Ministry of the internal affairs of Russian Federation. 198206, St. Petersburg, ul. Pilot Pilutov, 1.
ORCID: 0000-0002-9909-9869

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 19.01.2022; approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № (2). С. 228 — 240.
Vestnik of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 2 (101). P. 228—240.

12.00.14 административное право, административный процесс

О СРОКАХ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Научная статья
УДК 342.95
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.87.44.020

Новичкова Елена Евгеньевна [1], Пестов Роман Аркадьевич [2]
[1]Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, elena.novichkova.64@mail.ru
[2] Ростовский юридический институт МВД России, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, 79185927828@ya.ru

Введение: статья посвящена отдельным теоретическим и практическим аспектам административно-деликтного процесса, в частности процессуальных сроков, их видов, проблем, связанных с практикой применения. На основе анализа опубликованных научных работ, проблем законодательного регулирования производства по делам об административных правонарушениях, а также прикладных знаний, в статье рассматриваются проблемы процессуальных сроков в административно-деликтном праве.

***Материалы и методы*:** научную основу составляет анализ позиций ученых-административистов, законодательства об административных правонарушениях (в частности КоАП РФ), судебных актов. Методологической основой работы является общий диалектический метод научного познания, анализ, сравнительно-правовые методы, обобщение.

Результаты исследования позволили определить ряд проблемных вопросов в производстве по делам об административных правонарушениях, выражающихся в применении норм, устанавливающих промежутки или моменты времени, с которыми связывается необходимость совершения процессуальных действий.

Выводы и заключения: рассматривая вопросы применения норм административно-процессуального права в части урегулирования процедуры привлечения к административной ответственности, можно сделать выводы о необходимости приведения в соответствие отдельных процессуальных сроков путем внесения изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях. Из рассуждений становится очевидной необходимость унификации форм производства по делу об административном правонарушении, исключив административное расследование, что позволит упорядочить массив процессуальных сроков, устранив двусмысленность восприятия норм КоАП РФ; изменение порядка применения отдельных мер обеспечения производства; законодательное закрепление отдельных дефиниций, определяющих временные границы процессуальных действий.

© Новичкова Е. Е., Пестов Р. А., 2022

Ключевые слова: производство по делу, административное правонарушение, процессуальные сроки, административно-деликтное право, административный процесс, срок давности.

Для цитирования: Новичкова Е.Е., Пестов Р.А. О сроках в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101) — С.228—240.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.87.44.020

12.00.14. Administrative law, financial law, information law

Original article

ON TERMS IN PROCEEDINGS ON THE CASE OF ADMINISTRATIVE INFRINGEMENT

Elena E. Novichkova[1], Roman A. Pestov[2]

[1]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, elena.novichkova.64@mail.ru

[2] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Rostov-on-Don, 79185927828@ya.ru

***Introduction*:** the article is devoted to certain theoretical and practical aspects of the administrative-tort process, in particular procedural terms, their types, problems related to the practice of application. Based on the analysis of published scientific works, the problems of legislative regulation of proceedings in cases of administrative offenses, as well as applied knowledge, the article deals with the problems of procedural terms in administrative tort law.

Materials and methods: the scientific basis is the analysis of the positions of administrative scientists, legislation on administrative offenses (in particular, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), judicial acts. The methodological basis of the work is the general dialectical method of scientific knowledge, analysis, comparative legal methods, generalization.

The result of the study made it possible to identify a number of problematic issues in the proceedings on cases of administrative offenses, expressed in the application of rules that establish intervals or points in time with which the need to perform procedural actions is associated.

Findings and Conclusions: considering the application of the norms of administrative procedural law in terms of regulating the procedure for bringing to administrative responsibility, we can draw conclusions about the need to bring individual procedural deadlines into line by amending the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. From the reasoning, it becomes obvious the need to unify the forms of proceedings in the case of an administrative offense, excluding the administrative investigation, which will streamline the array of procedural terms, eliminating the ambiguity in the perception of the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Feder-

ation; changing the procedure for applying individual measures to ensure production; legislative consolidation of individual definitions that determine the time limits of legal proceedings.

***Keywords*:** proceedings, administrative offense, procedural terms, administrative and tort law, administrative process, statute of limitations.

For citation: Novichkova E.E., Pestov R.A. O srokah v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarushenijah [On terms in proceedings on the case of administrative infringement]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 228—240 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.87.44.020

Производство по делу об административном правонарушении является закрепленной правовыми нормами процедура по возбуждению, расследованию, рассмотрению дела и принятию решения, а также исполнению постановления по делу уполномоченными на то должностными лицами, судьями, органами. Производство по делу регламентировано нормами Кодекса РФ об административных правонарушениях, где все процессуальные действия имеют свое место в процессе, порядок и сроки.

КоАП РФ предусматривает поэтапное, упорядоченное по времени (часы, дни, месяцы и годы) осуществление отдельных процессуальных действий, где соблюдение процессуальных сроков имеет значение в той мере, в которой влияет на своевременность реализации всех стадий производства, достижения общей цели — соблюдения законности.

Процессуальные сроки это установленные законом и в предусмотренных законом случаях промежутки времени, в пределах которых должны быть исполнены отдельные процессуальные действия.

В научных трудах авторами поднимаются вопросы, связанные с определением процессуальных сроков, их классификации, а также применением норм, регулирующих административный процесс в части установления сроков и порядка их исчисления. Чаще всего в работах можно наблюдать попытки дать четкое определение дефиниции, либо процессуальные сроки предлагается классифицировать с учетом начала течения, исчисления, продолжительности и возможности приостановления и иных особенностей. Так, Д.В. Стаховский подробно рассматривает теоретические аспекты процессуальных сроков и утверждает, что "сроки в административном праве — это установленные нормами административного права или уполномоченными субъектами в соответствии с ними временные промежутки, моменты начала, приостановления, возобновления и окончания течения которых являются юридическими фактами особого вида, порождающими, изменяющими или прекращающими определенные юридические состояния субъектов административного права«.[1, С.176]

Мещерякова Т.Р. подробно рассматривает виды сроков, встречающихся в административном процессе и, опираясь на ранее опубликованные научные материалы, предлагает полную классификацию административно-процессуальных сроков, из числа которых к срокам, установленным КоАП РФ автор относит:

— сроки применения мер обеспечения по делам об административных правонарушениях;

— сроки административных наказаний;

— сроки совершения процессуальных действий;

— сроки, определяющие момент совершения правонарушения. [2, С.103-104]

Необходимость законодательного ограничения отдельных процессуальных действий временными рамками бесспорна, однако в отдельных случаях соблюдение процессуальных сроков представляется невозможным по различным причинам, независящим от должностных лиц и сложившейся ситуации. Нормативное изложение порядка привлечения к административной ответственности в совокупности с практикой применения отдельных норм КоАП РФ дает основание полагать что значительное количество отправных точек процессуальных действий требует законодательной корректировки.

Рассматривая процессуальные сроки, изначально нужно отметить, что сама структура производства по делу об административном правонарушении представляет собой достаточно громоздкую, излишне насыщенную процессуальными действиями, сроками, иными элементами модель. Достаточно проблемным и нецелесообразным на наш взгляд является выделение различных форм производства по делу, а именно — общее и специальное (административное расследование). Выделение административного расследования в качестве самостоятельной формы производства со своими процессуальными сроками значительно загромождает процедуру привлечения к административной ответственности. Особенности административного расследования и связанные с ними проблемы правоприменения подробно были рассмотрены ранее. [3]

Обращаясь к административно-деликтному законодательству иных стран можно отметить достаточно простые подходы к достижению целей правового регулирования, в частности законодательство Туркменистана, выделяя специальную форму производства по делам об административных правонарушениях, не предусматривает каких-либо особенностей возбуждения дела, а в случаях необходимости дополнительного срока для проведения процессуальных действий законом предусмотрена возможность его продления. [4] Производство в целом достаточно ограничить сроками давности, предоставив уполномоченным должностным лицам принимать решение о продлении сроков при необходимости осуществлении отдельных процессуальных действий.

Неоднократно в научных работах авторы обращаются к сроку составления протокола об административном правонарушении, как одному из проблемных моментов правоприменения. КоАП РФ четко ограничивает время, предусмотренное для составления протокола об административном правонарушении, предписывая немедленное его составление на месте выявления самого деяния, а также предоставляет двое суток при необходимости дополнительного выяснения обстоятельств дела либо сведений о физических или юридических лицах. Исключением является производство, осуществляемое в форме административного расследования. При этом законодатель не уточняет, как поступать должностным лицам, в производстве которых находится дело в случаях, если за двое суток необходимая информация не была получена. Разъ-

яснения по данному вопросу дает Верховный Суд РФ, постановивший считать несущественным недостатком протокола нарушение сроков его составления, поскольку данный срок не является пресекательным и данный недостаток может быть восполнен при рассмотрении дела по существу. [5]

При этом не уточняется, при каких обстоятельствах возможно нарушение срока составления протокола об административном правонарушении, что делает норму, предусматривающую срок составления протокола бессмысленной.

Возможно предположить, что нарушение уполномоченным должностным лицом срока составления протокола не имея на то объективных оснований (затягивание производства) может быть рассмотрено как ненадлежащее исполнение возложенных обязанностей и лицо подлежит привлечению к дисциплинарной ответственности, тогда, как было сказано выше, необходимо закрепить основания, при которых нарушение данного срока возможно.

К определению момента составления протокола об административном правонарушении обращается О.М. Соловьева, акцентируя внимание на закреплении законом такого срока как «немедленное» составление протокола об административном правонарушении [6, С.106]. Автор справедливо утверждает, что требования статьи 28.5 КоАП РФ исключает возможность соблюдения прав лица, привлекаемого к ответственности, в частности права на защиту. «КоАП РФ, прописав аналогичную норму, не обеспечил ее реальное сопровождение», заявляет Соловьева, и с доводами автора невозможно не согласиться. Целесообразно исключить из Кодекса непосредственно формулировку, определяющую данный срок — «немедленно», предусмотрев наряду с закрепленным двухдневным сроком возможность составления протокола и иных материалов дела на месте совершения (выявления) правонарушения.

Возвращаясь к специальной форме производства — административному расследованию, заметим, что статей 28.7 КоАП РФ обозначены все особенности производства в форме расследования, и процессуальные отличия от осуществления производства в общей форме очевидны: предусмотрен особый порядок возбуждения дела, момент его обозначен составлением определения о возбуждении дела и проведении административного расследования; срок проведения расследования составляет один месяц, однако может быть продлен на срок не более одного месяца дополнительно; по окончанию расследования составляется протокол или выносится постановление о прекращении производства.

Здесь необходимо акцентировать внимание, что момент возбуждения дела очень важен при производстве, так как именно тогда возникают процессуальные лица, процессуальные действия, процессуальные сроки. КоАП РФ (ч.4 ст.28.1) определяет моментом возбуждения дела об административном правонарушении составление любого процессуального документа, в том числе вынесения определения о возбуждении дела и проведении административного расследования. Однако, не всегда при установлении признаков административного правонарушения возможно определить состав, должностными лицами на стадии возбуждения дела могут применяться такие меры обеспечения производства как личный досмотр, досмотр транспортного средства, осмотр помещений, принадлежащих хозяйствующими субъектам проведение которых фиксируется соответствующими протоколами. В таких случаях,

руководствуясь законом, дело будет возбуждено с момента составления именно протокола о применении меры обеспечения. Аналогичным вопросом задается С.И. Иванова, обращая внимание на особенности правоприменительной практики, а именно, совершение процессуальных действий до установления квалифицирующих признаков и лишь после — определения должностным лицом, в какой форме должно осуществляться производство. Автор в своих рассуждениях приходит к выводу, что законодатель недостаточно четко определил момент возбуждения дела в условиях расследования, что ставит по вопрос саму правовую природу определения о возбуждении дела и проведении расследования. [7, С.44]

В рамках административного расследования можно отметить еще одно несоответствие, связанное с моментом окончания первой стадии и составлением соответствующего документа. КоАП РФ закрепляет сроки проведения расследования (ч.5 ст.28.7), устанавливая для проведения всех действий в рамках первой стадии производства один месяц, с возможностью продления этого срока, но не более чем на один месяц (за исключением отдельных случаев), следовательно, в совокупности административное расследование не может превышать двух месяцев. По окончанию расследования (ч.6 ст.28.7 КоАП РФ) должен быть составлен либо протокол об административном правонарушении, либо вынесено постановление о прекращении производства по делу.

Возвращаясь к разъяснениям Верховного Суда РФ о непресекательности срока составления протокола, думается, что независимо от формы производства возможно применить аналогичную практику, то есть, если административное расследование невозможно завершить в предусмотренные законом сроки, учитывая мнение Верховного Суда РФ возможно продолжить разбирательство в рамках сроков давности, но тогда возникает вопрос о вынесении постановления, о котором нет соответствующих разъяснений. Руководствуясь КоАП РФ, дело подлежит прекращению при наступлении обстоятельств, перечисленных в ст.24.5 КоАП РФ, и данные обстоятельства также могут не быть установлены в предусмотренные сроки, следовательно, постановление по делу не может быть вынесено. В очередной раз возникает вопрос о целесообразности закрепленных законом сроков если нарушение их возможно, случаи при которых данные сроки могут быть нарушены не определены, а осуществление производства за пределами этих сроков никак не урегулировано и может прекратиться только по достижению срока давности.

Рассуждая о сроках в производстве по делам об административных правонарушениях невозможно обойти вниманием некоторые сроки, не установленные временными параметрами. Так, доставление физического лица, как мера обеспечения производства по делу КоАП РФ определил оценочным понятием «возможно короткий срок». С учетом юридических последствий, а именно, возможности административного задержания, которое начинает исчисляться с момента доставления, срок фактического ограничение свободы передвижения лица может значительно увеличиться. Конституция РФ допускает задержание лица до судебного решения на срок не более 48 часов (п.2 ст.22), этот же срок находит отражение в ст.27.5 КоАП РФ, которой предусмотрена возможность задержания лица в административном порядке на срок до 48 часов. Однако если к лицу применяется максимально возможный срок задержа-

ния, и он предварительно был доставлен в установленное законом место не самым удобным способом, значительно увеличив время доставления, то налицо нарушение прав и свобод человека. Тот факт, что доставление в соответствие с кодексом не является задержанием можно рассматривать как лукавство со стороны законодателя, поскольку начало доставления по сути своей есть ограничение свободы передвижения лица.

Достаточно парадоксально на наш взгляд определен кодексом срок задержания лица, находящегося в состоянии опьянения. Справедливо заметить, что до 2017 года задержание таковых лиц предусматривалось на срок до 48 часов, а моментом, с которого он исчислялся, считалось вытрезвление лица. Постановлением Конституционного Суда РФ, действующая на тот момент ч.4 ст.27.5 КоАП РФ признана не соответствующей Конституции РФ. [8] Во исполнение постановления Конституционного Суда РФ в кодекс были внесены изменения, которые закрепили срок фактического ограничения свободы лица, находящегося в состоянии опьянения не более 48 часов. Любопытным остается то, что исчисляться данный срок (определение которого законом не установлено, предположительно его можно назвать срок вытрезвления) начинается с момента доставления, что соответствует общему порядку применения меры обеспечения, но задержанным лицо считается с момента вытрезвления. Учитывая сказанное, непонятно в каком статусе находится лицо от доставления до вытрезвления и как определить данный срок в качестве элемента процессуальной юридической формы, в течение которого физическое лицо ограничено в передвижении, но задержанным не является.

Противоречивым фактом в административно-процессуальном праве видится применение п.7 ч.1 ст.24.5 КоАП РФ, где прописано одно из обстоятельств, исключающих производство по делу, а именно, «дело не может быть начато, а начатое подлежит прекращению в случае, когда по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействий) в отношение лица имеется постановление о наказании, постановление о прекращении производства, либо постановление о возбуждении уголовного дела». Следовательно, если лицом совершено правонарушение, и в отношение него вынесено одно из постановлений, привлечь такое лицо не представляется возможным. Данная норма предоставляет явную возможность уклонения отдельных категорий граждан от ответственности. Так, многолетняя практика применения кодекса обозначила случаи, когда привлечение лица к ответственности, официально наделяет его статусом «неприкасаемого». Данная ситуация возникает при привлечении иностранных граждан и лиц без гражданства, в отношение которых принято решение о добровольном контролируемом выдворении, когда после вынесения постановления, лица, в отношение которых ведется производство по делу скрываются от исполнения постановления, а обнаружив таковых, привлечь их повторно за совершенное деяние не представляется возможным; при привлечении граждан, проживающих по недействительному паспорту, в отношение которых принято правовое решение, однако обязанностей по замене документа лицо не предприняло, ситуация аналогична предыдущей, повторно за правонарушение привлечь невозможно.

Верховный Суд РФ опубликовал по данному поводу свое видение, в Обзоре законодательства и судебной практики (вопрос № 21) содержатся разъяснения по вопросу повторного привлечения к административной ответственности за совершение длящегося правонарушения, где говорится, что повторное привлечение к административной ответственности за одно и то же правонарушение возможно, «если лицо, привлечённое к административной ответственности, не исполняет возложенные на него законом или иным нормативным актом обязательства, или делает это ненадлежащим образом. При этом следует учитывать характер возложенных на него обязанностей и срок, необходимый для его исполнения». [9] При этом четкие указания по поводу исчисления данного срока «необходимого для исполнения» отсутствуют, учитывая характер разъяснений, данный срок является компетенцией должностного лица, установившего событие, а также должностного лица, органа, судьи, уполномоченных рассматривать дело, и, следовательно, решение будет носить субъективный характер [10, с. 260]. С учетом отсутствия нормативного закрепления данного разъяснения, позиция Верховного Суда РФ по данному поводу приобретает характер двусмысленности: «нельзя, но можно». С точки зрения правоприменительной практики такое трактование с одной стороны «развязывает руки» правоприменителям, что само по себе является положительным фактом, однако, хотелось бы видеть эту позицию законодательно закрепленной чтобы исключить противоречие между органами и х должностными лицами, уполномоченными осуществлять производство и органами, должностными лицами и судьями, которым подведомственно рассмотрение дел.

Нечто подобное можно наблюдать в Кодексе административного судопроизводства РФ, где законодателем четко закреплено понятие «разумного срока». [11] Статья 10 КАС РФ предусматривает осуществление судопроизводства, а также исполнение судебных актов в разумные сроки. При исчислении сроков (ст.92 КАС РФ) законодатель закрепил право назначать процессуальные сроки судами самостоятельно в случаях, если сроки законом не установлены. При этом КАС РФ предписывает опираться на принцип разумности при установлении таких сроков.

Справедливо заметить, что понятие «разумного срока» применяется с 1998 года и намного раньше появилось в иных отраслях процессуального права, например, ст.6.1 Уголовно-процессуального Кодекса РФ о разумных сроках уголовного судопроизводства.

Остановимся еще на одной группе сроков в производстве по делам об административных правонарушениях — сроках давности.

Мнение многих авторов сходятся в утверждении, что «давностный срок привлечения к административной ответственности является одним из самых проблемных как в теории административного права, так и на практике» [12, С.182]. Новиков А.В. сетует на многочисленные редакции (более 50 федеральных законов) статьи 4.5 КоАП РФ (давность привлечения к административной ответственности) и называет такое явление «законотворческой суетой» [13, С.112]. Срок давности, или срок, по истечению которого постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено имеет довольно широкий спектр временных значений. Основной срок давности — два месяца, такой временной промежуток был закреплен КоАП РФ в момент его вступления в законную силу. По истечении времени статья

была дополнена сроком в случае рассмотрения дела судом — три месяца. В действующем законодательстве, статьей 4.5 кодекса закреплены специальные сроки: 1, 2, 3 года и 6 лет для отдельные видов правонарушений. Разрозненность сроков, определяющих время для возможности осуществления процессуальных действий на практике приводит к многочисленным нарушениям, порой умышленного характера.

Одной из причин является неверная квалификация деяния, когда должностное лицо, в производстве которого находится дело, иллюзорно считает свои действия законными, при этом выходит за пределы давностного срока. В иных случаях, умысел должностного лица, нарушающего нормы законодательства направлено на оптимизацию своей служебной деятельности. Ярким примером является привлечение к административной ответственности лиц за нанесение побоев (6.1.1 КоАП РФ). Законодатель определил срок давности по данной статье — два года, нецелесообразность такого решения очевидна, поскольку если в ходе расследования лицо, совершившее правонарушение не установлено, и, учитывая сложившуюся практику, установлено не будет, то материалы в соответствие с требованиями закона будут находиться у уполномоченного должностного лица в течение длительного времени без юридически значимых последствий.

Сотрудники полиции, осуществляя производство по делам об административных правонарушениях по ст.6.1.1 КоАП РФ прекращают его в связи с «отсутствием состава», объясняя свои действия отсутствием субъекта правонарушения как одного из элементов состава. Очевидно нарушение норм законодательства, поскольку субъект правонарушения характеризуется возрастом и дееспособностью, но никак не невозможностью установить нарушителя. Причем, нужно отметить, что это общая практика, и сложилась она в связи с длительным сроком расследования в отношение именно этого правонарушения. Объясняется сложившаяся практика требованиями Инструкции, утвержденной приказом МВД России № 736 которой установлен порядок регистрации правонарушений, преступлений и работа с ними. [14] Регистрируя в Книге учета (КУСП) информацию, на сотрудника возлагается обязанность по рассмотрению информации в установленные законом сроки, после чего проставляется отметка о принятом решении. Руководство в большинстве случаев требует сократить сроки разбирательства до десяти суток, но даже в случаях, когда срок проставления отметки соответствует процессуальным срокам, она должна быть проставлена не позднее 2 месяцев с момента регистрации информации, что соответствует времени проведения административного расследования (ч.5 ст.28.7 КоАП РФ). Выполняя волю руководителей, сотрудники прекращаются производство по делу, при этом нарушают нормы закона и фундаментальные положения теории права.

Концепция нового Кодекса РФ об административных правонарушениях предлагает разделить административные правонарушения на категории относительно их вредности и общественно опасной вредности (п.2.3.2 Концепции). При этом возможно пересмотреть сроки давности и иные относительные положения, влияющие на качество производства по делам об административных правонарушениях. Такое мнение высказывает Сятишева О.В., приводя аргументированные выводы о необходимости унификации давностных сроков до двух лет. [15]

Таким образом, подводя итог можно сделать выводы:

1. Административное расследование как самостоятельная форма производства по делу об административном правонарушении нецелесообразна. Срок расследования должен соответствовать сроку давности привлечения к административной ответственности, с учетом разъяснений Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 о непресекательности срока составления протокола об административном правонарушении.

2. Срок составления протокола об административном правонарушении также не должен ограничиваться по времени. Достаточно внести в кодекс нормы, направленные на исключение затягивания производства по делу.

3. Срок давности привлечения к административной ответственности должен определяться относительно категории правонарушения, а не вида.

4. Логично привести в соответствие с иными нормативными актами срок административного задержания.

5. Закрепить правовыми нормами срок, «необходимый для исполнения гражданами своих обязательств», предусмотренных законами или иным и нормативными актами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стаховский Д.В. О понятии сроков в административном праве. Проблемы экономики и юридической практики. Бизнес в законе / Экономико-юридический журнал. —2012. —№ 2. — С. 176-180.

2. Мещерякова Т.Р. Классификация сроков в законодательстве об административной ответственности / Актуальные проблемы российского права. — 2010. —№ 3 —С. 101-113.

3. Новичкова Е.Е. Административное расследование: проблемы, вопросы, перспективы. Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4 (38). С. 40-45. https://elibrary.ru

4. Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях (с изм. и доп. по состоянию на 18.12.2021). URL: http://online.zakon.kz/

5. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 / Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, июнь 2005 г., № 6.

6. Соловьева О.М. О некоторых проблемах при составлении протокола об административном правонарушении и применении норм о возбуждении дела об административном правонарушении. Право и практика. 2012. № 2. С. 102-111 https://elibrary.ru

7. Иванова С.И., Новичкова Е.Е. К вопросу о разграничении общего производства по делу об административном правонарушении и административного расследования. Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 3 (57). С. 40-48. https://elibrary.ru

8. По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова: постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2016

№ 25-П // официальный Интернет-портал правовой информации 21.11.2016 № 0001201611210010.

9. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 4 квартал 2006 года, утверждённый постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 07.03.2007 // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1681917/.

10. Новичкова Е.Е., Пестов Р.А. Повторность в административно-процессуальном праве. Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2 (97). С. 255-263. https://elibrary.ru

11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 9 марта 2015 г.

12. Хмара А. М. К вопросу о сроках в законодательстве об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. Д. Сорокина (22 марта 2012 г.) : в 2 ч. СПб., 2012. Ч. 1. С. 182. https://elibrary.ru

13. Новиков А.В. Срок давности привлечения к административной ответственности и срок давности возбуждения дела об административном правонарушении. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 3. С.112-126. http://www.vestnik.vsu.ru/index_ru.asp

14. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (с изм. 2019 г. Приказ МВД России № 688) // Рос.газ. 2014 г. № 260. Официальный интернет-портал правовой информации Гарант.

15. Сятишева О.В. Срок давности привлечения к административной ответственности по Концепции нового Кодекса об административных правонарушениях / Научное обозрение: теория и практика. —2021. —№ 4.

REFERENCES

1. Stakhovskiy D.V. O ponyatii srokov v administrativnom prave. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal. 2012. № 2. pp. 176-180

2. Meshcheryakova T.R. Klassifikatsiya srokov v zakonodatel’stve ob administrativnoy otvetstvennosti. Aktual’nyye problemy rossiyskogo prava. 2010, no. 3 pp. 101-113

3. Novichkova Ye.Ye. Administrativnoye rassledovaniye: problemy, voprosy, perspektivy. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel’naya praktika. 2016. № 4 (38). S. 40-45. https://elibrary.ru

4. Kodeks Turkmenistana ob administrativnykh pravonarusheniyakh (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 18.12.2021). URL: http://online.zakon.kz/

5. O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh u sudov pri primenenii Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh: Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24 marta 2005 g. № 5 / Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, iyun' 2005 g., № 6

6. Solov'yeva O.M. O nekotorykh problemakh pri sostavlenii protokola ob administrativnom pravonarushenii i primenenii norm o vozbuzhdenii dela ob administrativnom pravonarushenii. Pravo i praktika. 2012. № 2. S. 102-111 https://elibrary.ru

7. Ivanova S.I., Novichkova Ye.Ye. K voprosu o razgranichenii obshchego proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii i administrativnogo rassledovaniya. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2021. № 3 (57). S. 40-48. https://elibrary.ru

8. Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 4 stat'i 27.5 Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh v svyazi s zhaloboy grazhdanina Ye.S. Sizikova: postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 17.11.2016 № 25-P // ofitsial'nyy Internet-portal pravovoy informatsii 21.11.2016 № 0001201611210010

9. Obzor zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii za 4 kvartal 2006 goda, utverzhdonnyy postanovleniyem Prezidiuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 07.03.2007 // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1681917/

10. Novichkova Ye.Ye., Pestov R.A. Povtornost' v administrativno-protsessual'nom prave. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii. 2021. № 2 (97). S. 255-263. https://elibrary.ru

11. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 08.03.2015 № 21-FZ // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii (www.pravo.gov.ru) 9 marta 2015 g.

12. Khmara A. M. K voprosu o srokakh v zakonodatel'stve ob administrativnykh pravonarusheniyakh // Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava: materialy yezhegodnoy Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf., posvyashchennoy pamyati d-ra yurid. nauk, prof., zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii V. D. Sorokina (22 marta 2012 g.) : v 2 ch. SPb., 2012. CH. 1. S. 182. https://elibrary.ru

13. Novikov A.V. Srok davnosti privlecheniya k administrativnoy otvetstvennosti i srok davnosti vozbuzhdeniya dela ob administrativnom pravonarushenii. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2015. № 3. S.112-126. http://www.vestnik.vsu.ru/index_ru.asp

14. Ob utverzhdenii Instruktsii o poryadke priyema, registratsii i razresheniya v territorial'nykh organakh Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii zayavleniy i soobshcheniy o prestupleniyakh, ob administrativnykh pravonarusheniyakh, o proisshestviyakh: prikaz MVD Rossii ot 29.08.2014 № 736 (s izm. 2019 g. Prikaz MVD Rossii № 688) // Ros.gaz. 2014 g. № 260. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii Garant.

15. Syatisheva O.V. Srok davnosti privlecheniya k administrativnoy otvetstvennosti po Kontseptsii novogo Kodeksa ob administrativnykh pravonarusheniyakh. Nauchnoye obozreniye. 2021. № 4. https://cyberleninka.ru/

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новичкова Елена Евгеньевна, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Восточно-Сибирский института МВД России. 664071, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
Пестов Роман Аркадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России.
344015, Ростовская область, Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, д. 83

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Novichkova Elena Evgenievna, associate professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 664071, Russia, Irkutsk, ul. Lermontova, 110.
Pestov Roman Arkadyevich, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Rostov region, Rostov-on-Don, st. Marshal Eremenko, 83.

Статья поступила в редакцию 17.09.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021; принята к публикации 10.06.2022.
The article was submitted 17.09.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 241— 250.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no.2 (101). P. 241—250.

12.00.14. Административное право; административный процесс

Научная статья
УДК 342.9
DOI 10.55001/2312-3184.2022.37.78.021

ДЕФИНИТИВНЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРОЦЕДУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО РЕГИСТРАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Труфанов Михаил Егорович [1], Добров Алексей Николаевич [2]
[1] Краснодарский университет МВД России, Краснодар, mihail.trufanov@mail.ru
[2]Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, dobson@bk.ru

Введение: статья посвящена проблемам государственного управления в сфере осуществления регистрационного производства.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют нормы действующего российского законодательства, регламентирующие общественные отношения, складывающиеся в сфере государственной регистрации.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили сформулировать основные признаки государственной регистрации, представлена авторская позиция об определении государственной регистрации и научный взгляд на процессуальную форму ее реализации в современной России.

Выводы и заключения: рассмотрен содержательный смысл дефинитивного, организационного и процедурной сущностей регистрационного производства. Проведен обзор ключевых характеристик государственной регистрации как метода государственного администрирования весьма отчетливо демонстрирует его эффективные регуляторные качества.

Последовательное изучение содержательных компонентов опосредовало пристальное внимание к имеющимся научно-теоретическим позициям, по цели и последовательности современного регистрационного производства, что предоставило возможность: увидеть тенденцию к применению метода герменевтики; подтвердить обоснованность зависимости регистрационных процедур от интенсивности общественных связей; констатировать интегративное единство между социально значимыми информационными ресурсами и качественным регистрационным производством.

Обоснована необходимость в формулировании единого и отчетливого понятийного аппарата и информационной модернизации регистрационного производства, что позволит обеспечить директивную базу для совершенной государственной регистрационной политики.

© Труфанов М.Е., Добров А.Н., 2022

Ключевые слова: государственная регистрация, регистрационное производство, классификация, понятие, виды, принципы.

Для цитирования: Труфанов М. Е., Добров А. Н. Дефинитивные, организационные и процедурные компоненты современного регистрационного производства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С. 241—250.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.37.78.021

12.00.14. Administrative law; administrative process

Original article

DEFINITIONAL, ORGANIZATIONAL AND PROCEDURAL COMPONENTS OF MODERN REGISTRATION PROCEEDINGS

Mikhail E. Trufanov [1], Aleksey N. Dobrov [2]

[1]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ruissian Federation, Krasnodar, mihail.trufanov@mail.ru

[2]East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ruissian Federation, Irkutsk, dobson@bk.ru

Introduction: the article is devoted to the problems of public administration in the field of registration proceedings.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the norms of the current Russian legislation regulating social relations that develop in the field of state registration.

The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, the methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, synthesis and description.

The results of the study made it possible to formulate the main features of state registration, the author's position on the definition of state registration and a scientific view of the procedural form of its implementation in modern Russia are presented.

Findings and Conclusions: The substantive meaning of the definitive, organizational and procedural essence of registration proceedings is considered. A review of the key characteristics of state registration as a method of public administration very clearly demonstrates its effective regulatory qualities. Consistent study of content components mediated close attention to the existing scientific and theoretical positions, on the purpose and sequence of modern registration proceedings, which made it possible: to see the trend towards the application of the hermeneutics method; confirm the validity of the dependence of registration procedures on the intensity of public relations; state the integrative unity between socially significant information resources and high-quality registration proceedings. The necessity of formulating a unified and distinct conceptual apparatus, and informational modernization of registration proceedings, which will provide a directive basis for a perfect state registration policy, is substantiated.

Keywords: state registration, registration proceedings, classification, concept, types, principles.

For citation: Trufanov M.E., Dobrov A. N. Definitivnye, organizacionnye i procedurnye komponenty sovremennogo registracionnogo proizvodstva [Definitional, organizational and procedural components of modern registration proceedings]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 241—250 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.37.78.021

Сокращение прямого управленческого воздействия в функциях государства предполагает сохранение и совершенствование объема правового регулирования. Это обеспечивается не только обновлением российского законодательства, но и формирования многих принципиально важных правовых институтов, к числу которых относится институт государственной регистрации. Как совокупность правовых норм, он направлен на регулирование отношений, возникающих в связи с созданием и организацией деятельности регистрирующих органов, а также отношений, возникающих между органами исполнительной власти (регистрирующими органами) и субъектами, желающим зарегистрировать свои права или определенный правовой статус.

Масштаб использования регистрации в сфере государственного управления и характер свойственных для нее юридических последствий позволяют рассматривать государственную регистрацию как регулятивную (оперативно-распорядительную) форму отраслевой правоприменительной деятельности.

Что вкладывается в понятие «регистрация»?

Продолжительное время в законодательстве не было определения данного понятия с указанием всех существенных признаков регистрации.

В переводе с латинского «регистрация» (позднелат. registratio, от registrum) означает «список, перечень». Это юридический факт, с наступлением которого административно-правовая норма связывает возникновение, изменение и прекращение административных правоотношений.

Ю. М. Козлов и Л. Л. Попов относят регистрацию, наряду с лицензированием и порядком принятия правовых актов управления, к административно-процедурному производству. Регистрация — акт официального признания законности соответствующих действий и служит целям обеспечения законности совершаемых в сфере государственного управления определенных действий, представляющих значительный публично-правовой интерес, и одновременно целям гарантирования прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также различного рода негосударственных образований [1].

Профессору Д. Н. Бахраху принадлежит следующее мнение: «Регистрация состоит в проверке законности фактов, их официальном признании и последующем учете» [2]. Ее осуществление возложено на уполномоченные федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления.

И. М. Лазарев отмечает: «Регистрационные административные процедуры включают в себя деятельность органов исполнительной власти, урегулированную админи-

стративно-процессуальными нормами, в ходе которых решаются вопросы об официальном признании законности существования определенных материальных объектов и юридических фактов [3].

Полагаем, что государственная регистрация — это, прежде всего, властная, компетентная деятельность специально уполномоченных субъектов, направленная на регулирование в установленном процессуальном порядке поведение участников административно-правовых отношений путем вынесения правоприменительного акта, как правило, определяющего индивидуально-правовые последствия» [4].

Общность сущностных критериев правоприменительной и регистрационной деятельности позволяет выделить следующие ее признаки:

1) имеет властный характер и осуществляется специальными субъектами;

2) направлено на формирование, изменение или прекращение административно-правовых отношений;

3) осуществляется в установленном административно-процессуальном порядке;

4) завершается вынесением правоприменительного акта (акта государственной регистрации), определяющего индивидуально-правовые последствия.

Административно-правовому характеру института государственной регистрации не противоречит и то обстоятельство, что акт государственной регистрации, являясь итогом административных отношений, одновременно выступает в качестве юридического факта, порождающего, изменяющего или прекращающего правоотношения иных отраслей права.

Процессуальной формой осуществления государственной регистрации является регистрационное производство, основной стратегической целью которого является формирование информационно-аналитического ресурса, необходимого для достижения оперативных целей по обеспечению предусмотренного материальными нормами для конкретного вида государственной регистрации, юридического результата. Например, при государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество — это официальное закрепление и признание перед третьими лицами права собственности конкретного субъекта на определенное недвижимое имущество (внесение записи в Реестр прав на недвижимость, являющийся составной частью Единого государственного реестра недвижимости).

Необходима обоснованная субординация целей, при которой они дополняли бы друг друга и реализация одной цели становилась источником для другой [5]. Постановка перед специально уполномоченным субъектом четких, конкретных, реально достижимых целей делает регистрационное производство эффективным. Установление цели обеспечивает стабильный нормативный ориентир для властного субъекта административно-правовых отношений и его устойчивую деятельность в рамках его компетенции.

Цели регистрационного производства достигаются в ходе решения следующих задач:

— соблюдение единства и унификации учета субъектов и объектов государственной регистрации;

— получение статистических сведений необходимых при выборе наиболее эффективных мер государственного регулирования в конкретных сферах общественного развития;

— обеспечение и защита имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц;

— авторизация лиц в качестве обладателей конкретного правового статуса;

— признание законности действий, влекущих юридические последствия;

— официальное подтверждение фактов существования определенных объектов и их принадлежность;

— установление оснований для возникновения, изменения или прекращения права на недвижимое имущество;

— обеспечение условий для действительного государственного контроля за законностью деятельности зарегистрированных субъектов.

Проведенный авторами настоящей статьи системный анализ научных публикаций и действующих нормативно-правовых актов, составляющих институт регистрации, позволяет сформулировать общественно значимые и иные позитивные цели регистрации как метода правового регулирования:

1) защита права (собственности, авторских прав, свободы передвижения и т. п.);

2) легитимация (легализация) субъекта права (регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей);

3) обеспечение безопасности в обществе (регистрация оружия, ядовитых веществ, транспортных средств и т. п.);

4) охрана государственных интересов (регистрация актов гражданского состояния);

5) обеспечение контроля (производство этилового спирта, ввоз новых медикаментов и др.).

Немаловажным является вопрос последовательной принципиальности регистрационного производства. В рассматриваемом аспекте важно также отчетливо представлять себе вопрос о выражении принципов государственного управления в правовой форме. В научной литературе постоянно отмечается целесообразность закрепления их в нормах конституционного, административного и других отраслей права.

Нормативное (в законодательстве) закрепление принципов государственного управления вносит большую конкретность и устойчивость в управленческие отношения, позволяет вернее судить о том, кто и что конкретно должен делать для реализации данных принципов, гарантирует их строгое соблюдение. Анализ соответствующих положений отечественного законодательства [6] и практической реализации полномочий субъектов государственной регистрации позволяет выделять две группы таких принципов:

1) общие, характерные для административной процессуальной деятельности;

2) специальные, свойственные только конкретному административному процессуальному производству.

Как общие, следует рассматривать принцип законности, приоритета личности и гласности в государственном управлении, а также принцип ограничение государственного вмешательства в деятельность социальных институтов.

В качестве специальных принципов в первую очередь необходимо отметить:

1) достижение оптимального объема нормативной регламентации регистрационного производства;

2) публичность государственного реестра;

3) беспристрастность, обоснованность и справедливость решения по регистрационному делу;

4) презумпцию достоверности заявляемых и регистрируемых сведений.

К числу новых принципиальных положений осуществления регистрационного производства можно отнести:

— принцип работы с заявлениями о государственной регистрации и предоставления сведений юридическим и физическим лицам в режиме «одного окна»;

— ведение государственных реестров в соответствии с IT-инфраструктурой, основанной на единых организационных и программно-технических принципах, обеспечивающих интеграцию в систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), Единым порталом государственных услуг (ЕПГУ), Единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА), Единой системой нормативно-системной информации (ЕСНСИ) и др.

Регистрационным производством охвачен значительный комплекс общественных отношений, характерные свойства которых позволяют выделить сущностные признаки этого вида процессуальной деятельности:

1. Основанием для возникновения регистрационного производства является инициатива юридического или физического лица. Принципиальным для первого признака является то, что внесение данных о лице в государственный реестр только по инициативе органа исполнительной власти или его должностного лица является процедурным производством. Например, внесение в реестр данных о лице, в отношении которого применена такая мера административного наказания, как дисквалификация [7].

2. Реализуется должностными лицами, наделенными государственными полномочиями в пределах своей компетенции. Основными субъектами данного вида деятельности выступают: структурные подразделения Министерства экономического развития Российской Федерации (Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральная служба по аккредитации, Федеральная служба по интеллектуальной собственности), Министерство юстиции Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральная налоговая служба Российской Федерации и др. Некоторые виды регистрационного производства, в соответствии с законодательством, реализуются путем предоставления государственных либо муниципальных услуг и могут осуществляться в режиме «одного окна» многофункциональными центрами. Например, в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.01.2018 № 43-р [8], к ним относится: регистрация автомототранспортных средств и прицепов к ним; регистрация граждан Российской Федерации по месту пребывания и жительства, государственный кадастровый учёт недвижимого имущества, государственная регистрация права на недвижимое имущество, государственная регистрация юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и др.

3. Осуществляется на основании комплекса административно-процессуальных норм, определяющих последовательность, срочность, вид и характер типизированных моделей действий и решений субъектов государственно регистрации.

4. Предполагает процессуальные действия по проверке исполнения физическими и юридическими лицами административно-правовых условий и требований, что, в соответствии с содержанием п/п «б» п. 2 Указа Президента Российской Федерации от

09.03.2014 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»[1] является одной из процессуальных форм реализации контроля и надзора.

5. Завершается вынесением акта государственной регистрации, который обеспечивает возникновение информационных отношений, связанных с использованием документированных сведений, необходимых для формирования определенных правовых последствий. Возможно решение о выдаче субъектом государственной регистрации документа, подтверждающего регистрацию объекта либо решение об отказе в государственной регистрации.

6. Решение о государственной регистрации вносится в соответствующий государственный реестр (регистр, кадастр и т. п.).

Использование метода понятийных рядов, применяемого на философском и общетеоретическом уровнях, позволяет под регистрационным производством понимать систему административно-процессуальных действий, обеспечивающих принятие органами исполнительной власти (субъектами государственной регистрации) акта государственной регистрации, внесении данных в реестр и выдачу свидетельства о государственной регистрации или другого документа либо соответствующей документальной записи (надписи).

В целях понимания сути регистрационного производства интерес представляет классификация, данная И. М. Лазаревым, который выделяет следующие виды объектов государственной регистрации:

1) события;

2) юридические состояния;

3) действия;

4) материальные объекты [10].

К первым относятся такие события, как рождение и смерть.

Ко вторым можно отнести такие состояния, как: заключение и расторжение брака; усыновление (удочерение); установление отцовства; изменение фамилии, имени, отчества; возникновение, изменение и прекращение правового статуса граждан и их организаций; возникновение, изменение и прекращение имущественных и личных неимущественных прав; результаты научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности; проекты и программы технической помощи.

К третьим относятся регистрационные процедуры таких действий, как: сделки, лицензии, ценные бумаги, нотариальные действия.

Четвертая группа — материальные объекты: транспортные средства; оружие и боеприпасы; опасные производственные объекты; лекарства и изделия медицинской техники; образцы изделий народных художественных промыслов; контрольно-кассовые аппараты; земельные участки; кино- и видеопродукция; дактилоскопическая информация; вещества, потенциально опасные для человека и окружающей среды; продукты питания; технологическое оборудование для производства этилового спирта и алкогольной продукции; продукты генной инженерии; сорта растений; племенные животные.

---

[1] Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (ред. от 20.11.2020) // Российская газета, № 50, 12.03.2004.

Классификация основных видов регистрационного производства также может быть опосредована характерными особенностями, вытекающими из действующего законодательства. В зависимости от специфики объекта государственной регистрации и оперативной цели ее реализации можно выделить:

1) государственную регистрацию субъектов:

— регистрацию некоммерческих организаций;

— регистрацию граждан Российской Федерации по месту пребывания и жительства;

— регистрацию иностранных граждан;

— регистрацию общественных объединений;

— регистрацию юридических лиц;

— регистрацию индивидуальных предпринимателей;

2) государственную регистрацию объектов и прав на них:

— регистрацию объектов недвижимости и сделок с ними;

— регистрацию транспортных средств;

— регистрацию лесных участков;

— регистрацию отдельных видов пищевых продуктов, материалов и изделий;

3) государственную регистрацию нормативных актов, событий и документов:

— регистрацию договоров долевого участия в строительстве;

— регистрацию актов гражданского состояния;

— регистрацию выпуска или выдачи ценных бумаг;

— регистрацию подзаконных нормативно-правовых актов.

Внушительная теоретико-правовая концентрация, формирующая своеобразный дискурсивный подход, позволяет рассмотреть содержательный смысл дефинитивного, организационного и процедурной сущностей регистрационного производства. Обзор ключевых характеристик государственной регистрации, как метода государственного администрирования, весьма отчетливо демонстрирует его эффективные регуляторные качества. Маневренность и многопрофильность анализируемого комплекса административно-правового воздействия определяет его результативность в достижении целей социального развития.

Последовательное изучение содержательных компонентов опосредовало пристальное внимание к имеющимся научно-теоретическим позициям по цели и последовательности современного регистрационного производства, что предоставило возможность: увидеть тенденцию к применению метода герменевтики; подтвердить обоснованность зависимости регистрационных процедур от интенсивности общественных связей; констатировать интегративное единство между социально значимыми информационными ресурсами и качественным регистрационным производством.

Становится очевидным повышение инициативности в сфере государственного учета и контроля. Средствами административно-правового регулирования опосредована система общественных отношения в сферах применения результатов, как позитивной, так и административно-деликтной государственной регистрации. Однако следует констатировать, что концептуальное начало в материальных и процессуальных аспектах государственной регистрации на сегодняшний день всего лишь приближается к обоснованной аргументации предметных законодательных и подзаконных нормативно-пра-

вовых актов. Доктринально обоснованы позиции лишь только по отдельным проблемам, в то время как сохраняется необходимость в формулировании единого и отчетливого понятийного аппарата, и информационной модернизации регистрационного производства.

Принципиальное представление о повышении качества регистрационного законодательства позволит обеспечить директивную базу для совершенной государственной регистрационной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козлов Ю.М., Попова Л.Л. Административное право: учебник. 2002, С. 398.

2. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник для вузов. — М., 2000. — С. 377.

3. Лазарев И. М. Административные процедуры в сфере взаимоотношений граждан и их организаций с органами исполнительной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — С. 17.

4. Труфанов М. Е. Применение норм административного права. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007. — С. 133.

5. Теория государственного управления: курс лек. / Г. В. Атаманчук. — 4-е изд., стер. — М.: Изд-во «Омега-Л», 2009. — С. 169.

6. Студиникина М. С. Регистрационные процедуры: содержание, принципы, нормативное регулирование / М. С. Студиникина, Т. О. Шилюк // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 5. — С. 147.

7. Об утверждении порядка предоставления сведений, содержащихся в реестре дисквалифицированных лиц, форм выписки из реестра дисквалифицированных лиц и справки об отсутствии запрашиваемой информации: Приказ Федеральной налоговой службы от 31 декабря 2014 г. № НД-7-14/700@: // Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) 12 мая 2015 г.

8. Об утверждении перечня государственных услуг, для получения которых подача запросов, документов и информации, а также получение результатов предоставления таких услуг осуществляются в любом предоставляющем такие услуги подразделении федерального органа исполнительной власти, органа государственного внебюджетного фонда РФ или в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг при наличии соглашения, указанного в статье 15 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», по выбору заявителя независимо от его места жительства или места... (с изменениями и дополнениями): распоряжение Правительства Рос. Федерации от 19 янв. 2018 г. № 43-р // Рос. газ. — № 23. — 2018. — 2 февр.

9. Лазарев И. М. Административные процедуры в сфере взаимоотношений граждан и их организаций с органами исполнительной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — С. 19.

REFERENCES

1. Administrative law: textbook / edited by Yu.M. Kozlov and L.L. Popov. p. 398.

2. Bakhrakh D.N. Administrative law of Russia: textbook for universities. M., 2000. p. 377.

3. Lazarev I.M. Administrative procedures in the sphere of relations between citizens and their organizations with executive authorities in the Russian Federation: abstract. dis. ... cand. jurid. M., 2002. p. 17.

4. Trufanov M.E. Application of the norms of administrative law. dis. ... Dr. jurid. Sciences. — M. 2007. p. 133.

5. Theory of public administration: a course of lectures / G. V. Atamanchuk. — 4th ed., ster. — M.: Omega-L Publishing House, 2009. p. 169.

6. Studinikina M.S., Shilyuk T.O. Registration procedures: content, principles, regulatory regulation// Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2016. No. 5. p. 147.

7. Order of the Federal Tax Service dated December 31, 2014 No. ND-7-14/700@: On Approval of the procedure for providing information contained in the Register of Disqualified Persons, forms of extract from the register of disqualified persons and a certificate of absence of the requested information // Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) May 12, 2015

8. On approval of the list of public services for which the submission of requests, documents and information, as well as the receipt of the results of the provision of such services are carried out in any subdivision of the federal executive authority providing such services, the body of the state extra-budgetary fund of the Russian Federation or in a multifunctional center for the provision of state and municipal services in the presence of an agreement specified in Article 15 of the Federal Law «About the organization of the provision of state and municipal services», at the choice of the applicant, regardless of his place of residence or place of ... (with amendments and additions): Decree of the Government of the Russian Federation of January 19, 2018 No. 43-r// Rossiyskaya Gazeta No. 23, 02.02.2018.

9. Lazarev I.M. Administrative procedures in the sphere of relations between citizens and their organizations with executive authorities in the Russian Federation: abstract. dis. ... cand. jurid. Sciences. M., 2002. p. 19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Труфанов Михаил Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности ОВД. Краснодарский университет МВД России. 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, Ярославская, д.128.

Добров Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России, 640074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова,110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Trufanov Mikhail Egorovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Activities of the Department of Administrative Activity of the internal affairs bodies Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, Yaroslavskaya, 128.

Dobrov Aleksey Nikolaevich, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the internal affairs bodies East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov str., Irkutsk, Russia, 6640074.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 251— 259.
Vestnik of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 2 (101). P. 251—259.

**12.00.14. Административное право;
административный процесс**

Научная статья
УДК: 342.951
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.58.73.022

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Ракитский Владислав Владимирович
Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, aaa@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются понятие и особенности административной ответственности в сфере дорожного движения, понятие дорожного движения как процесса перемещения людей и транспортных средств в территориальном пространстве, сущность безопасности дорожного движения, управление электронным транспортным средством, которое протекает в условиях постоянного риска возникновения угрозы для жизни и здоровья пешеходов, регулирование данного вопроса в зарубежном законодательстве, а также правоприменительная практика в данной сфере в Российской Федерации.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года № 1090 «О Правилах дорожного движения», регламентирующие вопросы реализации дорожного движения, привлечения к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, а также нормы зарубежного законодательства, посвященные вопросу привлечения к административной ответственности водителей электронных транспортных средств. Методологическую основу работы составляют различные методы, как общенаучные, так и специальные методы научного познания. В частности, диалектический, метод системного анализа, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический методы.

Результаты исследования: позволили рассмотреть понятие и значение административной ответственности в сфере дорожного движения, охарактеризовать зарубежный опыт развития института административной ответственности в сфере дорожного движения, установить перспективы законодательного регулирования административной ответственности в сфере дорожного движения в России.

© Ракитский В. В., 2022

Выводы и заключения: в результате выявления пробела действующего российского законодательства в части регулирования административной ответственности водителей электронных транспортных средств и его негативных последствий для безопасности дорожного движения стала очевидной необходимость закрепления понятия «электронное транспортное средство», требований к его водителям и административно-правовых санкций за их несоблюдение.

Ключевые слова: административная ответственность, безопасность дорожного движения, водитель, дорожное движение, электронное транспортное средство, пешеход.

Для цитирования: Ракитский В. В. Перспективы развития института административной ответственности в сфере дорожного движения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. —2022. —№ 2 (101) — С.251—259.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.58.73.022

12.00.14. Administrative law; administrative process

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF TRAFFIC

Vladislav V. Rakitskii
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, aaa@mail.ru

Introduction: the article discusses the concept and features of administrative responsibility in the field of road traffic, the concept of road traffic as a process of movement of people and vehicles in the territorial space, the essence of road safety, the management of an electronic vehicle that occurs in conditions of constant risk of a threat to the life and health of pedestrians, the regulation of this issue in foreign legislation, as well as law enforcement practice in this area in the Russian Federation.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, the Decree of the Government of the Russian Federation of 23.10.1993 № 1090 "On Traffic Rules" regulating the implementation of traffic, bringing to administrative responsibility for violation of traffic rules, as well as the norms of foreign legislation on the issue of bringing to administrative responsibility drivers of electronic vehicles funds. The methodological basis of the work consists of various methods, both general scientific and special methods of scientific cognition. In particular, dialectical, method of system analysis, comparative legal, formal legal, statistical methods.

The results of the study allowed to consider the concept and significance of administrative responsibility in the field of traffic, to characterize the foreign experience of the development of the institute of administrative responsibility in the field of traffic, to establish prospects for legislative regulation of administrative responsibility in the field of traffic in Russia.

Findings and Conclusions: as a result of the identification of a gap in the current Russian legislation in terms of regulating the administrative responsibility of drivers of electronic

vehicles and its negative consequences for road safety, the need to consolidate the concept of “electronic vehicle”, requirements for its drivers and administrative and legal sanctions for non-compliance with them became obvious.

Keywords: administrative responsibility, road safety, driver, traffic, electronic vehicle, pedestrian.

For citation: Rakitskii V. V. Perspektivy razvitija instituta administrativnoj otvetstvennosti v sfere dorozhnogo dvizhenija [Prospects for the development of the institute of administrative responsibility in the field of traffic]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 251—259 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.58.73.022

Согласно нормам Конституции Российской Федерации[1], наша страна провозглашена демократическим и правовым государством. Человек, его права и свободы названы высшей ценностью, а их защита признана ключевой обязанностью государства и его институтов. Среди основных признаков правового государства традиционно выделяются: разделение власти, демократическая форма правления, верховенство закона, связанность закона и государства, его органов, должностных лиц и граждан, а также взаимная ответственность [1, с. 35].

В настоящее время в России значительно возросла роль административной ответственности, которая выполняет важные задачи по обеспечению законности и правопорядка в сфере регулирования административно-правовых отношений. Особую актуальность приобретает институт административной ответственности за правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, поскольку современное состояние дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) на территории Российской Федерации оставляет желать лучшего. Так, в 2020 году в России почти на 15 % выросло число ДТП, произошедших по вине пьяных таксистов. Больше стало и жертв таких аварий — почти в 2,5 раза. При этом в статистике прослеживается влияние пандемии коронавируса: во время ограничений происшествий было меньше, а вот количество погибших, наоборот, возрастало.

За 2020 год было зафиксировано на 14,8 % больше ДТП с участием водителей легкового такси, управлявших машинами в алкогольном опьянении. Таких было 124 случая. Число погибших в этих авариях выросло на 137,5 % — до 19 человек. Доля погибших в таких ДТП втрое превышает удельный вес количества ДТП с их участием. При этом пьяные таксисты были виновны в подавляющем большинстве аварий со своим участием — в 89,5 % случаев.

Всего за 2020 год в России произошло 3 тыс. 574 ДТП с участием такси, их общее число на 1,2 % меньше, чем было зафиксировано в 2019 году. При этом почти в 63 % таких аварий были виновны именно таксисты. Однако если говорить о регионах, то в каждом четвертом из них ДТП с такси стало больше. Наибольший рост зафиксировали в Пензенской области — на 400 %. В Самарской области их произошло на 300 % больше, в Подмосковье — на 161,1 %.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.07.2020).

Значительно повлияли на аварийность ограничительные меры, связанные с профилактикой распространения коронавируса. Так, в период строгих ограничений в апреле-мае 2020 года наблюдалось снижение числа ДТП с такси, но при этом существенно выросло число погибших. Такая же ситуация была с сентября по декабрь 2020 года, когда пошла вторая волна пандемии[1].

Полагаем, что административная ответственность в сфере дорожного движения выступает одним из видов административной ответственности. Спецификой административной ответственности в сфере дорожного движения является то, что данный институт направлен на обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации.

Ни в Правилах дорожного движения [2], ни в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)[3] не раскрывается понятие «дорожное движение».

В правовой доктрине можно встретить разные точки зрения относительно определения понятия «дорожное движение». Так, А. Ю. Якимов определяет дорожное движение как деятельность по удовлетворению общественной и личной потребности в пространственном перемещении людей, средств и вещественных продуктов их труда, основанную на использовании возможностей технического комплекса «транспортные средства — дороги», которая состоит в управлении движением транспортных средств или без управления ими и естественном пешем передвижении по дорогам, которая протекает в условиях постоянного риска возникновения состояния неуправляемого движения механических транспортных средств и последующих негативных последствий в гибели, ранения людей, повреждения материальных объектов [2, с. 12].

Ю. Н. Калюжный рассматривает дорожное движение как совокупность общественных отношений, которые возникают в связи с необходимостью осуществления транспортировки пассажиров и грузов и подготовки к этому процессу [3, с. 4].

Таким образом, в доктринальных определениях дорожного движения, сформулированных А. Ю. Якимовым и Ю. Н. Калюжным, была сделана попытка выделить обстоятельства влияния на действия людей — участников дорожного движения.

П. В. Молчанов определяет дорожное движение как социальное явление, как действие определенного социального сообщества, реально существующего, эмпирически зафиксированной совокупности индивидов, которая отличается относительной целостностью и выступает самостоятельным субъектом социального действия, поведения. Вследствие правового регулирования дорожного движения нормами, прежде всего, административного права, оно приобретает определенный порядок [4, с. 63].

Как утверждает К. А. Сорокина, дорожное движение — это: во-первых, система элементов живой и неживой природы, функционирующая в условиях, которые зависят от уровня современной техники, состояния окружающей среды и возможностей челове-

---

[1] В России стало больше ДТП из-за пьяных таксистов. На аварийную статистику повлияла пандемия. URL: https://www.fontanka.ru/2021/04/15/69867869/ (дата обращения: 01.06.2022).

[2] «О Правилах дорожного движения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022): Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 31.12.2020) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. —1993. —№ 47. — Ст. 4531.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.05.2022) // СЗ РФ. —2002. —№ 1 (ч. 1).— Ст. 1.

ка; во-вторых, процесс, регулирующий динамические связи в триаде: человек, транспортное средство, дорога; в-третьих, социальная система, являющаяся первоначально опасной, заранее аварийным явлением, связанным с автомобилем как источником повышенной опасности; в-четвертых, реально существующий объект социального управления, поскольку он возникает только там, где есть общественная деятельность людей. С появлением дорожного движения осуществляются такие функции управленческого процесса, как планирование, координация, согласование, надзор, принуждение, контроль, реализуемые в пределах общественных отношений между участниками дорожного движения; в-пятых, объект управления, существующий в двух аспектах: элементно-структурном как совокупности людей, транспортных средств, сети дорог, окружающей среды; и функциональном — как непосредственная деятельность с перемещением и созданием условий как этого перемещения, так и поведения участников дорожного движения и нормативной базы, которая все это регламентирует [5, с. 54].

В юридической литературе выделяют следующие черты дорожного движения:

1) дорожное движение — это объективно обусловленный общественным развитием процесс упорядоченного пространственного перемещения людей, грузов или их перемещения естественным путем, или транспортных средств, управляемых людьми [6, с. 1011];

2) дорожное движение — это явление социальное, потому что в нем занято абсолютное большинство населения страны [7, с. 26];

3) дорожное движение имеет социальный характер потому, что в процессе него реализуются политические, экономические и культурные интересы государства и общества в целом [8, с. 49];

4) дорожное движение — это совокупная волевая деятельность людей, направленная на достижение определенных целей [9, с. 48].

Полагаем, в контексте дорожного движения понятие «безопасность» следует рассматривать как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом следует понимать, что к интересам личности необходимо относить её права и свободы, а к интересам общества — его духовные и материальные ценности [10, с. 15].

Думается, в настоящее время состояние правового регулирования административной ответственности в сфере дорожного движения в России не обеспечивает безопасность дорожного движения в полной мере. Так, в отечественном административном законодательстве отсутствуют нормы, регламентирующие вопросы привлечения к административной ответственности лиц, использующих в качестве транспортного средства электросамокаты и иные электронные средства перемещения.

В связи с вышеуказанным законодательным пробелом российское административное законодательство в сфере дорожного движения отстает от развития правового регулирования административной ответственности в сфере дорожного движения в зарубежных странах. Проиллюстрируем сказанное на примере Франции.

Во Франции вопрос административной ответственности за нарушение правил дорожного движения во время управления электронным транспортным средством был урегулирован в октябре 2019 года. Так, принятый во Франции Декрет № 2019-1082 от 23 октября 2019 г. «О регулировании транспортных средств для личного пользова-

ния»[1] установил применимые к электронным транспортным средствам правила дорожного движения и парковки. Данный Декрет назвал в Правилах дорожного движения электронные транспортные средства для личного передвижения новыми категориями транспортных средств. Им были предусмотрены их технические характеристики и особенности их использования на дорогах общего пользования. В нем были установлены предметы, которые должны носить с собой водители этих электронных транспортных средств, а также места, где эти водители могут ездить на электронных транспортных средствах.

В Декрете № 2019-1082 от 23 октября 2019 г. «О регулировании транспортных средств для личного пользования» также было сформулировано определение данного вида транспортных средств. В частности, в нем сказано, что моторизованное транспортное средство для личного перемещения — это транспортное средство без сидячих мест, спроектированное и сконструированное для передвижения одного человека и лишенное каких-либо приспособлений для перевозки грузов. Оно оснащено нетепловым двигателем и имеет максимальную скорость в расчете на конструкцию не менее 6 км/ч и не более 25 км/ч. Кроме того, оно может иметь аксессуары, например, небольшую корзину или сумку, гироход, и может быть оснащено седлом.

По французскому законодательству любое моторизованное транспортное средство для личного пользования должно быть оснащено эффективным тормозным устройством, характеристики которого устанавливаются Министерством безопасности дорожного движения Французской Республики[2].

Французский законодатель также установил, что управлять моторизованным транспортным средством может лицо, достигшее возраста 12 лет. Кроме того, в Декрете № 2019-1082 от 23 октября 2019 г. «О регулировании транспортных средств для личного пользования» обращается особое внимание на то, что управлять моторизованным транспортным средством может только один человек.

С целью обеспечения безопасности не только пешеходов, но и самих водителей моторизованных транспортных средств в Декрете № 2019-1082 от 23 октября 2019 г. «О регулировании транспортных средств для личного пользования» было подчеркнуто, что любой водитель моторизованного транспортного средства должен:

а) носить шлем, соответствующий правилам, касающимся средств индивидуальной защиты, который должен быть прикреплен;

б) носить либо светоотражающий жилет, соответствующий французскому законодательству, либо светоотражающее оборудование, характеристики которого устанавливаются Министерством безопасности дорожного движения Французской Республики;

в) надевать на него дополнительное неослепляющее и не мигающее осветительное устройство, характеристики которого устанавливаются Министерством безопасности дорожного движения Французской Республики;

---

[1] Décret n° 2019—1082 du 23 octobre 2019 relatif à la réglementation des engins de déplacement personnel [Электронный ресурс]. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/-JORFTEXT000039272656/ (дата обращения: 01.06.2022).

[2] Décret trottinettes du 23 octobre 2019: les règles de circulation et de stationnement. URL: https://www.village-justice.com/articles/decret-trottinettes-octobre-2019-les-regles-circulation-stationnement,32837.html (дата обращения: 01.06.2022).

г) перемещаться как в дневное, так и ночное время при включенных габаритных огнях своего транспортного средства.

Нарушение правил дорожного движения для моторизованных транспортных средств, установленных Декретом № 2019-1082 от 23 октября 2019 г. «О регулировании транспортных средств для личного пользования», влечет за собой назначение одного из следующих видов административных наказаний: штрафа, конфискации моторизованного транспортного средства или административного ареста.

Таким образом, можно констатировать, что французский законодатель, в отличие от российского, развивает правовое регулирование административной ответственности в сфере дорожного движения сообразно требованиям нынешнего времени.

Попытка урегулировать данный вопрос в России была предпринята в 2019 году. В частности, осенью 2019 года стало известно, что Министерство транспорта Российской Федерации разработало поправки к Правилам дорожного движения, которые должны были коснуться самокатов, скейтов, сигвеев, лонгбордов, моноколес и других подобных средств передвижения. В новом законопроекте предлагался термин «Средство индивидуальной мобильности» (СИМ) — устройство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) и (или) мускульной энергии человека, за исключением велосипедов и инвалидных колясок"[1]. Отметим, что до сих пор предложенные законодательные обновления так и не были приняты.

Поскольку в Правилах дорожного движения электронные транспортные средства не названы самостоятельной группой участников дорожного движения, на практике водителей электронных транспортных средств признают пешеходами. Представляется, такой подход наносит существенный вред безопасности дорожного движения. Так, нередко на водителя электронного транспортного средства, наехавшего на пешехода и причинившего ему незначительные телесные повреждения, в силу отсутствия соответствующих норм в КоАП РФ, не составляется протокол. В результате водитель электронного транспортного средства, чувствуя свою безнаказанность, продолжает ездить на нем с высокой скоростью, тем самым вновь угрожая жизни и здоровью пешеходов.

Фактически сегодня правила управления электронным транспортным средством устанавливаются лишь в договоре аренды. Так, в договоре аренды электронного транспортного средства прописывается минимальный возраст арендатора, где можно ездить на данном транспортном средстве и как парковаться, указывается на недопустимость одновременного его использования двумя водителями[2].

Таким образом, то, что во Франции урегулировано на законодательном уровне и обеспечено механизмом государственного принуждения, в частности административной ответственностью, в России отдано на откуп арендодателям электронных транспортных средств. При этом арендодатели электронных транспортных средств не обладают теми же инструментами воздействия на правонарушителей, что и государство. В итоге сегодня на практике максимум, что может грозить недобросовестным арендаторам электронных транспортных средств, это их блокировка внутри конкретного сервиса.

---

[1] Минтранс разработал ПДД для электросамокатов, моноколес и гироскутеров. URL: https://www.rbc.ru/society/31/10/2019/5dbb3bd49a794781fea285d6 (дата обращения: 01.06.2022).

[2] Пешеход на пушечном ядре. URL: https://www.fontanka.ru/2021/05/18/69920936/ (дата обращения: 01.06.2022).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствие в отечественном законодательстве специальных норм, устанавливающих административную ответственность владельцев электронных транспортных средств, существенным образом затрудняет обеспечение безопасности дорожного движения. Представляется, что российскому законодателю при урегулировании данного вопроса полезно воспользоваться опытом Франции. В частности, в Правилах дорожного движения, КоАП РФ целесообразно раскрыть содержание понятия «электронное транспортное средство», правила эксплуатации данного вида транспортного средства, обязательные требования к его водителям, а также ответственность за нарушение этих правил и требований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агеев А. А. Понятие и основополагающие признаки категории административного правонарушения // Административное право и процесс. — 2016. — № 10. — С. 35—40.

2. Якимов А. Ю. Размышления о нормативно-правовой основе деятельности, связанной с дорожным движением // Административное право и процесс. — 2021. — № 2. — С. 10—19.

3. Калюжный Ю. Н. Безопасность дорожного движения как компонент системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право. — 2020. — № 4. — С. 3—7.

4. Молчанов П. В. Профилактика правонарушений в области дорожного движения // Административное право и процесс. — 2019. — № 5. — С. 62—65.

5. Сорокина К. А. Принципы осуществления контрольно-надзорной деятельности в области безопасности дорожного движения // Российская юстиция. — 2020. — № 2. — С. 52—56.

6. Братановский С. Н. Административно-правовая организация системы государственного управления автомобильным транспортом в России / С. Н. Братановский, А. В. Лисицкая // Административное и муниципальное право. — 2016. — № 12. — С. 1010—1018.

7. Митрошин Д. В. О совершенствовании международного нормативно-правового регулирования в области дорожного движения // Административное право и процесс. — 2021. — № 2. — С. 25—28.

8. Калюжный Ю. Н. Система обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации: правовые подходы и характерные признаки // Российская юстиция. — 2016. — № 12. — С. 48—51.

9. Молчанов П. В. Безопасность дорожного движения как объект финансово-правового регулирования // Административное право и процесс. — 2017. — № 10. — С. 47—51.

10. Калюжный Ю. Н. Теоретико-правовые вопросы классификации субъектов государственно-правовой системы обеспечения безопасности дорожного движения в России // Государственная власть и местное самоуправление. — 2017. — № 7. — С. 13—18.

REFERENCES

1. Ageyev A. A. Ponyatiye i osnovopolagayushchiye priznaki kategorii administrativnogo pravonarusheniya // Administrativnoye pravo i protsess. — 2016. — № 10. — P. 35–40.

2. Yakimov A. Yu. Razmyshleniya o normativno-pravovoy osnove deyatelnosti. svyazannoy s dorozhnym dvizheniyem // Administrativnoye pravo i protsess. — 2021. — № 2. — P. 10–19.

3. Kalyuzhnyy Yu. N. Bezopasnost dorozhnogo dvizheniya kak komponent sistemy obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii // Transportnoye pravo. — 2020. — № 4. — P. 3–7.

4. Molchanov P. V. Profilaktika pravonarusheniy v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Administrativnoye pravo i protsess. — 2019. — № 5. — P. 62–65.

5. Sorokina K. A. Printsipy osushchestvleniya kontrolno-nadzornoy deyatelnosti v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Rossiyskaya yustitsiya. — 2020. — № 2. — P. 52–56.

6. Bratanovskiy S. N., Lisitskaya A. V. Administrativno-pravovaya organizatsiya sistemy gosudarstvennogo upravleniya avtomobilnym transportom v Rossii // Administrativnoye i munitsipalnoye pravo. — 2016. — № 12. — P. 1010–1018.

7. Mitroshin D. V. O sovershenstvovanii mezhdunarodnogo normativno-pravovogo regulirovaniya v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Administrativnoye pravo i protsess. — 2021. — № 2. — P. 25–28.

8. Kalyuzhnyy Yu. N. Sistema obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiyskoy Federatsii: pravovyye podkhody i kharakternyye priznaki // Rossiyskaya yustitsiya. — 2016. — № 12. — P. 48–51.

9. Molchanov P. V. Bezopasnost dorozhnogo dvizheniya kak obyekt finansovo-pravovogo regulirovaniya // Administrativnoye pravo i protsess. — 2017. — № 10. — P. 47–51.

10. Kalyuzhnyy Yu. N. Teoretiko-pravovyye voprosy klassifikatsii subyektov gosudarstvenno-pravovoy sistemy obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossii // Gosudarstvennaya vlast i mestnoye samoupravleniye. — 2017. — № 7. — P. 13–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ракитский Владислав Владимирович, преподаватель кафедры огневой подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladislav V. Rakitskii, Teacher of fire training Department. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Lermontova Street, 110, Irkutsk, Russia. 664074.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С.260 — 274.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no.2 (101). P. 260—274.

12.00.14. Административное право; административный процесс

Научная статья
УДК 342.9
DOI 10.55001/2312-3184.2022.40.94.023

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В ГОСУДАРСТВО ГРАЖДАНСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИЛИ ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Шадрина Лилия Валерьевна
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Российская Федерация, Тюмень, danelyanlv@mail.ru

Введение: В статье в свете реализации перечня поручений Президента Российской Федерации от 6 марта 2020 года № Пр-469 проведен сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства, предусматривающего применение к иностранным гражданам и лицам без гражданства, нарушающим миграционные правила или иные нормы законодательства страны пребывания, мер административно-правового принуждения в виде высылки в государство гражданской принадлежности или постоянного проживания. Автором изучен положительный международный опыт, который мог быть имплементирован в российское законодательство; сформулированы предложения по модернизации российского законодательства, регулирующего вопросы Принудительного возвращения иностранных граждан и лиц без гражданства в государство гражданской принадлежности или постоянного проживания.

Материалы и методы: при проведении исследования использовался метод изучения и анализа документов: нормативных правовых актов Российской Федерации и отдельных зарубежных государств, регламентирующих миграционные правила, а также порядок применения мер административно-правового принуждения в отношении лиц, нарушающих установленные правила.

Результаты исследования: в результате проведенного, сравнительного анализа зарубежного законодательства в части применения к иностранным гражданам и лицам без гражданства принудительных мер высылки в связи с нарушением ими правил пребывания показана целесообразность наличия в российской законодательстве трех самостоятельных форм высылки: административное выдворение, депортация и реадмиссия, поскольку имеют разные правовые основы применения.

© Шадрина Л.А., 2022

Выводы и заключения: По мнению автора, унификация имеющихся норм должна проводиться исходя из целесообразности единой правовой регламентации, а не объединения имеющихся в российском законодательстве формы высылки иностранных граждан, поскольку правовые основы их применения различны и соответствуют нормам международного законодательства. В то же время, поскольку все формы высылки по своей принудительной природе вторгаются в сферу основных прав иностранных граждан порядок и основания высылки иностранных граждан должен быть регламентирован в едином нормативном правовом акте, а именно в действующем Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Ключевые слова: депортация, выдворение, реадмиссия, иностранные граждане, лица без гражданства, постоянное место жительства, меры принуждения, правовой анализ.

Для цитирования: Шадрина Л. В. Принудительное возвращение иностранных граждан и лиц без гражданства в государство гражданской принадлежности или постоянного проживания: сравнительно правовой анализ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С. 260—274.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.40.94.023

12.00.14. Administrative law; administrative process

Original article

FORCED RETURN OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS TO THE STATE OF CITIZENSHIP OR PERMANENT RESIDENCE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Shadrina L. Valeryevna
Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russian Federation, Tyumen, danelyanlv@mail.ru

Introduction: In the article, in the light of the implementation of the list of instructions of the President of the Russian Federation dated March 6, 2020 №. Pr-469, a comparative legal analysis of Russian and foreign legislation is carried out, providing for application to foreign citizens and stateless persons who violate migration rules or other norms of the legislation of the host country , measures of administrative and legal coercion in the form of expulsion to the state of nationality or permanent residence. The author studied the positive international experience that could be implemented in Russian legislation; formulated proposals for the modernization of Russian legislation governing the forced return of foreign citizens and stateless persons to the state of citizenship or permanent residence.

Materials and methods: the study used the method of studying and analyzing documents: regulatory legal acts of the Russian Federation and certain foreign states regulating migration rules, as well as the procedure for applying administrative and legal coercion measures against persons violating the established rules.

The result of the study: as a result of a comparative analysis of foreign legislation in terms of the application of compulsory measures of expulsion to foreign citizens and stateless persons in connection with their violation of the rules of stay, the expediency of having three independent forms of expulsion in Russian legislation is shown: administrative expulsion, deportation and readmission, since have different legal bases of application.

Findings and Conclusions: According to the author, the unification of the existing norms should be carried out on the basis of the expediency of a single legal regulation, and not the unification of the forms of expulsion of foreign citizens existing in Russian legislation, since the legal bases for their application are different and correspond to the norms of international law. At the same time, since all forms of expulsion, by their coercive nature, intrude into the sphere of fundamental rights of foreign citizens, the procedure and grounds for the expulsion of foreign citizens should be regulated in a single regulatory legal act, namely, in the current Federal Law of July 25, 2002 № 115- Federal Law «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation».

Keywords: deportation, expulsion, readmission, foreign citizens, stateless persons, permanent residence, coercive measures, legal analysis.

For citation: Shadrina L. V. Prinuditel'noe vozvrashhenie inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva v gosudarstvo grazhdanskoj prinadlezhnosti ili postojannogo prozhivanija: sravnitel'no pravovoj analiz [Forced return of foreign citizens and stateless persons to the state of citizenship or permanent residence: a comparative legal analysis]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 2 (101) pp. 260—274 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.40.94.023

Общепринятыми мерами принуждения иностранных граждан, применяемыми в связи с нарушением ими миграционного законодательства, являются удаление из страны (депортация, выдворение, реадмиссия и др.).

В перечне поручений Президента Российской Федерации от 6 марта 2020 года № Пр-469[1] обозначено, что точечные изменения законодательного регулирования миграции не приведут к качественному улучшению состояния миграционной сферы, формированию отвечающей интересам Российской Федерации миграционной ситуации, необходимому уровню обеспечения безопасности и правопорядка.

В связи с этим предписано осуществить комплексную модернизацию законодательства, в том числе в части совершенствования порядка высылки иностранных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации. При этом также определена необходимость унификации правил, устранения пробелов правового регулирования и выработки единого алгоритма действий по организации высылки за пределы Российской Федерации иностранных граждан, нахождение которых в стране нежелательно.

Незаконная миграция обоснованно вызывает тревогу при реализации миграционной политики. Именно поэтому к одному из ее направлений в области совершенствова-

[1] Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019-2025 годы: утв. Президентом Российской Федерации от 6 марта 2020 г. № ПР-469. // Текст документа официально опубликован не был.

ния механизмов профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации отнесено совершенствование правовой основы противодействия незаконной миграции, в том числе регулирование ответственности лиц за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации[1].

В целях защиты правопорядка, прав и свобод граждан Российской Федерации государство применяет к таким иностранным гражданам и лицам без гражданства комплекс мер принудительного характера, направленных на прекращение пребывания таких лиц на территории страны [6, с. 141].

К числу указанных мер относятся:

— сокращение срока временного пребывания или проживания;

— принятие решения об отказе в выдаче либо аннулировании разрешения на временное проживание (вида на жительство);

— принятие решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации;

— принятие решения о реадмиссии иностранного гражданина или лица без гражданства;

— депортация;

— административное выдворение [6, с. 141].

Административное выдворение, депортация и реадмиссия иностранных граждан относятся к числу мер государственного принуждения, направленных на возвращение иностранных граждан и лиц без гражданства в государство гражданской принадлежности или постоянного проживания [3, с. 7].

Всего из России в 2020 году были выдворены более 11,2 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе 40 несовершеннолетних. Это в 3,3 раза меньше, чем в 2019 году, когда за пределы России приставы по решению судов депортировали свыше 37,2 тыс. иностранцев, которые нарушали миграционное законодательство[2].

Несмотря на схожесть правовых последствий этих мер, правовая основа у них различна: административное выдворение — это административное наказание, назначаемое по решению суда; депортация осуществляемая административным органом во внесудебном порядке и реадмиссия, реализуемая на основе международных соглашений о реадмиссии, относятся к мерам пресечения.

Все эти меры принуждения непосредственно вторгаются в сферу основных прав и свобод, гарантируемых государством. Именно поэтому их применение является постоянным предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушение прав и свобод человека и гражданина (далее — ЕСПЧ). Российская Федерация в последние годы является лидером по количеству направленных против нее жа-

[1] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы: указ Президента Рос. Федерации от 31 окт. 2018 г. № 622 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709 (дата обращения 11.01.2021.)

[2] Число выдворенных из России иностранцев в 2020 году сократилось в три раза. URL: https://tass.ru/obschestvo/10673155?ysclid=l4m8s8f53b711070550 (дата обращения 25.03.2021).

лоб и выявленных нарушений прав человека [3, с. 3—4; 7, с. 334], что обусловливает, в свою очередь, необходимость анализа зарубежного опыта их правовой регламентации.

Возвращение иностранных граждан и лиц без гражданства в государство гражданской принадлежности или постоянного проживания как принудительная мера в различных формах присутствует как в странах Евросоюза и в странах государств — участников Содружества Независимых Государств, так и в других странах.

К таким мерам относятся выдворение, депортация, перемещение, удаление, изгнание и запрет находиться на территории государства окончательно или на определенный срок.

Регламентация выдворения в нормативных правовых актах зарубежных стран различна по правовой природе: от уголовного наказания до меры административного принуждения.

В таких странах, как Словацкая Республика, Французская Республика, Эстонская Республика, Латвийская Республика, Финляндская Республика, Китайская Народная Республика, Республика Индия и др., выдворение за пределы государства признается одним из видов уголовного наказания. Уголовное законодательство Греческой Республики, Республики Македония, Республики Румыния, Республики Сербия, Республики Хорватия рассматривает выдворение как меру безопасности; Королевства Испания и Турецкой Республики — как уголовно-правовую меру безопасности. Уголовным кодексом Королевства Испания (1995 г.) предусмотрена замена наказания в виде лишения свободы на изгнание с национальной территории [3, с. 21; 1, с. 332—333; 5, с. 23—24].

Согласно законодательству Республики Молдова выдворение может быть применено и как уголовное и как административное наказание (ст. 62 Закона № 200 от 16 июля 2010 г. «О режиме иностранцев в Республике Молдова» (далее — Закон об иностранцах РМ)). При этом сам режим принудительных мер называется — режим удаления иностранцев за пределы территории республики Молдова, которому посвящена глава VII Закона об иностранцах РМ. Режим удаления помимо выдворения включает возвращение иностранцев с территории Республики Молдова; объявление лица нежелательным; удаление иностранца под сопровождением; удаление на основании соглашения о реадмиссии; оказание помощи в целях добровольного возвращения; взятие на государственное содержание; толерантность нахождения на территории Республики Молдова. Часть мер режима удаления являются обеспечительными.

В Республике Казахстан выдворение иностранных граждан осуществляется в порядке, регламентируемом Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (далее — КоАП РК), а также в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V (далее — ГПК РК). И в том и в другом случае решение о выдворении принимает суд. Решение суда вступает в силу в день его вынесения и передается в ОВД для исполнения решения. Решение исполняется в течение трех дней. Осуществляется принудительное сопровождение до границы.

В соответствии со статьей 41 КоАП РК административное выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства является видом административного взыскания. Вынесение судом в порядке гражданского судопроизводства решения о выдворении иностранца из Республики Казахстан призвано обеспечить задачу

охраны общественных интересов от правонарушений, а также предупреждение их совершения. Между тем охрана общественного порядка является задачей законодательства об административных правонарушениях (статья 6).

Наказание о выдворении иностранца или лица без гражданства исполняется органами национальной безопасности и внутренних дел Республики Казахстан. Исполнение вступившего в законную силу приговора суда по выдворению иностранца или лица без гражданства производится в принудительном порядке после исполнения основного вида наказания. Выдворение иностранца или лица без гражданства осуществляется путем его препровождения органами внутренних дел до пункта пропуска через государственную границу на железнодорожном транспорте. При отсутствии железнодорожного сообщения (маршрута) выдворение осуществляется иными видами транспорта (воздушным, автомобильным или водным). В случае нахождения выдворяемого иммигранта в одном населенном пункте с пунктом пропуска через государственную границу его препровождение осуществляется на автомобильном транспорте или в пешем порядке.

В гражданском судопроизводстве рассмотрение дел по заявлению органов внутренних дел о выдворении иностранцев или лиц без гражданства за пределы Республики Казахстан на основании нарушения законодательства Республики Казахстан осуществляется в порядке особого производства (глава 49 ГПК РК).

По содержанию административное выдворение и выдворение в порядке гражданского судопроизводства имеют ряд схожих черт и признаков.

Согласно нормативному постановлению Верховного Суда Республики Казахстан «О судебной практике рассмотрения дел о выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства», следует, что по содержанию административное выдворение и выдворение в порядке гражданского судопроизводства представляют собой принудительное или контролируемое уполномоченными органами самостоятельное перемещение иностранцев или лиц без гражданства за пределы Республики Казахстан, осуществляемое на основании постановления (решения) суда за совершение административного правонарушения либо нарушения законодательства.

Порядок выдворения и применение иных мер принуждения регламентируется постановлением Правительства Республики Казахстан от 21 января 2012 года № 148 «Об утверждении Правил въезда и пребывания иммигрантов в Республике Казахстан, а также их выезда из Республики Казахстан и Правил осуществления миграционного контроля, а также учета иностранцев и лиц без гражданства, незаконно пересекающих Государственную границу Республики Казахстан, незаконно пребывающих на территории Республики Казахстан, а также лиц, которым запрещен въезд на территорию Республики Казахстан».

Как мера административного принуждения, применяемая во внесудебном порядке, выдворение предусмотрено в Турецкой Республике (решение выносит Миграционная служба Турции), Республике Кипр (решение директора Департамента гражданской регистрации и миграции Министерства внутренних дел Республики Кипр по ходатайству полиции); Республике Беларусь (решение органа внутренних дел или органа государственной безопасности).

На основании части 1 статьи 14 «Распоряжение о выдворении» Закона об иностранцах и иммиграции (глава 105 Статутного права) Республики Кипр директор имеет

право в отношении любого лица, являющегося нелегальным мигрантом согласно части 1 статьи 6 «Нелегальные мигранты», или любого лица, законно въехавшего в республику, но оставшегося в республике по истечении разрешенного законом срока пребывания, а также любого лица, ранее выдворенного из страны или других государств — членов ЕС, вынести распоряжение о его выдворении и взятии под стражу[1].

В Миграционном Кодексе Азербайджанской Республики, утвержденном Законом Азербайджанской Республики от 2 июля 2013 года № 713-IVQ (далее — Миграционный Кодекс АР) выдворение понимается и как мера уголовного или административного наказания, и как принудительная мера административного характера — решение о выдворении (ст. 79). При этом общие правила выдворения иностранцев и лиц без гражданства за пределы Азербайджанской Республики установлены в Миграционном кодексе РА, а специальные — в кодексах Азербайджанской Республики об административных проступках[2] и об исполнении наказаний [3].

Законодательство Кыргызской Республики также применяет единый термин для выдворения иностранных граждан, которое может применяться в судебном и во внесудебном порядке (ст. 19 Закона Кыргызской Республики от 17 июля 2000 г. № 61 «О внешней миграции»), а также в уголовно-исполнительном — после отбытия наказания (ст. 19-1 Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики от 13 декабря 1999 года № 142).

Такой подход, думается, позволяет унифицировать применяемые принудительные меры.

Закон Республики Армения «Об иностранных лицах» от 16 января 2007 г. № ЗР-47 (далее — Закон РА) в качестве меры принуждения предусматривает только депортацию, причем делит ее на два вида, выделяя еще коллективную депортацию, под которой понимает высылку группы, состоящей не менее чем из двух иностранных лиц, по решению, принятому на основании объективного и разумного рассмотрения, без учета личных данных и особого положения каждого члена группы. При этом законодательство предусматривает обязательство для иностранных граждан о добровольном убытии (ст. 30 Закона РА). Основанием депортации является невыполнение указанного обязательства. Дело о депортации иностранца возбуждается по инициативе полиции Республики Армения и осуществляется судом.

Аналогичный подход сложился в США, только депортация применяется в административном порядке сотрудниками Иммиграционно-таможенной полиции МВБ США (U.S. Immigration and Customs Enforcement, ICE), которые принимают решение о депортации по ускоренной процедуре. Ордер об ускоренной процедуре не подлежит

---

[1] Информационное письмо Представителя МВД России в Республике Кипр П. А. Смирнова от 28.04.2020 исх. № 15/96. Текст документа официально опубликован не был.

[2] Закон Азербайджанской Республики от 29 декабря 2015 года № 96-VQ «Об утверждении Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках» [Электронный ресурс]. — URL: https://online.zakon.kz/ (дата обращения: 25.02.2021).

[3] Закон Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 908-IQ «Об утверждении, вступлении в силу Кодекса исполнения наказаний Азербайджанской Республики и связанных с этим вопросах правового регулирования» [Электронный ресурс]. — URL: https://online.zakon.kz/ (дата обращения: 25.02.2021).

апелляции. Однако задержанные могут подать заявление в суд о том, что ордер выдан ненадлежащим образом, и попросить суд пересмотреть и аннулировать его. Иммиграционный суд в США рассматривает категории дел, касающихся обжалования решений иммиграционной службы, а также предоставления политического убежища или депортации лиц, которые находятся на территории США нелегально. Легально остаться в США, не имея на это законных оснований, можно лишь двумя способами: получить согласованное обеими палатами решение Конгресса США, которое будет иметь статус закона, так называемый частный закон (private bill), или получить временную защиту от депортации. Первый вариант прописан в миграционном законодательстве, но использовать его практически нереально, в то время как во втором случае решение о временной защите от депортации принимает сотрудник территориального отделения иммиграционной службы, а утверждает начальник этого территориального отделения. Временная защита от депортации включает ряд обстоятельств, в которых может оказаться нелегальный мигрант, а именно невозможность покинуть США по семейным, личным или иным обстоятельствам. Лицу, получившему временную защиту от депортации, выдается право на работу. Временная защита от депортации выдается на неопределенный срок, при этом если в отношении нелегального мигранта еще нет решения иммиграционного суда о депортации, решение о временной защите выдает Иммиграционно-таможенная полиция (ICE), а если решение суда уже есть, то — Служба гражданства и иммиграции (USCIS). Оба ведомства входят в систему МВБ США.

Согласно информации, представленной представителем МВД России в США с точки зрения международного законодательства, США нарушает действующие нормативы. Ряд стран вообще отказываются принимать из США даже своих граждан. По оценкам экспертов, сложившаяся депортационная система является дискриминационной. Иммиграционно-таможенная полиция выдворяет из страны не тех, кто представляет наибольшую опасность, а тех, кого выслать легче и дешевле [1].

Некоторые лица могут добровольно согласиться уехать из США на своих условиях. Это может позволить им позже вернуться в США, если у них будут на это законные основания. Решение о добровольном отъезде слушаются в два этапа. Об использовании такой возможности нужно ходатайствовать в самом начале процесса депортации.

В Королевстве Таиланд депортация предусмотрена как вид административного наказания в сфере миграционного законодательства за превышение разрешенного срока пребывание в королевстве и осуществление незаконной трудовой деятельности. Депортация применяется с установлением обязательного запрета на въезд в страну. Срок запрета на въезд в страну зависит от количества дней, которые нарушитель провел в Таиланде после окончания срока его легального пребывания и от того добровольно нарушитель явился в полицию или был задержан сотрудниками КПТ за нарушение визового режима.

Правительством Королевства Таиланд утверждена программа по принятию мер, направленных на выдворение из страны иностранцев, нарушающих местное законода-

[1] Информационное письмо Представителя МВД России в США В. Е. Этнюкова от 06.05.2020 Исх. 041/20. Текст документа официально опубликован не был.

тельство либо находящихся в стране незаконно под названием Good guys in, Bad guys out[1].

Во многих странах обе меры — и депортация и выдворение применяются самостоятельно: Республика Беларусь, Китайская народная Республика, Турецкая Республика, Индия, Федеративная Республика Германия (далее — ФРГ), Франция, Республика Кипр.

При этом законодательство Республики Беларусь применяет несколько терминов: высылка, депортация, выдворение и передача иностранцев сопредельным государствам (глава 5 «Депортация, высылка, передача иностранцев сопредельным государствам» Закон Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства» от 4 января 2010 г. № 105-З (далее — Закон об иностранцах РБ)). Однако закон дает определение только понятию «высылка из Республики Беларусь», под которой понимается — выдворение иностранца за пределы Республики Беларусь в соответствии с настоящим законом (ст. 1 Закона об иностранцах РБ). Высылка предусмотрена двух видов: путем добровольного выезда и в принудительном порядке. Решение о высылке принимается органом внутренних дел или органом государственной безопасности [4, с. 255—257]. При этом высылка может применяться вне связи с совершением противоправного деяния, по неделиктному основанию в связи с необходимостью интересов национальной безопасности Республики Беларусь [2, с. 49].

Депортация как самостоятельная мера может применяться в случаях, определенных белорусскими законодательными актами, и в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь (ст. 64 Закон об иностранцах РБ).

Депортация является видом административного взыскания, предусмотренного ст. 6.11 КоАП Республики Беларусь. Под депортацией понимается административное выдворение за пределы Республики Беларусь иностранного гражданина и лица без гражданства. Депортация может применяться как в качестве основного, так и дополнительного административного взыскания (ст. 6.3 КоАП Республики Беларусь). Таким образом, общим термином для высылки и депортации по законодательству Республики Беларусь является термин — «выдворение».

При этом высылка осуществляется в порядке, определяемом Законом Республики Беларусь № 105 и постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 февраля 2006 года № 146 «Об утверждении положения о порядке осуществления высылки иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь», депортация — на основании Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З и постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15 марта 2007 г. № 333 «Об утверждении Положения о порядке депортации иностранных граждан и лиц без гражданства».

Правовые последствия депортации и высылки отличаются по сроку запрета въезда в Республику Беларусь. Депортированному иностранцу въезд в Республику Беларусь может быть запрещен на срок от одного года до пяти лет.

---

[1] Информационное письмо представителя МВД России в Королевстве Таиланд Ю. Б. Борисенко от 27.04.2020 № 79/04-2020. Текст документа официально опубликован не был.

Высланному иностранцу въезд в Белоруссию может быть запрещен на срок от одного года до десяти лет.

По законодательству Китайской Народной Республики (далее — КНР) депортация применяется при наличии одного из следующих оснований: невыезд за рубеж в установленный срок после предписания выехать при наличии обстоятельств, при которых въезд иностранному гражданину запрещен; в случае незаконного проживания и (или) незаконного трудоустройства (ст. 62 Закона КНР «Об управлении въездом и выездом» от 30 июня 2012 г.[1] (далее — Закон КНР о въезде и выезде)). Депортированные лица не вправе въезжать в КНР в течение от одного года до 5 лет со дня депортации. При депортации иностранного гражданина, в соответствии со статьей 62 Закона КНР о въезде и выезде орган, принявший решение о депортации, обязан в соответствии с законодательством определить срок, в течение которого иностранному гражданину запрещен въезд на территорию КНР (ст. 31 Закона КНР о въезде и выезде).

Выдворение применяется как административное наказание в случае нарушения иностранным гражданином Закона КНР о въезде и выезде при наличии отягчающих обстоятельств, не ведущих к образованию состава преступления. Выдворение применяется по решению Министерства общественной безопасности КНР, которое является окончательным.

Выдворение по законодательству Республики Индия является дополнительным видом наказания при нахождении в стране без действующего паспорта или визы, а основной вид наказания — лишение свободы на срок до 5 лет. Решения о выдворении принимаются специальными трибуналами по делам иностранцев, созданными при окружных судах[2].

Депортация является принудительной мерой административного характера и, наряду с решениями о нежелательности нахождения или отказе во въезде в Индию, при наличии правовых оснований применяются федеральными или территориальными подразделениями Бюро иммиграции (БИ) при МВД Индии самостоятельно или по мотивированному представлению федеральных и территориальных органов исполнительной власти, включая органы внутренних дел и полицию[3].

Во Франции также применяются депортация и выдворение, при этом выдворение имеет двойственную природу является как административной процедурой, так и дополнительным уголовным наказанием (ст. 130—31 УК Франции). Как административное принуждение депортация и выдворение предусмотрены Кодексом о въезде и пребывания иностранцев и предоставлении права на убежище от 24 ноября 2004 г. (далее — Кодекс о въезде). Депортация применяется административным органом в отношении иностранца, не являющегося гражданином государства — члена Европейского Союза, незаконно находящегося на территории, при условии, что он был уведомлен о недопустимости въезда в страну в соответствии с обязательным решением, принятым одним из дру-

[1]Законодательство Китая на русском языке. URL: https://chinalaw.center/administrative. (дата обращения: 15.01.2021).

[2] Информационное письмо представителя МВД России в Республике Индии и по совместительству в Исламской Республике Пакистан М. А. Марченко от 27.04.2020 № 79/04-2020. Текст документа официально опубликован не был.

[3] Там же.

гих государств — участников Шенгенской конвенции 19 июня 1990 года, либо был подвергнут принудительной высылке одним из других государств — членов Европейского Союза (ст. L531-3 Кодекса о въезде). Выдворение более детально регламентировано Кодексом о въезде.

Прежде чем применить меры удаления, административный орган может обязать покинуть территорию Франции иностранца, не являющегося гражданином государства — члена Европейского Союза, другого государства — участника соглашения о Европейском экономическом пространстве или Швейцарской Конфедерации и не являющегося членом семьи такого гражданина, находящегося в стране в нарушение ст. L511-1 Кодекса о въезде. Обязательство покинуть территорию Франции определяет страну, в которую иностранец возвращается в случае принудительного исполнения. Иностранцу, которому предписывается покинуть территорию Франции, предоставляется тридцатидневный срок добровольного отъезда с момента уведомления об обязательстве покинуть территорию Франции, а в порядке исключения — более тридцати дней, либо этот срок может быть продлен. В то же время на основании мотивированного решения может быть принято решение о том, что иностранец обязан незамедлительно покинуть территорию Франции, при этом административный орган может наложить запрет на возвращение на территорию Франции на срок до трех лет с момента исполнения обязательства покинуть территорию Франции. Данное решение может быть обжаловано в административный суд (глава II Кодекса о въезде). Выдворение по Кодексу о въезде применяется: если присутствие во Франции иностранца создает серьезную угрозу общественному порядку; если такая мера является настоятельной необходимостью для обеспечения государственной безопасности или общественной безопасности; только в случае поведения, которое может нанести ущерб основным интересам государства, или связанного с террористической деятельностью, или явного и преднамеренного подстрекательства к дискриминации, ненависти или насилию в отношении конкретного лица или группы лиц.

Выдворение и депортация как меры административного принуждения в Федеративной Республике Германия (далее — ФРГ) предусмотрены Законом о пребывании, трудоустройстве и интеграции иностранцев в Федеративной Республике Германия (далее — Закон о пребывании в ФРГ). С 1 января 2016 года в ФРГ вступили в силу новые правила по выдворению иностранцев, которые в существенно изменили принципы принятия связанных с ними решений, в частности, в обязательном порядке путем взвешивания интересов государства в выдворении иностранного гражданина (ст. 54 Ausweisungsinteresse) и интересов самого иностранца (ст. 54a Bleibeinteresse)[1].

В § 53 Закона о пребывании в ФРГ закреплено, что «иностранец, пребывание которого угрожает общественной безопасности и порядку, свободному демократическому общественному порядку или другим значимым интересам ФРГ, подлежит выдворению, если проведенное с учетом всех обстоятельств конкретного случая сопоставление заинтересованности в отъезде с заинтересованностью в дальнейшем пребывании иностранца

[1] Информационное письмо представителя МВД России в ФРГ Р. А. Терентьева от 15.05.2020 № 124. Текст документа официально опубликован не был.

на территории ФРГ показывает, что общественная заинтересованность в отъезде имеет преобладающую силу»[1].

При сопоставлении заинтересованности в соответствии с ч. 1 указанного параграфа особое внимание уделяется, с учетом обстоятельств конкретного случая, продолжительности пребывания иностранца, его личным, экономическим и иным связям на территории ФРГ, в стране происхождения или в другом государстве, готовом его принять, последствиям выдворения для членов семьи и партнеров, а также тому, соблюдал ли иностранный гражданин закон.

Понятие «заинтересованность в выдворении» раскрывается в § 54 Закона о пребывании в ФРГ, в котором она подразделяется на два вида: особенно высокая и высокая. Первая связана с совершением умышленных преступлений, где наказание предусмотрено в виде лишения свободы на срок свыше двух лет или одного года за конкретные преступления или участие в террористической или экстремистской деятельности, вторая — за менее тяжкие преступления или за предоставление ложной или неполной информации для получения разрешения на пребывание в ФРГ.

Основная задача выдворения заключается в предотвращении опасностей или угроз, исходящих от иностранных граждан. Интересы государства в выдворении существуют, как правило, в случаях, если иностранец совершил одно или несколько тяжких преступлений (например, назначение лишения свободы на срок от 2 лет; принадлежность к террористическим организациям; представление опасности демократическому строю или безопасности страны; разжигание межнациональной розни; одобрение военных преступлений и террористических актов).

Депортация в ФРГ также применяется как мера административно-правового принуждения по решению Высшего земельного органа, который может издать постановление о депортации в отношении иностранца, основываясь на фактах прогноза о предотвращении особой угрозы безопасности ФРГ или террористической угрозы без предварительного выдворения. Приказ о депортации подлежит немедленному исполнению; предупреждение о депортации не требуется (§ 58а Закона о пребывании в ФРГ). Также такое решение может быть принято Федеральным министерством внутренних дел в случае если федеральное правительство имеет особую заинтересованность, с одновременным уведомлением Высшего земельного органа. Такие постановления исполняются Федеральной полицией.

Иностранный гражданин подлежит депортации, если обязательство покинуть страну имеет законную силу, срок выезда не был продлен или истек, а добровольное выполнение обязательства покинуть страну не исполнено или если по соображениям общественной безопасности и порядка необходимо осуществлять контроль за выездом. Если в течение срока, разрешенного для отъезда, возникает одно из условий, упомянутых в § 59, ч. 1. п. 2 Закона о пребывании в ФРГ, то иностранный гражданин должен быть депортирован до истечения этого срока.

Таким образом, сравнительный анализ зарубежного законодательства в части применения к иностранным гражданам и лицам без гражданства принудительных мер высылки в связи с нарушением ими правил пребывания показал, что предусмотренные

[1] Там же.

в российском законодательстве одновременно три самостоятельные формы (административное выдворение, депортация и реадмиссия), несмотря на наличие общих признаков и правил применения, могут быть закреплены в законодательстве как самостоятельные принудительные меры, поскольку имеют разные правовые основы применения. Полагаем, их объединение в одну форму не требуется.

В то же время, поскольку международные нормы содержат единые критерии[1] необходимости их применения в демократическом обществе, полагаем, что общие требования к процедуре высылки иностранного гражданина должны быть сформулированы в конкретном нормативном правовом акте, как это регламентировано в законодательстве Азербайджанской Республики и Кыргызской Республики.

Так, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 115))[2] содержит главу VI «Ответственность за нарушение настоящего федерального закона», однако она регламентирует лишь порядок административного выдворения иностранного гражданина за пределы Российской Федерации. Порядок осуществления реадмиссии регламентируется главой V.1 «Передача и прием иностранных граждан в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии» ФЗ № 115.

Порядок депортации иностранных граждан определяется федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел по согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти (ч. 4 ст. 31 ФЗ № 115). Такой порядок утвержден приказом МВД России от 24 апреля 2020 года № 239 «Об утверждении Порядка депортации иностранных граждан и лиц без гражданства Министерством внутренних дел Российской Федерации и его территориальными органами»[3]. Полагаем, что порядок депортации также должен определяться ФЗ № 115, поскольку сама процедура связана с вторжением в основные конституционные права иностранных граждан.

При этом основания для применения депортации в отличие от административного выдворения, которое как вид наказания предусмотрено только в КоАП РФ, закреплены в разных нормативных правовых актах ст.ст. 31, 32.2 ФЗ № 115, ст. 25.10 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее — ФЗ № 114)[4], ст. 13 Федерального закона от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах»[5]. А содержание выдворяемых иностранных граждан и при административном выдворении, при депортации и реадмиссии

---

[1] Постановление ЕСПЧ по делу «Бультиф против Швейцарии» (Boultif v. Switzerland), жалоба № 54273/00, § 46, ECHR2001-IX. URL: http://www.echr.coe.int (дата обращения 17.03.2021.)

[2] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

[3] Об утверждении Порядка депортации иностранных граждан и лиц без гражданства Министерством внутренних дел Российской Федерации и его территориальными органами: от 24 апреля 2020 года № 239. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения 25.062020).

[4] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федер. закона Рос. Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.

[5] О беженцах: Федер. закона Рос. Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4528-I Собр. законодательства Рос. Федерации. 1993. № 26. Ст. 2956.

предусмотрено в одном специальном учреждении (глава VI.1 «Содержание иностранного гражданина в специальном учреждении» ФЗ № 115), что также объединяет эти принудительные меры с точки зрения механизма реализации.

Такой подход также представляется нам избыточным, затрудняющим восприятие и применение одной процедуры. Полагаем что единая правовая регламентация высылки иностранных граждан с территории Российской Федерации более целесообразна.

Таким образом, проведенный анализ норм российского законодательства и законодательства отдельных зарубежных государств, регламентирующих различные меры принуждения по высылке иностранных граждан и лиц без гражданства в государство гражданской принадлежности или постоянного проживания в связи с нарушением этими лицами правил пребывания в иностранном государстве, позволил сделать следующие выводы и предложения:

1. Требуется введение единой правовой регламентации высылки иностранных граждан с территории Российской Федерации, с сохранением имеющихся форм такой высылки без объединения в единую форму.

2. Такую унификацию форм возвращения иностранных граждан необходимо провести в едином нормативном правовом акте, а именно в действующем Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», определив, в частности, порядок и основания высылки иностранных граждан.

3. Специальные правила отдельных форм высылки следует устанавливать в нормах федерального законодательства, а не в подзаконных нормативных правовых актах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: моногр. / Под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. — М., 2009. — 448 с.

2. Зубова Е. Г. Меры административного принуждения, применяемые на деликтной основе к иностранным гражданам и лицам без гражданств: дисс... канд. юрид. наук. — Саратов, 2016. — 190 с.

3. Применение мер принудительной высылки к иностранным гражданам в Российской Федерации и зарубежных странах / Г.Х. Хадисов [и др.]: аналитический обзор. — М., 2020. — 137 с.

4. Сборник нормативных правовых актов Республики Беларусь по вопросам убежища, миграции и гражданства / сост. С. А. Матус, С. М. Касинский. — Минск: Тесей, 2007. — 512 с.

5. Сивова А. А. Обращение к международным нормам и зарубежному опыту при применении принудительной высылки осужденных иностранных граждан как меры обеспечения национальной безопасности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2018. — № 4. — С. 23—26.

6. Шурухнова Д. Н. Виды и правовые основания применения мер административного принуждения к иностранным гражданам и лицам без гражданства // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 6. — С. 140—144.

7. Шурухнова Д. Н. Назначение административного выдворения иностранным гражданам и лицам без гражданства в свете решений Европейского суда по правам человека // Деятельность

правоохранительных органов в современных условиях: сб. матер. XXIV междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. — 2019. — С. 334—336.

REFERENCES

1. Dodonov V.N. Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': monografiya / pod obshch. i nauch. red. S. P. SHCHerby. M., 2009. 448 p.

2. Zubova E.G. Mery administrativnogo prinuzhdeniya, primenyaemye na deliktnoj osnove k inostrannym grazhdanam i licam bez grazhdanstv: Diss... k.yu.n. — Saratov, 2016. 190 p.

3. Primenenie mer prinuditel'noj vysylki k inostrannym grazhdanam v Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stranah / G.H. Hadisov [i dr.]: analiticheskij obzor. M., 2020. 137p.

4. Sbornik normativnyh pravovyh aktov Respubliki Belarus' po voprosam ub-ezhishcha, migracii i grazhdanstva / sost. S.A. Matus, S.M. Kasinskij, — Minsk, Tesej, 2007. 512s.

5. Sivova A.A. Obrashchenie k mezhdunarodnym normam i zarubezhnomu opytu pri primenenii prinuditel'noj vysylki osuzhdennyh inostrannyh grazhdan kak mery obespecheniya nacional'noj bezopasnosti.// Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. — 2018. — № 4. — P. 23- 26.

6. SHuruhnova D.N. Vidy i pravovye osnovaniya primeneniya mer administrativnogo prinuzhdeniya k inostrannym grazhdanam i licam bez grazhdanstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2016. — № 6. — P. 140-144.

7. SHuruhnova D.N. Naznachenie administrativnogo vydvoreniya inostrannym grazhdanam i licam bez grazhdanstva v svete reshenij Evropejskogo suda po pravam cheloveka // Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh usloviyah. sb. mater. XXIV mezhd. nauchno-prakt.j konf. — Irkutsk, Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii. — 2019. — P. 334-336.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шадрина Лилия Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская д. 75.
ORCID 0000-0003-4796-9233

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lilia V. Shadrina, kandidat of Law, docent Professor, Professor of the Department of administrative activities of internal affairs bodies, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Amurskaya Street, 75. Tyumen Russia. 625049.
ORCID 0000-0003-4796-9233

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллеги осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Cyr).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Затекстовые библиографические ссылки оформляются как «Список источников». Внутритекстовые ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор *(например, [2, с. 46])*.

Список источников оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте (не по алфавиту) в соответствии с ГОСТ Р7.07—2021.

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённой приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье.

Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес Института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 2 (101) 2022

Редактор: А. В. Андреев
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

НИиРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110